

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXIII, № 4.

Олафъ Брокъ.

Предисловіе.

ОПИСАНІЕ ОДНОГО ГОВОРА

ИЗЪ ЮГОЗАПАДНОЙ ЧАСТИ

ТОТЕМСКАГО УѢЗДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1907.

СВОБОДНЫЙ
ОТДѢЛЪ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXXXIII. № 1

Свободный

ОПИСАНІЕ ОДНОГО СЛОВА

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1907 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

ТОТЪ СЛОВА

КАПИТАЛЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Въ 1907 г. № 1

1907

Предисловіе.

Настоящая статья представляет въ окончательной обработкѣ первую часть того матеріала, который я собралъ во время путешествія по Россіи, предпринятаго по приглашенію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ лѣтомъ 1902 г.; могу только жалѣть, что независящія отъ меня обстоятельства сильно задержали появленіе работы.

Изъ предварительнаго отчета о поѣздкѣ (см. Отчетъ о дѣятельности Отд. Рус. Яз. и Слов. за 1902 г.) видно, что главною цѣлью ея поставлялось, по совѣщанію съ академикомъ А. Шахматовымъ, собираніе матеріала для описанія, съ одной стороны, одного типичнаго южновеликорусскаго, съ другой, одного типичнаго же сѣверновеликорусскаго нарѣчія. По разнымъ соображеніямъ я считалъ цѣлесообразнымъ обработать сперва сѣверновеликорусскій матеріалъ. Особенно подчеркну, что образъ обработки и легче и правильнѣе поддается критикѣ при такомъ относительно ясномъ, скажемъ вычekanенномъ, въ звуковомъ отношеніи, говорѣ какъ описываемый ниже сѣверновеликорусскій; критика отъ него, какъ болѣе прозрачнаго, легче перейдетъ къ слѣдующему позже описанію южновеликорусскаго говора, чѣмъ шла бы обратнымъ путемъ.

Критикѣ слѣдуетъ подвергать, конечно, не столько полноту собраннаго матеріала; само собою разумѣется, что самый матеріалъ собирается уроженцемъ страны гораздо легче, чѣмъ иностранцемъ, хотя бы этотъ послѣдній имѣлъ въ своемъ распоря-

женіи гораздо больше времени, чѣмъ что могъ я удѣлить своей задачѣ. Зато можно задать себѣ вопросъ, не можетъ ли иностранецъ, являющійся, такъ сказать, безъ предразсудковъ и традиціонныхъ въ самой странѣ понятій, давать иногда полезныя указанія, и въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ, и въ образѣ обработки матеріала, даже такого, который самъ по себѣ, для уроженца страны, не представляетъ, можетъ быть, никакихъ замѣчательныхъ новостей. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ служилъ для меня базисомъ съ котораго я взялся за отмѣченную задачу; слѣдовательно, съ этой же точки зрѣнія и справедливая критика прежде всего должна смотрѣть на мой трудъ и судить о результатахъ.

— О подборѣ мѣста для наблюденій надъ типичнымъ сѣверно-великорусскимъ говоромъ, нужное уже сказано въ предварительномъ отчетѣ. Основа моего описанія собрана у 56-лѣтняго чело-вѣка изъ деревни «Раі́кѡво» (на планѣ Панькова, сокращается въ описаніи часто въ Паньк., П.), въ трехъ-четыре-хъ верстахъ къ югу отъ Шуйскаго на Сухонѣ, Тотемскаго уѣзда. Назывался онъ сначала «Stepán Ondré[i]ef Oréxin», позже, когда знакомство стало интимнѣе, «Stopán Ondríjof Oréxin (или -hof)», что и ожидается, какъ увидимъ, по звуковому развитію говора. Въ первыхъ формахъ имѣемъ всѣмъ ясное вліяніе окружающей Степана среды; именно, онъ служилъ звонаремъ при церкви с. Шуйскаго. Намъ будетъ можно иногда и въ другихъ случаяхъ замѣчать такое вліяніе извнѣ; но, вообще, главный предметъ моихъ наблюденій, вся жизнь котораго протекла безвыѣздно въ Шуйскомъ и самой близкой къ нему окрестности, сохранялъ съ очевидно рѣдкою вѣрностью свой природный говоръ, — тотъ самый ідіомъ, который составляетъ вообще, безъ крупныхъ особыхъ оттѣнковъ и разницъ, основу языка всей окружающей мѣстности, насколько я имѣлъ случай наблюдать и прислушиваться.

Для болѣе подробнаго контроля въ нѣкоторыхъ явленіяхъ, особенно въ интересномъ вопросѣ объ о:ô (§ 5) служила ста-

рушка изъ Ихалицы («іхаліса», сокращается въ описаніи въ «Их.») на Сухонѣ, верстъ 50 ближе къ Тотмѣ; жила она въ 1902 г. въ Шуйскомъ, 71 года; нѣкоторое время проживала раньше въ Петербургѣ — какъ, пожалуй, бóльшая часть жителей этихъ мѣстностей — была также въ Москвѣ, но, какъ оказалось, хорошо помнила и хранила природный говоръ.

А такое свойство слѣдовало отмѣтить, такъ какъ вліяніе чужихъ идіомовъ уже стало такъ сильнымъ, что тѣ особенности, около которыхъ сосредоточивается главный интересъ изслѣдователя, въ наше время уже, а особенно, конечно, у молодыхъ, исчезаютъ. Дѣйствуетъ въ этихъ мѣстностяхъ очевидно Петербургъ сильнѣе Москвы. Это зависитъ естественнымъ образомъ отъ того, что пишущіе работы, которые какъ сказано весьма многочисленны, отправляются до сихъ поръ почти всѣ въ сѣверную столицу, а не на югъ; Петербургъ для нихъ является до сихъ поръ естественнымъ центромъ тяжести. На жизнь нарѣчія вліяетъ при томъ, конечно, и школьное преподаваніе; но и такимъ путемъ дѣйствующее внѣшнее вліяніе носить, очевидно, сѣверновеликорусскій, а не южный характеръ. Это и даетъ намъ главныя линіи общаго развитія и теченія; общія черты сѣверновеликорусскаго языка остаются непоколебимыми, напр. оканье, а особыя черты въ родѣ гласной «о» исчезаютъ, отчасти довольно скоро. На это слѣдуетъ указать уже здѣсь, для правильной оцѣнки разныхъ явленій; о подробностяхъ укажу, кромѣ разныхъ отдѣльных параграфовъ, на § 16, гдѣ главныя черты этого вліянія извнѣ собраны въ краткій обзоръ.

— Какъ сказано, описанный ниже говоръ отличается вообще простотою, звуковою прозрачностью. Описаніе потому и не представляетъ крупныхъ трудностей для русскаго читателя. Нѣтъ сомнѣнія, что обработка покажется поэтому многимъ ужъ черезчуръ элементарной, мѣстами съ лишними и потому банальными изложеніями и подробностями. Но эта элементарность и въ связи съ ней обширное изложеніе соответствуетъ высказаннымъ мнѣ со стороны русскихъ друзей желаніямъ; а соображенія, подска-

зываются эти желанія, я вполне одобряю. Съ тѣмъ большимъ интересомъ, а надѣюсь и результатомъ, можно углубляться мѣстами въ тѣ тонкости, которыя представляетъ при тщательномъ изслѣдованіи и самый «простой», «прозрачный» говоръ.

Изслѣдованіе такихъ болѣе тонкихъ, иногда по этому трудныхъ вопросовъ, на фонѣ вообще элементарной обработки, нерѣдко имѣетъ главную свою цѣну не столько какъ часть описанія отдѣльнаго говора, нарѣчія, сколько тѣмъ, что можетъ навести читателя на болѣе живое, потому и болѣе правильное понятіе о первоначальномъ развитіи явленій, теперь уже болѣе ясныхъ и крупныхъ въ своихъ результатахъ, на другихъ нивахъ славянской лингвистики. Потому я и не отказался отъ него и тамъ, гдѣ оно не доводитъ до опредѣленныхъ, легко схватываемыхъ грамматическихъ правилъ, и даже тамъ, гдѣ самый вопросъ являлся для меня уже слишкомъ поздно, чтобы собрать на мѣстѣ достаточный матеріалъ для его окончательнаго освѣщенія.

Но, чтобы такіа болѣе тонкія подробности не испещряли транскрипцію ненужнымъ образомъ—что по моему опыту не привлекаетъ читателей—, я довольствовался вообще какъ можно болѣе простой транскрипціей, а разсужденія о болѣе тонкихъ наблюденіяхъ распредѣлялъ по отдѣльнымъ параграфамъ, употребляя тамъ, въ кавычкахъ, условные знаки, освѣщающіе приблизительно то, что схватило ухо. Такимъ образомъ, отдѣльные параграфы принимаютъ отчасти видъ самостоятельныхъ статей; но это не можетъ мѣшать читателямъ, которые по заглавіямъ параграфовъ легко могутъ справиться съ общимъ планомъ работы.

I. Фонетика.

§ 1. Обозначеніе и характеръ гласныхъ. Для передачи описываемаго говора употребляются слѣдующіе гласные знаки:

i ê e ä (ä) a, y; ö (ö) o ô ü u.

Указывая на общія замѣчанія, сдѣланныя на первыхъ страницахъ моей работы «Уггорусское нарѣчіе Села Убли» (изд. Отд. рус. яз. и слов. въ 1899 году), могу безъ обстоятельныхъ разъясненій здѣсь же прибавить главное значеніе этихъ знаковъ, по распредѣленію Sweet-Sievers.

- i — гласная передняго ряда верхняя;
- ê, e — гласныя передняго ряда среднія;
- ä — гласная передняго ряда низкая;
- a — гласная задняго ряда;
- (ä — отгѣнокъ послѣдней, по направленію къ ä; можно его сравнить съ западными т. н. «высокими» a).
- y — гласная верхняя, частью средняго, частью задняго ряда; см. ниже.

Съ участіемъ губъ:

- ö — гласная передняго (иногда средняго?) ряда средняя;
- o, ô — гласныя задняго ряда среднія;
- (ô — отгѣнокъ o по направленію къ ö, «съ примѣсью ö»).
- ü — гласная верхняя средняго ряда;
- u — гласная верхняя задняго ряда.

Изъ звуковъ, обозначаемыхъ этими знаками, насчетъ *ê* и *ô* можно указать на § 4 и § 5; § 13 говоритъ объ условіяхъ, вызывающихъ *â*, *ä*, *ô*, *ö* и *ü*, поэтому и подробнѣе о самихъ этихъ гласныхъ.

Остается задача распредѣлить основныя гласныя говора, прежде всего гласныя ударяемыя, по категоріямъ, называемымъ Свитомъ «*naagow*» и «*wide*», Сиверсомъ, въ первыхъ изданіяхъ его извѣстной книги «*Grundzüge der Phonetik*», «*eng*» и «*weit*», а въ пятомъ ея изданіи «*gespannt*» и «*ungespannt*»; см. его разсужденія въ 252 сл., съ которыми считаю возможнымъ согласиться во всемъ существенномъ, почему и примыкаю къ послѣднимъ терминамъ: гласныя «напряженныя» и «ненапряженныя».

Попытка распредѣленія по этимъ категоріямъ, исключая отношенія *e:ê* (см. § 4) и *o:ô* (см. § 5), связана съ трудностями. Въ нашемъ говорѣ, а вообще въ великорусскомъ, не видимъ разницы въ напряженіи связанной съ другими разницами, какъ напр. въ нѣмецкомъ она связывается съ различіемъ по количеству (ср. Сиверсъ, 255). Поэтому мы должны довольствоваться косвеннымъ сравненіемъ, съ гласными другихъ языковъ, и полученнымъ такимъ путемъ общимъ впечатлѣніемъ. Но и этого рода опредѣленіе, разумѣется, не безъ цѣны.

Высокія гласныя *i* и *u* не различаютъ въ описываемомъ говорѣ категорическихъ отгѣнковъ. Ихъ нужно опредѣлить вообще какъ «напряженныя». *i* находимъ на мѣстѣ стараго *i* (напр., *parišom* напишемъ, *zvoñit*, *spustilaś*, *roxoŋoiñ*, *otstrik* отстригъ)—старого *y* послѣ гортанныхъ (*mužykí*, *vodle řikí-to*, *rěki*)—и стараго *ě* (*pospíli* поспѣли, *śilí* сѣли, *medvíť* медвѣдь, *jiś* ѣсть, *uđidöt* уѣдетъ); а всюду оно, подъ удареніемъ, рѣшительно напряженно; такъ же въ положеніи безъ *ĭ* (*j*) въ началѣ слова: *inaśe* иначе, *iva* и под.

Узкою считаю вообще и гласную «у». А эта гласная обращаетъ на себя особое вниманіе и съ другихъ сторонъ. Выступаютъ въ «у» разныя отгѣнки, въ зависимости отъ окружающихъ, особенно

предшествующихъ согласныхъ; указываю насчетъ этого на то, что сказано въ прежнихъ моихъ работахъ, особенно, касательно московскаго, на «Угровское нарѣчіе и т. д.», стр. 5. Послѣ губныхъ въ твердомъ слогѣ, напр. буцъ былъ, ву- вы-, гласная «у» принадлежитъ несомнѣнно заднему ряду, соотвѣтствуя по артикуляціи спинки языка ближе всего «и», которое лежитъ однако повидимому немножко далѣе взади. Послѣ «х» (см. § 7), напр. въ stolý, slýšyš, находимъ тотъ же отгѣнокъ. А послѣ прочихъ «зубныхъ», въ твердыхъ слогахъ, «у» лежитъ нѣсколько далѣе впереди, около границы артикуляціонныхъ поясовъ, по которымъ распредѣляю «заднія» и «среднія» гласныя. Въ московскомъ произношеніи считаю ы въ такомъ положеніи, напр. сынъ, принадлежащимъ среднему ряду, по Свить-Сиверсу, и соотвѣтствующимъ въ артикуляціи спинки языка ближе всего, даже вполне гласной ù; а въ настоящемъ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи я склоненъ считать «у» и въ такомъ положеніи, напр. въ žopú, súna, принадлежащимъ еще заднему ряду, но уже граничащимъ съ гласными средняго ряда. Такого опредѣленія нужно повидимому придерживаться и относительно неударяемыхъ слоговъ, напр. род. robóty.¹⁾ — Среднему ряду принадлежитъ за то рѣшительно гласная «у» послѣ «зубныхъ» въ *мякомъ* слогѣ; а и послѣ губныхъ она двигается подъ вліяніемъ палатализаціи такъ замѣтно впередъ, что можно колебаться относительно приписки ея къ заднему или же къ среднему ряду.

То «у», которое является на мѣстѣ стараго і послѣ шипящихъ въ твердомъ слогѣ, принадлежитъ по звуку къ *заднимъ* отгѣнкамъ звуковъ у. Особенно ясно это выступало въ примѣрѣ какъ поведит. руšý (наст. руšú, неопр. рухáf), гдѣ гласная втораго слога не различалась по звуку отъ перваго «у», объ артикуляціи котораго сказано выше. Однако, въ связи съ особымъ положеніемъ

1) Въ этой точкѣ произношеніе говора, такимъ образомъ, какъ будто различается слабо отъ Московскаго; но такъ какъ рѣчь идетъ о весьма тонкихъ отгѣнкахъ, въ которыхъ и личность говорящаго легко играетъ извѣстную роль, то самъ не смѣю придавать имъ значенія.

языка при образованіи звуковъ š, ž, такое «у» имѣетъ навѣрное болѣе открытое ¹⁾ образованіе чѣмъ «у» первоначальное; отъ этого, пожалуй, и зависитъ, что звукъ «у» послѣ названныхъ шипящихъ — особенно подвижной. Такъ, въ неопр. šut, у, какъ и старое у, двигается впередъ подъ вліяніемъ слѣдующей палатализаціи (см. выше), но такъ сильно, что образуется уже на границѣ гласныхъ «передняго» ряда, гдѣ «у» стараго происхожденія не отмѣчено.

Изъ гласныхъ задняго ряда, «а» вообще сходно съ а образованнаго русскаго языка. О напряженности или ненапряженности не смѣю здѣсь судить. Звукъ можно сопоставить съ «нормальнымъ» европейскимъ «а», исключая положенія, въ которыхъ окружающія палатальныя артикуляціи сдвигаютъ его въ направленіе къ гласнымъ передняго ряда (§ 13).

Извѣстныя трудности представляетъ, наконецъ, окончательное опредѣленіе гласной «о». Это несомнѣнно — лабиализованная гласная задняго ряда, по отдаленности языка отъ нѣба — средняя (ср. «mid-back-round»), при томъ вообще ненапряженнаго образованія («wide»). Но и внутри этой рамы можетъ, повидимому, существовать немалая подвижность. Во многихъ случаяхъ я не боялся идентифицировать гласную, напр., съ сѣвернонѣмецкимъ о въ «Stock» — Сиверсовымъ о²; такъ, напр., въ óžoro, kartófel, óboloko; если степень закрытости «о» въ нихъ сильнѣе названнаго нѣмецкаго примѣра, такъ разница во всякомъ случаѣ незначительна. За то, во многихъ случаяхъ отмѣчена гласная, несомнѣнно болѣе закрытаго звука; такъ, напр., въ łor лобъ, dóždiki; нерѣдко такой оттѣнокъ встрѣчался и въ слогахъ передъ ударяемымъ. Между тѣмъ, Паньковскій источникъ повидимому колебался относительно этой черты произношенія, а и у крестьянъ другихъ деревень оказалось невозможнымъ достигнуть по этому вопросу прочнаго результата, съ разграниченіемъ оттѣнковъ. Однако считаю правильнымъ указать на собственныя свои сомнѣнія, тѣмъ

1) Ненапряженное? Миѣ кажется такъ, но не смѣю утверждать.

болѣе что и въ южновеликорусскомъ склоняюсь считать «о», если не всюду, то часто, оттѣнкомъ болѣе закрытымъ по звуку, чѣмъ въ указанныхъ у Сиверса примѣрахъ.

Прим. На славянскія «о» слѣдуетъ вообще, насчетъ степени закрытости, обращать извѣстное вниманіе; напр., относительно чешскаго о датскій профессоръ Гольгеръ Педерсенъ указалъ недавно въ отличной статьѣ о чешскомъ произношеніи (*Den böhmiske Udtale*, въ *Nordisk Tidskrift for Filologi*, *Tredie Række*, В. XI), что его нельзя отождествить съ сѣвернонѣмецкимъ; оно менѣе открыто этого. — Возвращаясь къ описываемому говору, добавлю, что отмѣченный болѣе закрытый оттѣнокъ «о» по звуку равнялся приблизительно природному мнѣ оттѣнку о, напр. въ норв. словѣ «aaßen» (выг. приблизительно «бръ»), гдѣ болѣе закрытость о въ сравненіи съ сѣв.-нѣм. считается обыкновенно результатомъ лишней степени лабиализаціи. Насколько этотъ же моментъ играетъ главную роль и при упомянутыхъ болѣе закрытыхъ русскихъ о, или же въ этихъ съ усиленной лабиализаціей соединяется и болѣе закрытая артикуляція внутри рта, не берусь рѣшить. Между тѣмъ, я склоненъ считать усиленную лабиализацію главнымъ дѣйствующимъ моментомъ. Насчетъ лабиализаціи указываю вообще на § 14. Я тамъ отмѣтилъ, какъ, по наблюденіямъ извѣстнаго англичанина Свигъ, въ московскомъ произношеніи извѣстныхъ согласныхъ (гортанные и губные) передъ удаляемымъ о лабиализируются¹⁾ надъ мѣрой лабиализаціи самого о, что вызываетъ слабый призывъ «ц» между согласною и гласной. По бѣглымъ наблюденіямъ надъ произношеніемъ образованныхъ русскихъ, я согласуюсь съ Свитомъ въ существованіи этой «лабиализаціи», и весьма жалѣю, что не обратилъ во время должнаго вниманія на этотъ вопросъ;

1) А виѣстъ съ тѣмъ и «веляризируются». Ср. кромѣ Свита наблюденія Финка (*Finck*, въ журналѣ *Phonetische Studien*).

однако, мои наблюденія не позволяютъ пока примкнуть къ указанному Свитомъ ограниченію; сильную лабиализацію я слышалъ не только, напр., въ такóвъ, Попóвъ, но и послѣ зубной, напр. въ «ну чтó-Вы»; а вообще границы этого явленія мнѣ неясны. А главное, для поставленнаго выше вопроса, это то, что такая лабиализація иногда существуетъ; она переносится въ эмфатической рѣчи весьма слышнымъ образомъ на первую часть слѣдующей гласной массы («tak^uoof»), оставляя вторую болѣе открытой; при менѣе эмфатической рѣчи, гдѣ слогъ короче — не можетъ ли сильная степень лабиализаціи окрасить всю гласную, до конца ея? ¹⁾.

§ 2. Ослабленные оттѣнки гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ; «состоянія безразличности» языка. Въ предварительномъ отчетѣ уже сказано, что описываемое нарѣчіе, при общемъ сравненіи съ изслѣдованными мною южно-великорусскими говорами, отличается ясностью, вычеканенною артикуляціей гласныхъ, также въ ударяемого слога. Можно въ немъ поэтому, какъ предварительное правило, установить, что гласныя вообще — «полнаго образованія». Точныя наблюденія позволяютъ, между тѣмъ, заключить, что внутри рамки этого предварительнаго правила существуютъ извѣстныя оттѣнки; а эти оттѣнки можно до извѣстной степени группировать. Такимъ образомъ они и цѣнны; они даютъ намъ матеріалъ для обсужденія зависимости извѣстныхъ гласныхъ отъ окружающихъ звуковъ и для опредѣленія, хоть до извѣстной степени, взявнаго «вѣса» слоговъ.

Ухо наблюдателя прежде всего поражаетъ та черта, что гласныя задняго образованія, а особенно гласная о, въ положеніяхъ

1) Пользуюсь случаемъ чтобы добавить вопросъ, распространяется ли произношеніе съ упомянутой сильной степенью лабиализаціи у образованныхъ какъ «мода»? Я отмѣчалъ его по преимуществу у молодыхъ, бойкихъ людей, а не столько у степенныхъ. Указываю, впрочемъ, на § 14.

послѣ ударяемаго слога, чаще всего, можетъ быть, въ закрытомъ слогѣ, а иногда и въ открытомъ концѣ слова, подвергаются нерѣдко ослабленію артикуляціи, такъ что приближаются болѣе или менѣе къ гласной, обозначаемай мною въ другихъ работахъ знакомъ «ъ» — звуку, который опредѣляется въ употребляемой нами системѣ какъ гласная задняго ряда верхняя ненапряженного образованія («high-back-wide»; округляя губы, получаемъ открытое и, напр., нѣм. Hund), и который образованному русскому хорошо извѣстенъ изъ южновеликорусскихъ говоровъ, въ извѣстныхъ неударяемыхъ слогахъ; ср., напр., «ъ» въ транскрипціи Корша изъ московскаго произношенія, въ его статьѣ «О русскомъ правописаніи», Изв. отд. р. яз. и слов. 1902, кн. 1, стр. 74. Пользуясь для наглядности знакомъ «ъ» тамъ, гдѣ о звучало какъ или приблизительно какъ упомянутая гласная high-back-wide, я отмѣтилъ, напр., «x'ěbъm», «x'ógъm», «z-dě'ъm» съ дѣломъ, и такъ часто въ окончаніи творительнаго; «с'ělъj», «с'ésnъj» честный, «p'ľšátъj» плѣшивый, Их. «d'óbъgъj», и такъ весьма часто въ этомъ окончаніи прилагательныхъ, им. муж. р.; ср. род. дат. жен. р., «boуátъj», «étъj» и др.; мѣст. «s'ínъm»; примѣры другихъ закрытыхъ слоговъ: «étъt» (ср. § 15), «x'ólъt» холодъ, «k'ógъr» коробъ, «g'ógъt», «p'ólъn» полонъ; въ открытомъ концѣ слова, напр. «zdě-lanъ» сдѣлано, «s'énъt» сѣно, «šésferъt» шестеро, «d'ífátkъt» дятятко, и даже «x'ólъdnъt» холодно. Не всюду эта склонность развивается одинаково сильно; движеніе въ направленіе къ «ъ» можетъ быть такъ незначительно, что наблюдатель легко не замѣчаетъ его. А и въ такихъ случаяхъ оно выступаетъ достаточно ясно, если представляется возможность сравнить неударяемый оттѣнокъ съ ударяемымъ въ сосѣднемъ слогѣ; такъ, напр., въ выраженіи róprostu, гдѣ было бы преувеличеніе писать «r'ógъrstu», такъ какъ и второй слогъ сохраняетъ гласную, которую нужно опредѣлить какъ «о», а слѣдуетъ поэтому довольствоваться указаніемъ, что неударяемое о оттѣняется, при сравненіи его съ ударяемымъ, въ направленіе къ «ъ», т. е. извѣстной изъ южновеликорусскаго «ирраціональной» гласной задняго ряда. — По нѣкоторымъ примѣрамъ

можно заключить, что направленіе этого передвиженія гласной о послѣ ударяемаго слога зависитъ до извѣстной степени отъ характера окружающихъ звуковъ; такъ, въ случаяхъ какъ *góbok*, *lóbok*, *slátok*, *dólok* (дологъ) ослабленное по артикуляціи о передвигается скорѣе, по сравненію съ ударяемымъ, взадъ и внизъ, между тѣмъ какъ описанное только что движеніе отъ о къ «ъ» идетъ скорѣе вверхъ (и впередъ) по рту. А чтó главное для насъ — это пока установленіе того факта, что въ описываемомъ говорѣ замѣчается въ слогахъ послѣ ударяемаго извѣстная, хотя и слабо развитая склонность ослаблять артикуляцію гласной о, въ сравненіи съ артикуляціей ударяемаго слога.

Въ прочихъ гласныхъ задняго образованія послѣ ударяемаго слога, подобное передвиженіе въ направленіе къ «ирраціональному» произношенію не проявлялось такъ часто; но встрѣчается оно и въ нихъ. Для «а» такое отгѣненіе отмѣчено, напр., въ дат. твор. *bábam*; для ы, напр., въ выраженіи «*ka by gòg né-bylo*», гдѣ «у», которое по § 1 послѣ b — гласная рѣшительно задняго ряда, приближалось сильно къ «ъ». «у» послѣ š, ž (въ твердомъ слогѣ заднее) отличается по предшествующему параграфу уже въ ударяемомъ слогѣ отъ первоначальнаго ы (задняго ряда) извѣстною особенною, хотя и трудно замѣтною «открытостью»; а сопоставляя *неударяемое* šy, žy съ *ударяемымъ* vy, напр. въ *vúšyto* вышито, можно было наблюдать уже рѣзкую разницу, вслѣдствіе сильнаго ослабленія второго, неударяемаго слога. — Въ гласной «у» слѣды подобнаго ослабленія артикуляціи послѣ ударенія отмѣчены впрочемъ и для отгѣнковъ болѣе передняго образованія, напр. въ *dó-puško* (второе о безъ голоса, см. § 6), гдѣ «у» по § 1 лежитъ приблизительно на границѣ «заднихъ» и «среднихъ» гласныхъ; въ примѣрѣ какъ *beózuńka* я наблюдалъ такое же ослабленіе у, которое здѣсь, какъ мы знаемъ изъ § 1, гласная рѣшительно *средняго* ряда.

Привлечемъ теперь къ сравненію и гласную «и». Какъ отмѣчено въ предшествующемъ параграфѣ, нашъ говоръ не различаетъ въ ней опредѣленныхъ категорій; нормальною слѣдуетъ

считать эту гласную, какъ ударяемую, такъ и неударяемую, какъ и «напряженнаго образованія» (narrow). Однако, внимательный наблюдатель найдетъ и здѣсь маленькое различіе. Ударяемое и — *уже* неударяемаго. Слабые слѣды этого различія отмѣчены и для и предъ удареніемъ, о чемъ ниже; а ясные слѣды, легко слышныя, отмѣчены мною только для положенія *послѣ* ударяемаго слога слова. Въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ то būdu, būdut разница была такъ замѣтна, что въ рамкѣ употребляемой схемы гласную слога послѣ ударяемаго здѣсь слѣдовало бы опредѣлить какъ «ненапряженную» (wide). А п еще далѣе можетъ развиваться въ единичныхъ случаяхъ это ослабленіе, связываясь съ извѣстнымъ пониженіемъ цѣлой спинки языка; примѣръ этого я отмѣтилъ въ выраженіи *ót-rodu*, въ которомъ и, не перемѣняя замѣтно степени лабиализаціи, имѣло внутреннюю артикуляцію, приближающуюся сильно къ положенію языка въ гласной о.

Итакъ, даже при относительно немногихъ отмѣченныхъ случаяхъ несомнѣннаго, поражающаго ухо различія въ послѣднихъ гласныхъ категоріяхъ, — сопоставляя ихъ съ многочисленными случаями при гласной о, имѣемъ безсомнѣнное право вывести заключеніе объ извѣстной склонности всѣхъ гласныхъ задняго ряда, съ присоединеніемъ и «у» средняго ряда, ослаблять вообще *въ слогахъ послѣ ударяемаго* свою артикуляцію. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что въ упомянутыхъ ослабленныхъ оттѣнкахъ слѣдуетъ видѣть приближенія языка къ «состоянію безразличности», его «Ruhelage» (ср. Шахматовъ, Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣст. 1903, въ отискѣ стр. 31). Склонность эта развивается труднѣе въ высокой гласной и, чѣмъ въ гласныхъ средней высоты, особенно о. Самое «состояніе безразличности», оказывается, для гласныхъ задняго (и средняго, хоть въ у) ряда нужно искать около той-же самой артикуляціи «ъ», въ которой представляется оно и въ южновеликорусскомъ; это «ирраціональная», не вполне опредѣленная гласная, центромъ которой можно

ставить нелабиализованное «high-back-wide», можетъ быть, уже на границѣ «mid» (средняго) ряда.

— И въ слогахъ *передъ* ударяемымъ можно было отмѣтить черты, указывающія на направленіе, отмѣченное только что для слоговъ *послѣ* ударяемаго. Такъ, сопоставляя и перваго слога въ формахъ *úí : úíš* (учу : учишь), я отмѣтилъ извѣстное, хотя и минимальное ослабленіе артикуляціи въ неударяемомъ. Сравненіе двухъ а въ *šaíá*, *ссала*, хотя не оставляло сомнѣнія, что оба слога содержатъ «гласную а», но позволяло отмѣтить, что неударяемое а, въ отношеніи къ ударяемому, выказываетъ слабое отгненіе въ направленіе къ о. Есть, такимъ образомъ, основаніе предположить, что и слоги *передъ* ударяемымъ не вполне такъ «вѣски» по артикуляціи, какъ самый ударяемый; это какъ будто подкрѣпляется еще и наблюденіемъ надъ гласной «у», о которомъ въ слѣдующемъ примѣчаніи. Однако, различіе по ясности артикуляціи между ударяемымъ слогомъ и слогомъ *передъ* нимъ, судя по отмѣченнымъ примѣрамъ, представляется во всякомъ случаѣ ничтожнымъ, по сравненію съ разстояніемъ между ударяемымъ слогомъ и слогами, слѣдующими за ними; въ этихъ послѣднихъ ясность — вѣроятно въ связи съ экспираціонной силой — склонна убавляться въ легко констатируемой степени.

— Я ограничился пока гласными задняго ряда; но разумѣется само собою, что если причина упоминаемыхъ явленій понята правильно, то можно или даже слѣдуетъ ждать ея слѣдовъ и при гласныхъ, образуемыхъ въ передней части рта. Дѣйствительно, и въ этихъ гласныхъ наблюдается часто различіе, хотя и слабое, между ударяемымъ и неударяемымъ слогами, а прежде всего между ударяемымъ слогомъ и слогами *послѣ* него. Особенно интересно въ этомъ отношеніи сравненіе высокой гласной *і* со среднею *е*. Первую слѣдуетъ въ ударяемомъ слогѣ рѣшительно опредѣлить какъ *і* напряженное (ср. § 1); вторая по своей природѣ — *е* ненапряженное (ср. § 4). А между тѣмъ какъ *і* неударяемаго слога отгняется въ направленіе къ ненапряженности («wide»), то для *е* въ положеніи

послѣ ударенія, напр. въ *jéstřep* ястребъ, *vôsem* восемь, *ná-be-řek* на-берегъ, мѣст. *míste* мѣстѣ, *f sámom díle* и под., приходилось опредѣлять оттѣнокъ какъ немножко болѣе закрытый (ср. «ê»),¹⁾ различающійся иногда довольно сильно отъ *é*. Напротивъ, *передъ* ударяемымъ слогомъ, напр. въ *třetěj*, *e* звучало такъ же открыто, какъ въ самомъ ударяемомъ.

Послѣднее, повидимому, опять указываетъ на упомянутое выше различіе между слогами послѣ ударяемаго и такими же передъ ударяемымъ. Прибавлю здѣсь же, что неопровержимое доказательство въ пользу заключенія о такой разницѣ лежитъ, по моему, въ упоминаемомъ въ § 13 явленіи, а именно въ движеніи *a* и *u* въ направленіе къ *ä*, *ü*, а особенно о къ *ö* и *e* послѣ (между) палатальныхъ звуковъ; степень развитія этой черты зависить очевидно въ немалой степени отъ отношенія слога къ ударенію: чѣмъ слабѣе «вѣсъ» слога, тѣмъ сильнѣе гласная слога и приближается къ извѣстной передней гласной артикуляціи, совмѣщающей въ себѣ *переднее* «состояніе безразличности» языка, соотвѣтствующее подобному состоянію для заднихъ гласныхъ. Указывая на вышесказанное о неударяемомъ *i* и объ *e* въ слогахъ послѣ ударяемаго, я склоненъ опредѣлить положеніе языка при переднемъ «состояніи безразличности» какъ гласную артикуляцію верхнюю передняго ряда (*high-front*), конечно не только ненапряженного образованія (*wide*), но и особенно ослабленную, а можетъ быть и оттянутую назадъ къ границѣ средняго (*mixed*) пояса.

Конечно, такое опредѣленіе дается только съ оговоркой. Главное для насъ, это отмѣтить, что черты произношенія въ нашемъ говорѣ указываютъ какъ будто на одно заднее и одно переднее состояніе безразличности языка при редукціи гласныхъ; ср. общеславянское развитіе *ъ* и *ь*, а также развитіе «ирраціональных» гласныхъ на южновеликорусской почвѣ (Шахматовъ: Русское и Словенское Аканье); а слѣдовъ соединенія

1) Здѣсь намѣренно не употребляю терминъ «напряженный».

этихъ двухъ положеній въ одно общее для всѣхъ гласныхъ состояніе безразличности — ср., напр., развитіе неударяемаго нѣмецкаго э, обозначаемое обыкновенно знакомъ е, напр., въ Gabe — я не нашель.

Прим. Въ словѣ «надо» не знаю, можно ли подвести эту отмѣченное произношеніе подъ упомянутыя здѣсь явленія. Форма колеблется въ моихъ запискахъ между «nádö» и «nāde» («надэ»), а отмѣчена притомъ еще иногда и какъ близко къ «nādy». Колеблющимся я остался и насчетъ «хлѣбце», отмѣченнаго частью какъ xīrce, частью какъ -cā. — Больше интереса связывается съ формами корня бу-. Въ § 1 сказано, что послѣ губныхъ согласныхъ, «у» имѣетъ задній свой оттѣнокъ, въ которомъ артикуляція языка приближается сильно къ артикуляціи, свойственной гласной ü, а можетъ быть и совпадаетъ съ ней. Значитъ, если къ такой артикуляціи языка присоединяется и лабиализація, то переходъ у въ ü — совсѣмъ естественное развитіе. Гдѣ у попадало между двумя губными, я дѣйствительно нерѣдко и наблюдалъ звукъ, въ которомъ у почти что скрывалось подъ употребленіемъ губъ (ср. § 14) и приближалось поэтому къ ü; такъ, напр., въ буцъ, въ болѣе бѣглой рѣчи. Въ женск. булā также, при скоромъ произношеніи, вышло почти чистое «bulā». Между тѣмъ, въ болѣе спокойной рѣчи говоръ сохранялъ несомнѣнныя у; а дѣйствіе губъ не было такъ полно развито, чтобъ переходъ въ ü даже въ скорой рѣчи былъ совершенный. Изъ этого заключаемъ, что когда въ глаголѣ «бывать» встрѣчаются только формы съ bu-: «vūgo (много) buvāc on po-sv'etu» и под., то этого и нельзя объяснять какъ фонетическое явленіе — ср. въ южновеликорусскомъ; и вторглось по аналогіи изъ другихъ формъ; такое заключеніе подтверждается и тѣмъ, что случай этотъ стоитъ особнякомъ.

§ 3. Къ характеру слоговъ и ударенію. Какъ сказано, описываемый говоръ отличается вообще яснымъ произношеніемъ слоговъ, также неударяемыхъ. Однако, явленія, описанныя въ предыдущемъ параграфѣ, позволяютъ заключить, что слоги *передъ* ударяемымъ отличаются своей ясностью отъ слоговъ *послѣ* ударяемаго. Зато, если послѣ ударяемаго имѣется больше одного слога, легко развивается второстепенное удареніе, которымъ экспираціонная сила слога приближается опять къ силѣ слога подъ главнымъ удареніемъ.

Мой матеріалъ не позволяетъ судить, существуютъ ли правила для мѣстоположенія второстепеннаго ударенія; чаще всего, повидимому, оно является черезъ слогъ послѣ главноударяемаго, какъ напр. въ *boγátoð, kólokòlo* (такъ и въ Их.); а отмѣчены и случаи какъ «*yútefebíli lón*»; не безвѣроятно, что здѣсь вліяетъ на видъ сложнаго слова удареніе несложнаго¹⁾; однако, какъ сказано, мой матеріалъ по скудности не позволяетъ возстановить правилъ; я только при обработкѣ обратилъ должное вниманіе на этотъ вопросъ и долженъ оставить отвѣтъ на него — ненеблагодарную задачу — другимъ изслѣдователямъ.

Слабѣйшихъ слоговъ говора мы, во всякомъ случаѣ, въ правѣ искать непосредственно послѣ ударяемаго, напр. во второмъ слогѣ *кóгор* («*кóгър*», ср. § 2). Если съ этимъ сравнивать слово какъ *kólokòlo*, то мнѣ казалось, что слогъ послѣ второстепеннаго ударенія приблизительно одинаковой силы со слогомъ непосредственно послѣ главноударяемаго; если слабѣе его, то во всякомъ случаѣ на малость. — Не смотря на близкое разстояніе слоговъ другъ отъ друга по силѣ, по «вѣсу», мы, такимъ образомъ, не лишены возможности ихъ отстепенить. Если ихъ обозначить коэффициентами, то выходятъ, напр., слѣдующія условныя картины:

kó - lo - kó - lo,	kó - gor
1. 4. 2. 4. (5?)	1. 4. (5?)

1) Ср., когда *ḡaná*, ссана, получаетъ въ сочетаніи съ за- слабое второстепенное удареніе *передъ* ударяемымъ слогомъ: *zà-ḡaná*.

Для слоговъ передъ ударяемымъ слѣдуетъ повидному пользоваться чаще всего коэффициентами 3 и 2; изъ извѣстныхъ явленій, особенно долготы (см. ниже) и отношенія 'о: ѓ: е (въ § 13), можно бы предполагать или же спросить, не отступенія ли и эти слоги между собой; но отступенія во всякомъ случаѣ были такъ слабы и трудно уловимы, что не берусь ихъ группировать.

— Долготу обыкновеннаго неударяемаго слога я наблюдалъ лишь въ открытомъ концѣ слова, въ единичныхъ случаяхъ, при сильномъ эмфазѣ; напр. *rúđā*, *íxalíśa* и под.

За то, ударяемый слогъ удлинняется правильно, болѣе или менѣе, въ зависимости пожалуй отъ «эмфаза». Объ Ихалицѣ мой источникъ изъ этого села рассказала, что говорили тамъ въ ея дѣтствѣ и молодости болѣе «протяжно» чѣмъ теперь; а настоящее ея произношеніе, какъ и обыкновенное около Шуйскаго, по этой части вообще не удалялось замѣтно отъ того, что обыкновенно слышится у образованныхъ, т. е. стоящихъ подъ вліяніемъ столицы и высшей школы сѣверныхъ русскихъ. Объ удлинненіи отмітимъ, что нормально оно вліяетъ только на *гласную* слога. Для германскаго уха это особенно замѣтно въ примѣрахъ какъ *dom*, гдѣ, значить, только *o*, а не *m*, удлинняется, далѣе «*da jevo bās*» (при дракѣ), гдѣ такимъ же образомъ выходитъ произношеніе «*bās*», а не, какъ германецъ былъ бы склоненъ, «*baś*», т. е. съ краткимъ *a*, но удлинненной паузой въ начинающемъ сочетаніи съ звукомъ *t*; ¹⁾ ср. еще *kuńíśa*, гдѣ произношеніе условно можемъ писать «*kuńíśa*», а не напр. «*kuńít-śa*».

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ сами собою даются и слѣдующія существенныя черты для характеристики слоговъ и ударенія. Произношеніе *kuńíśa* показываетъ, что граница слоговъ лежитъ нормально между гласною и слѣдующей согласной, часто даже передъ цѣлымъ согласнымъ сочетаніемъ, т. е. что слоги изслѣдуемаго нарѣчія, какъ пожалуй вообще въ русскомъ, склоня-

1) Если с не только моя описка, вмѣсто ожидаемаго *ś*, то нужно считать выраженіе заимствованнымъ; на это указываетъ, м. б., и форма мѣстоименія *śe*-, ср. Морфологию.

ются вообще къ «открытости» (ср. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5. Ausg. 537)¹⁾. Въ связи съ этимъ вѣроятно и стоитъ то свойство, что удареніе, также въ слогахъ, которые по самой своей постройкѣ теперь закрыты, нормально всюду такое, какое Сиверсомъ (см. 589 сл., особенно 594 и 598) называется «*schwach geschnitten*»: гласная слога не кончается рѣзко; а гдѣ слогъ закрывается согласною, послѣдняя не прерываетъ предыдущую гласную, пока эта еще звучитъ съ полною силой (ср. Сиверсъ 591). — Также въ ударяемомъ открытомъ концѣ слова, напр. *нога́*, гласная выговаривается съ тѣмъ же самымъ удлинениемъ и постепеннымъ убавлениемъ силы какъ внутри слова, безъ того рѣзкаго перерыва, который называется Сиверсомъ «*fester Absatz*»²⁾; значить, и гласная въ концѣ слова слѣдуетъ вообще обыкновенной системѣ говора. Однакожъ, при такомъ положеніи гласной отмѣчена мною *при рѣзкомъ утвержденіи* особенность, которую можно наблюдать нерѣдко, напр., и въ Московскомъ при рѣшительномъ утвержденіи или же нѣсколько отказывающемъ (съ пренебреженіемъ?) отвѣтѣ, а именно, что гласная прерывается рѣзко внезапнымъ замыканіемъ голосовой щели, т. е. получаетъ очень ясный «*fester Absatz*»: *водá* и под.; см. Сиверсъ 393.

Объ интонаціи нужно сказать, что и она не отличается, въ Паньковѣ и окрестныхъ говорахъ, по скольку я слышалъ, замѣтнымъ образомъ отъ той картины, въ которой рисуется мнѣ интонація образованнаго русскаго въ спокойной рѣчи, и о которой находимъ нѣсколько данныхъ—да было бы гораздо больше!—въ «Очеркахъ» Богородицкаго с. 143 сл. Буду довольствоваться парой замѣтокъ. Въ повѣствовательныхъ, а еще болѣе въ вопросительныхъ выраженіяхъ ударяемый слогъ получаетъ обыкно-

1) Не говорю, конечно, о случаяхъ какъ *дом* и под., гдѣ сама постройка слога исключаетъ открытость его. О слогахъ передъ сочетаніемъ *t+s* (с) ср. въ § 8; о раздѣленіи внутри долгихъ согласныхъ см. § 7. Замѣтка о слогораздѣленіи еще въ § 15.

2) Обыкновенно употребляется повидимому «*schwach gehauchter Absatz*», ср. Сиверсъ 393.

венно, какъ цѣлость, нѣсколько высшій тонъ чѣмъ окружающіе, а внутри самага ударяемаго притомъ находимъ ясную склонность къ извѣстному не сильному повышенію тона; число слоговъ слова остается повидимому безъ вліянія на эту черту языка. Въ утвердительныхъ а также въ повелительныхъ выраженіяхъ замѣтна, напротивъ, склонность отдѣлять ударяемый слогъ отъ окружающихъ низшимъ тономъ, какъ обыкновенно въ Россіи; можно, напр., передать «посмотри», *posmotří*, условною картиной

Внутри ударяемаго слога въ такомъ случаѣ повидимому нѣтъ повышения тона, а если есть, такъ оно во всякомъ случаѣ весьма незначительно¹⁾.

Склонность къ отступленію отъ перваго изъ этихъ правилъ—о высшемъ тонѣ всего ударяемаго слога въ повѣствовательномъ предложеніи—выступаетъ повидимому въ случаяхъ какъ *poǵá*, гдѣ главноударяемое слово, съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, стоитъ въ «паузѣ»; въ такомъ случаѣ наблюдаемъ, какъ—по крайней мѣрѣ часто—*предпослѣдній* слогъ имѣетъ высшій тонъ, а ударяемый низшій, но такъ, что бѣльшая его экспираціонная сила сохраняется не отмѣненной.

Прим. Падающій тонъ внутри ударяемаго слога находимъ при слитіи двухъ слоговъ въ одинъ, въ случаяхъ какъ *buvāt, śiēt* при *buváat, śiéet*, изъ *buvájet* бываетъ, *śiéjet* сіяетъ. Здѣсь слышится, по § 10, нисходящее удареніе, сравнимое съ сербскимъ $\sim$, обыкновенно, пожалуй, съ двумя напорами экспираціи («*zweigipflig*»). А такъ какъ эти формы стоятъ особенно, то не можемъ ихъ безъ оговорки подтянуть подъ нормальную систему ударенія нашего нарѣчія.

1) Въ единичныхъ случаяхъ отмѣченъ даже тонъ падающій; такъ, напр., въ словѣ *бок* утвердительнаго отвѣта.

Остается упомянуть о движеніи экспираціонной силы внутри ударяемаго слога. Нормально его слѣдуетъ характеризовать, во всякомъ случаѣ въ спокойномъ, повѣствовательномъ выраженіи, какъ *decrecendo*, убавляющееся; такимъ образомъ, «верхушка» слога («*der Silbengipfel*», Сиверсъ 577 сл.) находится въ передней части гласной. Между тѣмъ, въ вопросительныхъ или сомнѣвающихъ выраженіяхъ распредѣленіе экспираціонной силы по видимому мѣняется; слогъ, такъ кажется, переходитъ въ *crescendo*, и экспираціонная верхушка слога находится въ конечной части гласной, если не всегда, то во всякомъ случаѣ часто,—явленіе, заслуживающее основательнаго изслѣдованія въ разныхъ мѣстахъ. Лучшій матеріалъ для наблюденій относительно этого вопроса—слоги дифтонгическіе; таковыя и навели меня въ описываемомъ говорѣ на слѣдъ упомянутаго явленія, а именно дифтонгическія сочетанія на почвѣ гласной «*o*», о которыхъ подробно въ § 5. Напр., мѣстоименіе то, «*tôo*», подъ вопросительнымъ удареніемъ принимало видъ «*tôo*», названіе «*Tôotma*» или «*Túotma*» равнымъ образомъ въ выраженіи вопроса или сомнѣнія переходило въ «*Túóotma*». Изъ приводимаго въ § 5 матеріала выходитъ вообще яркое впечатлѣніе, будто произношеніе *decrecendo* въ этихъ слогахъ въ повѣствовательныхъ и под. выраженіяхъ, «*ôo*» и под.,—не только обыкновенное явленіе, но правило съ рѣдкими исключеніями; а это согласуется съ только что сказаннымъ о слогахъ съ яснымъ монофтонгомъ. Поэтому я, хотя и не осмѣливаюсь съ имѣющимся матеріаломъ высказаться рѣшительно, однакожь выдвину какъ возможность, какъ вопросъ, который во время обработки сдѣлалъ самому себѣ: не стояли ли въ сущности *est* тѣ, впрочемъ не многочисленные, «исключенія», въ которыхъ отмѣчено мною обратное распредѣленіе экспираціонной силы (т. е. случаи какъ «*па xhóóda*», съ *crescendo* въ ударяемомъ слогѣ), въ выраженіяхъ вопросительнаго (или сомнѣвающагося) характера?

Прим. Послѣ *ë* гласная *e* лабіализируется, по крайней мѣрѣ въ передней части, ср. § 8; такимъ образомъ выхо-

дять случайное дифтонгическое сочетаніе ъе. Въ такомъ слогѣ отмѣчено у меня, съ одной стороны «šöeš» шесть, а съ другой «šöéstero» шестеро. Насколько и это переложеніе верхушки слога можно приписать смыслу того выраженія, въ которомъ стоитъ форма, я не въ состояніи рѣшить.

§ 4. Судьба стараго ѣ; произношеніе гласной «ё». Передъ тѣмъ какъ описать гласную «ё», являющуюся иногда на мѣстѣ ѣ, нужно дать обзоръ судьбы стараго ѣ вообще въ описываемомъ говорѣ.

Послѣ ударяемаго слога на мѣстѣ стараго ѣ всегда находимъ е, обыкновенное открытое (ненапряженное) е, какіе бы звуки ни окружали его. Напр. *vídet*, прош. *vídeč* *vídeľa*; *vídeľi*; *poǵíbeľ*; *pósľe* послѣ; часто въ мѣст. пад.: *v-odnóm-to mǐste* (новѣ мѣсте, вѣроятно аналогія изъ другихъ падежей, см. ниже), *v boľóte* и др. Заслуживаетъ вниманія, что это е никогда, даже при самомъ медленномъ произношеніи, не переходитъ въ -'ö, -'o; ср. § 13; въ этомъ отражается еще разница отъ е, происходящаго изъ старыхъ е и ѣ. Отмѣтимъ единичный случай *vľadímör* Владиміръ, гдѣ вѣроятно подѣйствовало какое-то вліяніе извнѣ.

Передъ ударяемымъ слогомъ нужно различать положенія передъ твердою и передъ мягкою согласной. Въ первомъ положеніи развитіе ѣ совпадаетъ съ развитіемъ стараго е (объ отношеніи о:ö и т. д. ср. § 13). Напр. *böda* бѣда, *boǵú*, *čoľúň*, *čvotnóň*, *čvötók*, *čovác* дѣвалъ, *gnózdô* гнѣздо, *ľosá*, *ľotá*, *mósta*, *ňomóň*¹⁾, *posók*, *ťoká*, *šokú* сѣку, прош. жен. р. *šokľá* сѣкла, *žovát*. Передъ шипящими наблюдаемъ теперь колебаніе; такъ, при *boǵú* находимъ *bežýš*, *bežác*, *bežát*; но *pöškom* пѣшкомъ; при неопр. *učeždžát* уѣзжать²⁾ стоитъ повел. *požoždžáj* поѣзжай; сколько здѣсь построено на внутреннемъ развитіи, а сколько на вліяніи извнѣ, разомъ не рѣшимъ. Последнему за то повидимому не опасно при-

1) Любопытно раздѣленіе значенія по длинной и краткой формѣ: *on ľomóň* — онъ нѣмъ; *on ľém* — заикается.

2) О сочетаніи *ždž* ср. § 8.

писать происхождение формъ какъ *delá delám deláx* при род. *del*, или какъ *pefelezáju* и др. отъ глагола перелѣзать. — Передъ мягкой согласной *ѣ* въ слогахъ передъ ударяемымъ развилось въ *i*; напр. *čídít*, *gńízďě*, *ńínět* мѣнять, (*ńízínec*), *odíjalo*, *śícóš* сѣчешь и другія формы того же глагола, *śímána* сѣмена, *střílěli* стрѣляли. Вниманіе возбуждаетъ повел. *beǵi* бѣги, въ противоположность къ *śikí* сѣки, къ которому присоединяются другія формы того же глагола: неопр. *śikcí* и прош. множ. *śiklí*.

Въ ударяемомъ слогѣ опять нужно различать положенія передъ мягкой и передъ твердою согласной. Въ первомъ случаѣ находимъ правильно *i*, которому можно привести многочисленные примѣры: *xľibeć*, ср. *xľer* хлѣбъ, *f sámom dľile*; *dľiti*, ср. *so fšem dľetkam*; *fštrícá* встрѣча, *grľili*—ср. *gręć* грѣлъ, *ǵis* ѣсть—ср. 3. ед. *ǵes*, о чемъ ниже, *ľin*, *ľízeš* лѣзешь, *ńedvít*, *ro-ńilće* мельче, *ńiśec*, *ńiśte*, *ńit* мѣдъ, *ńitit*, *ńedľila*, *řic*, Их. *řicķu* рѣчку, *śilí* ср. неопр. *śis* сѣсть, *śimö* сѣмя, *śini*, мѣст. *śire* отъ *śera*, *śit*, *śiver* (-*vor* ср. § 13), *střitř* встрѣтилъ, на *śvite*—ср. им. *śvět*, *velľilí*, *víńik*, *vířit*, не *vířte* *ǵomú*, *rovísit*, *vířor* *vířöt*, *zdľis*, *žvii*. Исключеніе представляетъ *těń* тѣнь, род. *těńi* и т. д., такъ какъ здѣсь не имѣемъ близкой формы, изъ которой можно бы объяснить *ě* вмѣсто *i* путемъ аналогіи. Иначе въ *ńetľi* нѣтъ ли (хотя *t*—ясное *t'*), при которомъ имѣемъ правильное *ńet*. Такою же аналогіей можемъ объяснить, что при мѣст. на *śvite* находимъ на *ětom* *ľete*; ср., напр., им. *ľeto*. А такимъ же путемъ, можетъ быть, и естественнѣе объясняется *ě* въ мѣст. *f kľetķe* въ *кľеткѣ*, гдѣ, впрочемъ, развитіе можно понимать и другимъ образомъ¹⁾. Ср. далѣе им. мн. *śńěǵi*, гдѣ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, слогъ собственно твердый. — Стоитъ еще упомянуть, что при *uní[i]öš* умѣешь отмѣчено и не *uněeš*, форма, которая, вѣроятно, заимствована изъ образованнаго или школьнаго произношенія и потомъ подпала подъ законы говора (о пропажѣ *i* см. § 10). А наконецъ нужно отмѣтить окончаніе сравнительной сте-

1) А именно—*t* твердое? Ср. § 12.

пени, напр., žuvéje (медленно -jě, см. § 13), skořé[j]e, окончаніе, для объясненія котораго изслѣдователь долженъ предположить вторженіе какимъ нибудь образомъ, со стороны, другой гласной на мѣсто ѣ, хотя и не вижу откуда и какъ. Ср. въ Морфологiи, § 19.

Передъ твердою согласной, ѣ ударяемаго слога развилось въ «е»; считаю удобнымъ привести сперва собранные примѣры, чтобы потомъ перейти къ произношенію самой гласной. Находимъ е въ многочисленныхъ формахъ мѣст. ед. ч., напр. *śaře*; ср. къ тому *gdě* гдѣ (слышанное одинъ разъ *gdě* безсомнѣнно изъ образованнаго языка). Далѣе въ извѣстныхъ мѣстоименныхъ формахъ: *mě* (новѣе *mě*, ср. § 16), *tebě*, *oně*, *śě*. Ср. числительное *dvě*. Крупная категорія съ е встрѣчается въ глаголахъ на -ѣть, напр. *ovdověd* овдовѣлъ, *śiděla*, *hořěd*. Наконецъ, отмѣтимъ ѣ въ коренныхъ слогахъ: *běloj* *bělka* бѣлка *śeloj* *xlěf* *xlěr* *děduško* (по ср. *děda* дядя) *děfka* (Их. *difka*) *dělo* *gněv* *grěx* *oto-grěd*, *grěla* и т. д.; *jęs* ѣсть, ср. неопр. *jis* (о формахъ слова впрочемъ ниже) и *obět* обѣдъ *obědat*; *klětka* *krěsla* *lēs* *lěto* *řeře-lēs* *lěz* *mědnoj* *mělko*, *mělka* (мелко, -ка) *měra* *město* *měd* *měl*—теперь чаще *měl*, ср. § 9 и § 16—*nēm* (ср. выше) *nēt* *nevěska* невѣстка *pro-rěta* пропѣта *řepa* *řetkoj* (ср. Их. *řitko*) *řezat* *śeno* *śed* жен. *śěla*, сѣлъ, *śera* *śeroj* *ślēr* *śmēd*, жен. *śmēla*, *śnēk*, мн. *śnēgi* ср. выше, *po-śrēd* *svět* *tělo* *těsto* *věk* *věko* *věkša* *vēs* *so-zřěla* *zvězdy* род. *zvēs*, звѣзды. Въ первомъ слога слова, какъ въ приведенномъ *nevěska*, можно отмѣтить еще *śořověk*, *polěno*, *svirěroj*, *telěga*, *žolězo*. Отдѣльно стоятъ *kańfěty* конфеты и *mańěta*, *-ětka*, монета.

Кромѣ названныхъ изъ Ихалицы формъ *difka*, *řitko* неправильное развитіе ѣ въ і находимъ въ Паньковѣ въ словѣ *nadíj*. Уже -j вмѣсто ожидаемаго -ц (см. § 16) возбуждаетъ здѣсь вопросъ, стоимъ ли передъ результатомъ развитія въ самомъ говорѣ. Въ такомъ случаѣ нужно вѣроятно, какъ и въ первыхъ двухъ примѣрахъ, искать объясненія въ аналогiи по формамъ, гдѣ ѣ попадало въ «мягкій» слогъ.—Извѣстное изъ литературнаго рус-

скаго развитіе находимъ въ множ. числѣ слова *gnózdō* гнѣздо: *gnózda*; пначе въ *zvézdy*, *zvéš*, ср. выше.

Подъ вліяніемъ столичнаго или вообще чуждаго произношенія является на мѣстѣ стараго, ударяемаго ѣ иногда и открытое е; ср. выше *gde*, *mne*; даѣе, при *xĕr* слышно было и *xĕr*, при *roobédaf* и *roobédaf*, которое теперь даже какъ будто звучало болѣе «домашнимъ»; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ моихъ источниковъ высказалъ, что произношеніе «-bê- слышится только по направленію къ Владиміру». Въ мѣст. ед. ч. отмѣченъ примѣръ «*v-odnój šoluch'é*»; при *dělo dělo*; а въ выраженіи «*Box ves*», Богъ вѣсть, видимъ открытое е на мѣстѣ, гдѣ по развитію самого говора ожидается *i*. Изъ той же самой «церковной» сферы, изъ которой идетъ послѣднее выраженіе, вышло конечно и такое слово какъ *díevnoj*, деревянный. Указывая на эти разные случаи склоняюсь объяснить заимствованіемъ извнѣ, когда въ парѣ корней со старымъ ѣ отмѣчено мною всюду и только е, а не *ê:i*. Такъ, напр., *сер*, множ. *seri*, цѣпь, и *rézvoj* рѣзвый; ср. еще и *gtožéj*?

Инымъ образомъ, а именно въ связи съ явленіями въ произношеніи *ê*, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь, нужно напротивъ повидимому объяснить колебаніе между *ê* и *e*, наблюдаемое въ положеніи послѣ *j*. Такъ, отъ глагола *ѣсть* отмѣчено *jěц jěxa* (множ. *jili*), 3. ед. наст. *jěš* (ср. выше), а при томъ, повидимому рѣже, *jēs*; въ 1. ед. ч. наст. вр. *jēm*, но во 2. л. *jěš*; въ повел. опять *jěš* (-*te*); нѣсколько разъ я колебался, писать ли *ê* или *e*. Такимъ же образомъ отъ *ѣхать* отмѣчено *jěxat*, *dojěxat*, но *jěxaц*, наст. *jědu*; ср. 1. ед. ч. наст. вр. *jěždžu*, въ которомъ колебался, писать ли *e* или *ê*¹⁾.

— Являющееся въ этихъ случаяхъ колебаніе между *ê* и *e* объясняется, какъ уже сказано, по всей вѣроятности изъ особыхъ чертъ въ произношеніи гласной *ê*, къ которому поэтому и перейду. О самомъ знакѣ *ê*, избранномъ мною какъ общее обозначеніе раз-

1) Когда 3. множ. ч. этого глагола имѣетъ форму *jěždat*, то это вѣроятно аналогія, упоминаемая уже выше; ср. соответствующія обыкновенному праву 3. ед. *jizdit*, пов. *he jizdi*.

ныхъ оттѣнковъ единого съ исторической точки зрѣнія звука, припоминаю изъ ранѣ появившихся работъ, что имъ пользовались для обозначенія напряженного е (ср. Sweet: mid-front-narrow; Sievers: palatal-mittel-gespannt). Такая гласная артикуляція вообще и образуетъ, повидимому, «ядро» описываемыхъ слоговъ нашего говора; можно сейчасъ же прибавить, что это ё отличается особенно узкою, а потому и переднею артикуляціей, такъ что звукъ приближается сильно къ группѣ і (ср. Сиверсъ, 5. изд., 250 и 251), а степень напряженія безъ сомнѣнія сильнѣе обыкновенной для гласныхъ говора.

Какъ сказано, упомянутая артикуляція «ё» правильно составляетъ ядро описываемыхъ слоговъ. И не трудно было подмѣтить случаи, и въ скорѣйшей и въ болѣе медленной рѣчи, въ которыхъ гласную слога слѣдовало опредѣлить, съ одного конца до другого, какъ такую, относительно однообразную артикуляцію. Но безусловно чаще замѣчалось, какъ говору какъ будто было трудно удержать однообразную артикуляцію; гласная масса слога тогда превращалась въ рядъ переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ, въ родѣ болѣе или менѣе яснаго дифтонга, о которомъ можно было установить лишь то, что болѣе узкая его часть—передняя, болѣе открытая—послѣдняя, никогда не наоборотъ; а какую часть считать «слоговой», какую «неслоговой» или же только слабымъ переходящимъ звукомъ, это можно было обыкновенно установить для отдѣльнаго случая или извѣстныхъ группъ, но оказалось невозможнымъ подвести всѣ эти случаи подъ общее правило. Перейдемъ къ разсмотрѣнію матеріала.

Твердую норму для произношенія «ё» говоръ имѣетъ въ открытомъ концѣ слова. Первая, слоговая часть слога здѣсь—ё, къ которому присоединяется неслоговая гласная, которую нужно опредѣлить какъ ненапряженное, обыкновенное е описываемаго говора. Значитъ, точная транскрипція здѣсь дала бы «mîêe», «tebêe», «gnîzîdêe», «f-kotlêe», «v-noçêe» (въ ночи), «na-fošadêe», «fsêe», «gdêe» и т. д. Болѣе открытая, неслоговая часть нерѣдко, а пожалуй и чаще всего редуцируется такъ сильно, что звучитъ

лишь какъ умирающій переходный элементъ (Gleitlaut); а произношеніе совершенно безъ этого элемента и дающее такимъ образомъ возможность говорить о чистомъ -ê («mê», «gñizdê») не только было рѣдкостью, а оставляло при томъ впечатлѣніе, будто оно «искусственно». — Конечное старое -ѣ съ другими гласными оттенками отмѣчено лишь въ двухъ единичныхъ случаяхъ, а именно одинъ разъ «oîê» и одинъ разъ «tebîê»; такъ какъ случаи отмѣчены при началѣ моихъ наблюденій и стоятъ особнякомъ между многочисленными вышеназваннаго типа, то не осмѣливаюсь придать имъ особеннаго вѣсу.

Внутри слова, все равно въ открытомъ ли или закрытомъ слоgѣ, тѣ же самыя произношенія, какъ въ открытомъ концѣ, т. е. или (рѣже) какъ гласная, сохраняющая характеръ узкаго ê до своего конца, или же какъ ê, сопровождаемое неслоговымъ открытымъ ê, отмѣчены неоднократно. Напр. «xîêr», «mêsto», «xotêc»; «véek» вѣкъ, «névéeska» невѣстка, «polêeno», «pospêêla». Но судя по имѣющимся многочисленнымъ примѣрамъ, въ такомъ положеніи изъ передней части гласной обыкновеннѣе развивается î, между тѣмъ какъ послѣдняя часть выступаетъ то скорѣе какъ узкое ê, то скорѣе какъ е. Получается, такимъ образомъ, сочетаніе îê или îe (îêe), а правила для распредѣленія этихъ типовъ не удалось мнѣ найти. При попыткѣ возстановить для этихъ сочетаній переходящихъ другъ въ друга оттенковъ, гдѣ слоговая, а гдѣ неслоговая часть, т. е., слѣдуетъ ли предпочитать обозначеніе îê (îêe) или же îe (îê), наблюдатель опять остался безъ возможности окончательнаго для всѣхъ случаевъ рѣшенія. Есть однако одна главная черта, которая бросается въ глаза при пересмотрѣ собранныхъ примѣровъ. Именно, гдѣ слоговою частью слѣдовало считать гласную е, она выступала вообще какъ ê (т. е. «îê»); а гдѣ ядромъ слога выступало î, тамъ слѣдующій неслоговой элементъ являлся вообще въ видѣ *открытаго* е (т. е. «îe»). Ср., въ точной транскрипціи: «vîês» вѣсть, «žolîêzo», «otogrîêla» отогрѣла, «tîêsto», «ktîêsla», «xîêr», «lîês», «lîêsu», «lîêsom», «dîêlo», «zvîêzdy» род. «zvîês» (а въ открытомъ концѣ еще «odîîê» однѣ) — съ дру-

гой стороны «víek» вѣкъ, «xlíep», «níet», «pérelíes» перелѣзь, «telíega», «žolíezo», «xotíeɣ»¹⁾ хотѣлъ, «ovdovíeɣ»¹⁾ овдовѣлъ. Случаи съ другимъ распредѣленіемъ гласныхъ отгѣнковъ («ííeɣo», «pɣopíeɣta», и обратно «sɔlovíék») рѣдки и приведены у меня подѣ колебаніемъ. Я не отмѣтилъ, чтобы Ихалицкій говоръ отличался въ этой мѣнѣ отъ Паньковского.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, два главныхъ типа («íe»: «íeɣ») встрѣчаются также въ одной и той же формѣ того же слова. Этимъ освѣщается ясно, какъ мы въ старомъ ѣ стоимъ передъ начатой, но еще не оконченной переменѣй произношенія, передъ слѣдами распаденія, которое не дало еще явныхъ, окончательныхъ результатовъ.

Я думаю, что для пониманія физиологической подкладки не отстоеннаго еще развитія, нужно обратить вниманіе на упомянутую въ § 12 особенность въ палатализационныхъ явленіяхъ говора; онъ какъ будто имѣетъ двѣ степени палатализации, одну особую именно въ слогахъ со старымъ, ударяемымъ ѣ. Объясненіе этого лежитъ вѣроятно въ томъ, что упомянутая выше, особенная для гласной ê узкость и напряженность, приближающія гласную сильно къ гласнымъ і, дѣйствуетъ на цѣлый слогъ, передается такимъ образомъ и предшествующимъ согласнымъ. Эти согласныя получаютъ такимъ путемъ степень палатализации, которую можно назвать «і'евою» (ср. въ § 12), т. е. при ихъ артикуляціи передняя часть спинки языка занимаетъ — болѣе или менѣе совершеннымъ образомъ, ср. тамъ же — положеніе гласной і; а вслѣдствіе этого, когда органы открываются къ слѣдующему е, хотя бы это было очень узко, легко развивается переходная гласная, принимающая естественнымъ образомъ видъ і; ср. къ этому образъ написанія формъ какъ «ííes», «víes» и под. Что такой переходный звукъ развивается и передъ ê открытаго конца слова, показываетъ примѣръ какъ «žobíeɣ», женѣ.

1) Въ этихъ сочетаніяхъ, передъ ц, е становилось такъ слабымъ, что наблюдатель склонялся писать просто -іц.

Пока *ё* сохраняет довольно однородный характеръ до своего конца, упомянутый переходный звукъ отъ предшествующей палатальной согласной сохраняет повидимому, судя по собраннымъ примѣрамъ, вообще характеръ именно «переходной» гласной, т. е. остается неслоговою частью. А вотъ присоединяется то явленіе, которое особенно ясно наблюдается въ открытомъ концѣ слова, что *ё* склонно развивать въ послѣдней своей части болѣе открытый, ненапряженный оттѣнокъ (ср. «-êê»). Этотъ открытый оттѣнокъ не прибавляется, конечно, какъ удлиняющій элементъ, а, какъ сказать, выпарывается изъ имѣющейся гласной массы; такимъ образомъ закрытый элементъ *ё* сокращается, и въ отношеніи къ окружающимъ гласнымъ оттѣнкамъ становится слабѣе, — перестаетъ быть безусловно доминирующимъ элементомъ слога. Гласная масса этого переходитъ въ сочетаніе, которое можно написать «іѣе», припоминая, что рѣчь не идетъ объ отдѣльныхъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга гласныхъ, а — по законамъ о связываніи звуковъ — о безконечномъ рядѣ гласныхъ оттѣнковъ, переходящихъ безъ разграниченій другъ въ друга, о массѣ, внутри которой только новые моменты вродѣ отношеній экспираціонныхъ, тонныхъ и количественныхъ, у говорящаго и для слушающаго производятъ группировку въ новыя звуковыя картины.

Припоминая далѣе изъ § 3 обыкновенное произношеніе удаляемыхъ слоговъ говора какъ «*decrescendo*», такъ что сильнѣйшая, самая вѣская часть слога лежитъ въ первой части его гласной, между тѣмъ какъ экспираціонная сила потомъ убавляется, не затрудняемся въ заключеніи, что именно это свойство вызываетъ типъ «іѣ»; ослабленный уже элементъ *ё* тогда, можно сказать, распределяется на окружающіе съ обѣихъ сторонъ гласные оттѣнки; или лучше вѣроятно выразимся такъ, что элементъ *ё* тогда поглощается или соединяется съ предшествующимъ, собственно только переходнымъ звукомъ *і*, къ которому *ё* по природѣ близко (ср. выше) — иногда даже такъ близко, что я насчетъ выше приведенныхъ примѣровъ «*névêeska*»,

«væk» колебался сначала, не имѣемъ ли здѣсь собственно «-ie» ¹⁾).

Такимъ слитіемъ элементовъ *i* и *e* гласной массы слога, послѣдняя ея часть, болѣе открытые оттѣнки *e*, выступаютъ яснѣе какъ самостоятельная, хотя и неслоговая гласная; когда она въ парѣ случаевъ, приведенныхъ выше, понята мною какъ *e*, то я, въ связи съ даннымъ объясненіемъ описываемыхъ здѣсь явленій, склоняюсь считать это ослышкой, находящей свое извиненіе въ упомянутой въ § 2 склонности придавать неударяемому ненапряженному *e* нѣсколько болѣе закрытый оттѣнокъ.

Въ связи съ описаннымъ распаденіемъ гласной массы, явившейся на мѣстѣ стараго *ǣ*, я и думаю, что слѣдуетъ объяснять упоминаемые выше случаи, гдѣ, послѣ *i*- въ началѣ слова, на мѣстѣ *ǣ* повидимому имѣемъ *e*, чередующееся съ *e*; ср. *ǣs*—*ies*, *ǣxat*—*ǣxað* и под. Именно, изъ этихъ явленій ищущу до известной степени подтвержденія моего мнѣнія насчетъ образа распаденія стараго *ǣ*; нужно только припомнить особенныя условія, подъ которыми стоитъ здѣсь *ǣ*; *i*- не то же самое, что переходный звукъ «*i*» послѣ палат. согласной; изъ предполагаемаго, по даннымъ выше соображеніямъ и примѣрамъ, типа **ǣe*-, напр. **ǣes*-, весьма легко объяснить развитіе существующаго *ie*-, напр. *ies*; ср. Сиверсъ, 5-е изд., 412 и 413, особенно сказанное тамъ о «Schallfülle».

Граница между двумя гласными элементами связей, переданныхъ мною какъ *ie*, и въ концѣ слова *êe*, можетъ выступать для слуха болѣе или менѣе ясно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ она была яснѣе, у меня являлся вопросъ, не стою ли я передъ развитіемъ того рода ударенія, который нѣмцы называютъ «*zweigipflig*», т. е. не имѣемъ ли послѣ главнаго экспираціоннаго напора перваго, болѣе закрытаго гласнаго элемента, экспираціонный минимумъ на границѣ двухъ гласныхъ, а потомъ новый, слабѣйшій

1) Ср. къ этому еще и отмѣченные отдѣльные случаи съ *-ie* въ концѣ слова, приведенные выше.

напоръ во второмъ, болѣе открытомъ гласномъ элементѣ слога? Что такого рода циркумфлексъ существуетъ въ говорѣ, упоминается въ § 10 по поводу слитія двухъ а въ одинъ слогъ; но имѣемъ ли право подтвердить провозрастаніе подобнаго явленія и въ упоминаемыхъ здѣсь слогахъ, не осмѣливаюсь рѣшить; при слогахъ съ однородной гласной, какъ описанное въ § 10 а, наблюдатель имѣетъ сравнительно легкую задачу; а гдѣ рѣчь идетъ о двухъ гласныхъ оттѣнкахъ въ одномъ слогѣ, оттѣнкахъ къ тому близкихъ другъ къ другу какъ і и ѣ, ѣ и е, тамъ наблюдатель по моему опыту сильно подверженъ возможности ошибаться насчетъ вопроса объ одно-напорномъ или двухъ-напорномъ удареніи; вотъ, по моему, точка, гдѣ практическіе регистрирующие приборы могли бы принести большую пользу. Однакожъ, хотя и не могу дать опредѣленнаго, положительнаго результата, но считаю правильнымъ отмѣтить, какъ извѣстныя наблюденія при этихъ слогахъ невольно вели ухо и мысль въ извѣстное направленіе; врядъ ли нужно прибавить, что именно этимъ путемъ слѣдуетъ вѣроятно объяснить себѣ возможность дальнѣйшаго и окончательнаго развитія стараго ѣ въ два самостоятельныхъ слога, что наблюдаемъ въ другихъ мѣстахъ славянскаго міра.

Слѣдуетъ еще отвѣтить на вопросъ, который вѣроятно появится: избралъ ли я правильную точку зрѣнія, исходя изъ «ѣ» и объясняя сочаніе іѣ развитымъ изъ него? Не правильнѣе ли считать сочетаніе вродѣ послѣдняго *старшимъ*, и, такимъ образомъ, перевернуть порядокъ предложенной мною выше цѣпи развитія? Палатализация предшествующей согласной, на примѣръ, въ такомъ случаѣ выступаетъ не какъ исходная точка для распадѣнія (распарыванія) ѣ, а скорѣе какъ окончательное «всасываніе» первой части старшаго сочетанія іѣ въ согласную.

По поводу этого замѣчу, что если исходить изъ сочетанія іѣ съ *открытымъ* (ненапряженнымъ) оттѣнкомъ е, тогда не вижу, какъ объяснить происхожденіе закрытости ѣ, существующей и по нынѣ. Если же предположить сочетаніе іѣ съ «закрытымъ», напряженнымъ оттѣнкомъ е, тогда имѣемъ по моему возможность

объяснить отмѣченныя явленія произношенія. Къ такому пути объясненія и привлекаютъ извѣстныя черты этого произношенія; такъ, столь различныя ступени развитія звука *i* въ началѣ гласной массы, въ нынѣшнемъ ея видѣ, указываютъ пожалуй на «остатки исчезающаго *i*», могущіе объяснять существующую передъ старымъ *ѣ* особую палатализацию. Но объясненіе этой послѣдней можно, какъ мы видѣли, найти и другимъ вполне естественнымъ путемъ. А хотя бы избрали мы, какъ *старшую* исходную точку, сочетаніе *іе* (т. е. «*іѣ*»), но для пониманія явленій *описываемаго говора* по моему въ такомъ случаѣ лучше отправиться не прямо оттуда, а отъ точки, являющейся уже вторымъ звеномъ предполагаемой тогда цѣпи развитія: напряженное *е* съ сильно развитой предшествующей палатализацией и переходнымъ звукомъ, «*ѣ*», между согласною и гласною «*е*»; такимъ путемъ переходимъ опять въ тотъ же самый рядъ заключеній, который изложенъ выше.

Вѣскую подпору въ правильности этого ряда имѣемъ въ замѣчательномъ сходствѣ описанныхъ здѣсь явленій съ тѣмъ, что наблюдается при другой напряженной гласной средней высоты описываемаго говора: *ô*; о ней въ слѣдующемъ параграфѣ. Такая параллельность указываетъ, конечно, на общіе звуковые принципы для развитія въ томъ и въ другомъ случаѣ.

§ 5. Отношеніе гласныхъ *о* и *ô*; произношеніе послѣдняго. Передъ тѣмъ какъ описать своеобразную гласную «*ô*», стоящую иногда на мѣстѣ обыкновеннаго *о* образованнаго русскаго языка, умѣсто будетъ составить обзоръ той рамки, внутри которой существуетъ *ô*, и по которой судимъ объ исторической основѣ гласной. Прибавлю сейчасъ, какъ общее замѣчаніе, что гдѣ другого не отмѣчено, тамъ знаю только одну и ту же форму для Панькова и для Ихалицы.

Особаго вниманія заслуживаютъ прежде всего, какъ уже затронуто въ предварительномъ отчетѣ, найденные случаи мѣны (всегда ударяемаго) *ô* съ *о*. Они немногочисленны. Отъ *погá* нога

отмѣтимъ множ. ч. *nógi* съ род. *nók*; ср. далѣе уменьшительное *nôška*; отъ *kosá* (для косыбы) множ. *kósy* съ род. *kôs*; *gógy: gôt* («*kaby gôr né-byŋo*»); *kozá* мн. *kózy: kôs* (Их. впрочемъ *kos*). Такъ и въ нѣсколькихъ словахъ сред. рода: *sŋovo*—род. мн. *sŋof*; *pólŋ* поле—род. мн. частью *polŋj*, частью *pól*; *móŋo* море—*môf*. Съ отношеніемъ *poŋá: nôška* сравнивается *vodá: vôtka*; *troje: trôjka*; можетъ быть, сюда идетъ и *vôfka* вдовка. Здѣсь, однакожъ, почва не надежна, такъ какъ формъ того же корня съ *ó* случайно не отмѣчено; то же самое нужно сказать о *poŋá* пора, гдѣ род. мн. «*s-têch pôŋ*» какъ будто указываетъ на альтернацію, какъ въ примѣрахъ выше; Их. въ этомъ словѣ знаетъ только *o*, род. *rog*, ср. выше слово *kozá*. Возможность наслѣдованной изъ старины альтернаціи не исключена при Их. *sxôt* сходъ: на *sxôŋe*; но сравненіе со всѣмъ рядомъ случаевъ этой категоріи, см. ниже, дѣлаетъ здѣсь болѣе вѣроятнымъ, что *ó* появилось въ этомъ случаѣ позже на мѣстѣ старшаго, хотя и не первоначальнаго *ô*; ср. о *vm.* (первоначальнаго) *ô* въ вышеназванныхъ формахъ *kos*, *rog*. Несомнѣнный случай альтернаціи за то, пожалуй, имѣемъ въ *môj* мой: ро *móŋom* (Их. -*ŋem*, см. § 13). Изъ Панькова отмѣчено еще съ одной стороны *xôš* хошь, съ другой *xoŋ* хотъ, *xôšôš* хочешь и т. д.; а эта мѣна не имѣетъ, какъ видимъ, цѣны какъ дѣйствительная альтернація въ родѣ выше названныхъ.

Исключая эти очень немногочисленные случаи, находимъ теперь, какъ уже вкратцѣ сообщалось въ предварительномъ отчетѣ, одну изъ двухъ гласныхъ, или *ô*, или *ó*, проведенной безъ альтернаціи во всѣхъ формахъ тѣхъ примѣровъ, въ которыхъ мы могли бы, по этимологическимъ и звуковымъ соображеніямъ, ждать мѣны одной съ другой. Имѣемъ, такимъ образомъ, не только *dôp* добръ, но даже *dôbroj*, *dôbraja* и т. д.; не только *odŋn potkôf*, но и *dva potkôva*; не только *ŋôga*, но и *ŋok* рогъ, въ противоположность, напр., къ *kôŋ* мн. *kôŋi*, конь. Зависитъ, повидимому, отъ «прихоти», осталась ли форма съ *ô* или съ *ó*; иначе трудно судить, когда видимъ при *pô-prostu*, *pômer* померъ, *pôvot* поводъ мн. *rovôd'ja*, *roxogony*—*pôgrôp* погребъ, *pômŋit* помнить, *pôsle* послѣ,

или когда при хот ходъ стоитъ въ сочетаніяхъ -xôt: sxôdy, на sxôdach, rîxôt, f rîxôde (объ особенномъ развитіи этого слова въ Ихалицѣ см. выше). Но, конечно, имѣемъ ли мы право говорить о «прихотяхъ», этого не можемъ рѣшить, пока не разъяснится окончательно все явленіе въ историческомъ отношеніи; а до полной ясности въ этомъ отношеніи единичное нарѣчіе не позволяетъ дойти; относительно этой стороны явленія нужно здѣсь довольствоваться указаніемъ, на какое именно направленіе указываютъ имѣющіеся факты.

Передъ тѣмъ какъ группировать найденные случаи съ ô, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что рамка существованія ô узка. Въ неударяемомъ слогѣ ô вовсе не встрѣчается, почему и въ словахъ съ ô не требуется знака ударенія. Далѣе, повидимому, ô не могло развиваться изъ 'o, явившагося намѣсто старшаго e въ извѣстныхъ положеніяхъ; слѣдовательно, не встрѣчаемъ «законнаго» ô послѣ палатальной согласной. Немногочисленные случаи, въ которыхъ можно теперь наблюдать ô въ такомъ положеніи (напр., мѣст. муж. fšôm всемъ, мѣст. женск. тоіôі и другіе, единичные случаи), стоятъ, какъ увидимъ потомъ, въ такой тѣсной связи съ ясными категоріями флексійныхъ формъ, что аналогичное введеніе ô на мѣсто законнаго o представляется единственнымъ естественнымъ объясненіемъ; а въ другихъ случаяхъ, гдѣ не имѣемъ такой, сильно дѣйствующей флексійной аналогіи, ô послѣ палат. согласной не найдено; видимъ, напр., только формы какъ inot медъ, seĭá пчела: мн. sóĭy род. sóĭ, sóĭô село: мн. sóĭa род. sóĭ и т. д.; при мѣст. o kôm, o комъ, стоитъ o šom, o чемъ, такъ что, видимо, и въ флексійныхъ окончаніяхъ собственное отношеніе сохраняется вообще правильно. Наконецъ отмѣтимъ, что также затронуто въ предварительномъ отчетѣ: o изъ стараго ѣ не подлежало, повидимому, развитію въ ô. Находимъ, такимъ образомъ, только rot ротъ, ĭor лобъ, rof ровъ, son сонъ, stoyp столбъ, mox моxъ, doš дождь; doć дочь, brof бровь мн. bróvi; род. мн. drof дровъ; pokot мн. pokótja, Их. nogot nogótja; spoxá мн. spoxí: род. spox,

и т. д. Можно далѣе указать на падежныя формы какъ им. ед. муж. прилагательныхъ: *ńómóĭ złoĭ kosóĭ xudóĭ* и др. (но род. дат. мѣст. ед. жен. -*óĭ*); твор. ед. существительныхъ: *gńoz-dóm stolóm ćeredóm* и др. (но мѣст. ед. прилагательныхъ на -*óm*). Тѣ случаи, гдѣ *ó* является въ слогѣ со старымъ *ъ*, весьма немногочисленны. Изъ коренныхъ словъ не могу указать примѣровъ; развѣ, можетъ быть, *góshĭoĭ* рыхлый, гдѣ, между тѣмъ, ни великорусская ни малорусская форма не указываютъ на *ъ* (см. Миклошичъ, Et. Wörterb., *ruch-*). Можно зато указать на нѣсколько случаевъ изъ старой *ŭ*оваго склоненія; находимъ съ одной стороны только *kroĭ* кровь; а съ другой, при Паньк. *morĭkóĭ* морковь, *śvokróĭ* тамъ же *ĭubóĭ ĭubóví*, а въ Их. проведенное -*óĭ*: *ĭubóĭ, morĭkóĭ, śvokróĭ*, хотя и здѣсь съ слѣдами колебанія, такъ какъ род. пад. послѣдняго слова отмѣченъ какъ «и *śvékróví*». Относительно этой маленькой категоріи съ ея сильно колеблющимися формами, невольно склоняемся считать съ какимъ нибудь аналогичнымъ введеніемъ *ó* на мѣсто законно ожидаемаго *o*; выставлю какъ возможность, что виновно въ вытѣсненіи законнаго *o* самое звуковое сочетаніе *ó* + *f*, такъ какъ это сочетаніе въ другихъ случаяхъ постоянно является, а тамъ вполне законно, въ видѣ *óĭ*; ср. род. мн. на -*óĭ* и формы прилагательнаго вродѣ *P'otróĭ*. Это, впрочемъ, пока только бѣглое предположеніе. О нѣсколькихъ случаяхъ, наконецъ, съ *ó* въ словообразовательномъ суффиксѣ -*ъкъ* будемъ говорить потомъ.

Упоминаемая только что особенность, что *ó* правильно развилось только изъ первоначальнаго *o*, а не изъ стараго *ъ*, сопоставленная съ выше названными, теперь малочисленными случаями альтернативы *ó* : *ó*, естественно наводитъ на мысль—искать основанія для развитія *ó* въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя вызвали въ малорусскомъ мѣну *o* : *ó*; послѣдній условный знакъ всѣмъ понятенъ. Если же отправимся отъ этого естественнаго предположенія при группировкѣ найденныхъ случаевъ съ *ó*, то скоро увидимъ, что происхожденія *ó* невозможно объяснить только съ этой точки зрѣнія; *ó* имѣется и въ такихъ положеніяхъ, гдѣ оно

вызвано, должно быть, другими условіями, — какими именно, это мнѣ еще не ясно. Придерживаясь ясной параллельности съ Малорусскимъ, распредѣляю въ слѣдующемъ имѣющіеся случаи такъ, что подъ I собираются примѣры, о которыхъ объясняется, прямо или косвенно (аналогіей), съ вѣроятностью или же безъ особой трудности происхожденіемъ въ теперь «закрытомъ» слогѣ; подъ II можно привести случаи, для которыхъ невозможно, или же не такъ просто приложить это объясненіе; подъ III собираю категорію съ «полногласіемъ», такъ какъ эти слова представляютъ извѣстный особенный интересъ.

I. Начнемъ съ коренныхъ слоговъ словъ мужскаго рода; исходная точка о здѣсь лежитъ въ им. ед. ч., если имѣемъ право придерживаться «малорусскаго» правила.

xvôs хвостъ. kôt котъ. kôn, мн. kôni; ср. прилагательное kôn'eĭ конній. kôĭ (о -ĭ см. § 9). krôt кротъ. nôš ножъ, съ уменьшительнымъ nôžuk. rôĭ рой, Их. впрочемъ roĭ. samalôf самоловъ, ср. lôn'la. šonokôs сѣнокосъ, ср. «na šonokôše». stôu столъ. rôr. zgôn сгонъ. pérevôs, на pérevôze. pérebôr. pérevôt переводъ. nalôk налогъ. narôĭ. narôt род. narôdu. zastôĭ (ср. повелит. stôĭ стой). zavôt, на zavôde, мн. zavôdy; ср. прилаг. zavôtskoĭ. potkôf. rozgovôry (отмѣчено только множ. число). — mozôĭ. torôr. rirôk. Их. sarôk¹⁾. Ср. еще въ «закрытыхъ» слогахъ внутри слова: rokôĭničok; oftôrínik вторникъ. — *bôbr или *bôr (бобръ, ср. dôr добръ) не найдено; ср. уменьшит. bôbrík; Их. здѣсь имѣла bôbrík, а и въ Паньковѣ произношеніе повидимому колебалось. — Въ этой группѣ можемъ еще безъ трудности помѣстить рядъ сочетаній слова «ходъ»: ríxôt, ср. f ríxôde, захôt, vosxôt, между тѣмъ какъ простое ходъ отмѣчено только какъ хот; ср. далѣе sxôt sxôdy, на sxôдах (но Их. на sxôde, ср. выше) и даже весьма новое pafoxôt, pafoxôda. Мой матеріалъ не содержитъ другихъ примѣровъ такой мѣны при переходѣ отъ

1) Здѣсь впрочемъ произношеніе оставило меня въ колебаніи, имѣемъ ли о или ô; также въ Их. got, dvor; объясненіе вѣроятно въ самомъ произношеніи ô, ср. ниже.

несложнаго слова къ сложному. — Прибавимъ еще въ этой группѣ словъ чужое *prokurôn* прокуроръ и имя *Ontôn*.

Подъ описываемую здѣсь категорію можемъ еще подвести нѣсколько мѣстоименныхъ формъ: *môj* (ср. выше), *tvôj*, *svôj*; *tôt* тотъ. Далѣе краткій им. падежъ муж. рода причастій и прилагательныхъ: *né môk* могъ, *gôs* росъ (рости); *P'otrôf* Петровъ, ср. *P'otrôvna*, *dôr* добръ — а отсюда *ô*, можетъ быть, проведено и по всѣмъ прочимъ формамъ прилагательнаго, гдѣ коренной слогъ имѣетъ удареніе: *dôbroj* и т. д. — *šyrôk*, ср. выше *głybôk*, *surôf* (*surôvoj* суровый), *gotôf* *gotôva*, *gôc* голъ; изъ этой же краткой формы, хотя бы и не была она отмѣчена у меня, вѣроятно можемъ объяснить еще *ô* въ *xvôgoj* хворый, *tołkôvoj*; а можетъ быть и въ *vnôgo* много?

Въ коренныхъ слогахъ съ первоначальнымъ *ъ* я нашелъ, какъ выше сказано, исключительно *о*. Но и тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло со старымъ *о*, не трудно приводить примѣры съ открытымъ *о*: *got* годъ, *nos*. *poç* (полъ; здѣсь впрочемъ колебался, не имѣемъ ли *ô*; ср. § 14?). *dom*. *grom*. *bok*. *bor* бобъ. *bor*. *boj*. *brot* бродъ. *rot*, род. *rôdu*, родъ. *mosk*, мозгъ, мн. *mozgi*. *rok* *rôga*, рогъ. *vosk*. Их. *łoj*. Паньк. *mor*. *grop* гробъ. *goś* гость. *gvoś* гвоздь. Ср. далѣе краткія формы прилагательныхъ какъ *rłox*, сред. *rłôxo*; *strok* строгъ; *bos* (*bosôj* босой), и др. Повидимому, такимъ образомъ, распредѣленіе *о* и *ô* зависѣло не отъ какихъ другихъ правилъ, какъ «прихоти», т. е. отъ той силы, съ которою случайное пользованіе въ рѣчи позволяло тому или другому отгѣнку выступать въ сознаніи говорящихъ. Это еще и подтверждается такими случаями колебанія, какіе видны, напр., при словѣ *shot*, какъ и изъ слѣдующихъ категорій.

Въ односложныхъ основахъ *і*-оваго или согласнаго склоненія *ô* повидимому вовсе не встрѣчается; напр., не только *łoš* ложъ (ср. прилаг. *łôžnoj*), *voś* мн. *fšy* род. *fšej*, *žolś* род. *žólsti*, *brof* бровь мн. *bróvi*, *doś* дочь, Их. *droś* дрожъ, съ первоначальнымъ *ъ*, но также *drop* (*s'vínsovaja*), *koś* кость, *boł*, *noś*. Другое развитіе находимъ въ *γospôt* Господь. Можетъ быть, что сюда

можно относить нарѣчіе *rgôc* прочь, имѣющее, въ такомъ случаѣ, гласную, какой можно бы ждать.

Въ женскихъ основахъ на -а уже по раньше даннымъ альтернаціямъ видно, что въ случаѣ открытости коренного слога (по-*gá* и под.) исходной точки для развитія *ô* нужно искать въ род. множ.: *pôk*; ср. къ тому формы какъ *širôt* отъ *širotá* и параллельное отношеніе *gospodín*: род. мн. *gospôt*. Изъ вызванной на основаніи такихъ формъ мѣны *o:ô* можно безъ трудности объяснить, съ одной стороны *gôža* мн. *gôžu*, рожа, Их. *zabôta*, *robôta* (Их. *robôta*), *gôšča* (о *šč* см. § 8), *lgôta*, съ другой стороны напр. *osá* оса, мн. *ôsy* род. *ôs*, ср. прилаг. «*xúže ôšja gňozdá*»¹⁾. Труднѣе становится за то, пожалуй, такой путь для объясненія въ словахъ какъ *oxôta* (ср. Их. *slovooxôtník*, *slovooxôsej*) и *vôla*; по крайней мѣрѣ здѣсь не можемъ уже его называть такъ близкимъ. — Далѣе, исходя изъ поставленной точки зрѣнія, ждемъ *ô* во всѣхъ формахъ, если ударяемый коренной (иногда и словообразовательный) слогъ — закрытый: *sôsna*, мн. *sôsny* а отсюда также *ô* въ род. *sôsen*; *vôlxa*¹⁾; *kołokôlna* колокольня; *torgôvlá*; *postrôjka*; *P'otrôvna*; названіе города (Их.) *Tôftma*; ср. къ этимъ примѣрамъ слова уменьшительныя вродѣ выше упомянутыхъ *nôška*, *vôtka*, *vdôfka*, и далѣе *lôtka* лодка, *kôška*; припомнимъ еще *dvôjka*, *trôjka*, ср. выше. Но и подъ такими звуковыми условіями встречаемъ примѣры съ *ô*: *ôvci* овцы; *O'lja* Ольга¹⁾, *bôjna* бойня, *rgórka*, *pôz'gi* ноздри. Что старое въ встрѣчается только какъ *o* (*bôška* бочка, *krôša*), согласуется съ выше сказаннымъ.

Параллельно съ основами на -а идутъ звуковыя условія въ среднихъ основахъ на -о, -jo. Къ выше даннымъ случаямъ альтернаций *o:ô* въ такихъ основахъ, могу впрочемъ, какъ примѣръ

1) Въ связи съ этимъ словомъ можно упомянуть, что въ началѣ слова все слышалъ *ô*: *ôsy*, *ôs*—*ôsej*—*ôsej*—*op*—*ôkuj*—*ôžôgo*—*ôšip*—*ôkarak*; также и въ «закрытомъ» слогѣ: *ôbuc*—*ôvci*, мн. отъ *ovcá* овца—*ôlja* Ольга—*ôšmego*; но *vô* въ трехъ найденныхъ случаяхъ съ *ô*, а именно *vôlxa*—*vôsem* (род. *ôsmi*)—*vôstroj* острый.

съ *ô* по ожиданію, прибавить только *vôjškô* войско; въ словахъ какъ *udovôlstvo* или Их. *širôtsvo* можно считать *ô* заимствованнымъ изъ основныхъ словъ (ср. *dovôlno*, род. мн. *širôt*). Далѣе добавимъ слова *tôlkô*, *skôlkô*, *stôlkô* (только и т. д.). — *ъ* и въ такихъ основахъ даетъ *o*: *gôrlo*; род. мн. *drof*. Но ср. кромѣ того *ô*, напр., въ *okôško*.

ô изъ стараго *o* въ «закрытыхъ» слогахъ можно, конечно, ждать и въ словахъ другихъ категорій. Могу привести, напр., *tôpkoj* тонкій, *spokôjno*, *dovôlno* (ср. выше), *bôlše* больше, Их. *vostôšnoj* восточный, *narôšno* (Их. *narôšno*), *rôznôj* поздній, глаголѣ *porôšyvat*. Изъ формъ съ «закрытыми» слогами далѣе легко понимаемъ *ô* и въ открытыхъ слогахъ въ случаяхъ какъ *lômok* ломокъ, *slôbôdôn* свободенъ, *vinôvôn* виновенъ; при *posôben* я остался въ сомнѣніи, говорить ли *o* или *ô* («*he posôben vîter*»).

Изъ словообразовательныхъ суффиксовъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ я уже коснулся, обращу вниманіе только на окончаніе *-ok*. Старое *ъ* здѣсь, какъ и ожидаемъ, представляется какъ *o*: *koňók*, *glotók*, *mołotók*, *rosók* песокъ, *vonók* вѣнокъ, *culók* чулокъ, *rolók*; ср. съ этимъ также *o* прилагательныхъ формъ какъ «*logók* на ходѣ» и др., и аналогичное по происхожденію *o*, напр., въ род. мн. «*vnôgo dostók*» (*doská*: много досокъ). Но *ô* встрѣчается и тамъ, гдѣ неподвижность *o* литературнаго русскаго указываетъ на старое *o*: *hodók*, *lodók* лодокъ, *jozdók*, *šôdók* (Их. *jezdók*, *šedók* ср. § 13). Тѣмъ болѣе странной представляется форма *potylók*, потолокъ, и къ тому, еще болѣе противно ожидаемому по предполагаемымъ правиламъ, *beřežók*. Чтò здѣсь вмѣшалось и вызвало *ô*, не легко понять; припоминаю при этомъ случаѣ выше названныя прилагательныя формы *šyrok* и *glybok*.

Во флексіи существованіе *ô* въ «закрытомъ» слогѣ слѣдуетъ отмѣтить для нѣкоторыхъ случаевъ. Кромѣ единичной формы какъ *domôj* домой, *ô* постоянно встрѣчается въ ударяемомъ окончаніи род. мн. *-ovъ*: *synôf psôf vozôf mužykôf*, *vnôgo lekrutôf* много рекрутовъ, *sarogôf culkôf* и т. д.; ср. напротивъ

форму какъ «gde deróf nêt...», деревъ, съ предшествующей палат. согласной. Въ упоминаемой надежной формѣ ô утвердилось категорически; это прямо объясняетъ, почему при ожидаемомъ (послѣ палат. согласной) vogoŋjóf въ Их. находимъ и vogoŋjóf (vogoŋej воробей); въ kupsóf частью слышалось чистое о, а частью я ясно наблюдалъ, какъ говорящій, не смотря на предшествующую «мягкую» согласную, старался какъ будто съ трудомъ произносить ô.

Въ мѣстоименномъ и прилагательномъ склоненіи находимъ ô въ мѣст. ед. ч. муж. и сред. рода: о kôm о комъ (но, конечно, ро-óm) ро-tôm, takôm и др. ô здѣсь, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, стало категоричнымъ и аналогично переходить и въ формы съ «мягкою» согласною передъ окончаніемъ: jôm (ср. о нѣмъ), svojôm, fsôm всемъ. Для сравненія съ этою формой особенно годится творительный пад. существительныхъ, гдѣ подъ вполне параллельными звуковыми условіями старое ѣ постоянно является какъ о: stoŋm, céredôm, gnozdôm. — Далѣе укажу на дат.-мѣст. жен. рода: tōj samōj zlōj; по аналогіи съ такими также jōj, mojōj. Когда и въ творительномъ находимъ формы какъ drugōj dorōgoj, другой дорогой, и bolšōj, то невольно является мысль, что окончаніе расширилось сюда по аналогіи; стоитъ по крайней мѣрѣ сравнить форму какъ žonōj женой. Для сопоставленія съ дат.-мѣст. -ōj опять имѣемъ форму, въ которой подъ вполне параллельными звуковыми условіями старое ѣ является какъ о, а именно им. ед. муж. рода прилагательныхъ: zloj, nomōj нѣмой, kosōj, xudōj и т. д.

Можно бы наконецъ изъ спряженія глаголовъ привести форму какъ stōj стой, гдѣ опять естественно искать причины ô въ закрытости слога. Но такое развитіе не постоянное правило; ср. напр. Их. troŋ тронъ. Притомъ, въ глаголахъ нельзя забывать известнаго явленія въ удареніи наст. времени, о которомъ подъ II, и которое небезвѣроятно имѣло вліяніе на оттѣнокъ гласной и внѣ собственной своей рамки.

II. По поводу примѣровъ вродѣ vōla, воля, я уже выска-

заль, что иногда объясненіе происхожденія *ô* изъ формы, гдѣ гласная попала въ закрытый слогъ, дѣлается менѣе вѣроятнымъ. А и между прочими приведенными примѣрами, въ которыхъ я не стѣснялся пользоваться названнымъ объясненіемъ, можно было бы пожалуй отыскать таковыхъ же случаевъ.

Есть, между тѣмъ, случаи съ *ô*, при которыхъ попытка объяснить происхожденіе *ô* появленіемъ его сначала въ «закрытомъ» слогѣ поставила бы насъ на совсѣмъ колеблющуюся почву, и гдѣ поэтому правильнѣе просто признать, что особенное отношеніе долготы или ударенія, на основаніи котораго выросла гласная *ô*, могло существовать также въ «открытомъ» слогѣ.

Самый яркій случай этого рода—ударяемое окончаніе средняго рода -*o*. Мы находимъ въ немъ постоянно *ô*; не только въ существительныхъ (*śôlô rôbrô śeřebrô kolôsô mołokô* и под.), но и въ прилагательныхъ и причастіяхъ (*davnô rovnô šyrokô doužnô* должно, *śvôlô cvělo, nasažonô*; «*éto dobrô mołokô*» или *mołokô dôbrojô*, -*je* и под.¹⁾ и въ мѣстоименіяхъ (прим. *onô*, Их. *tô*). Какъ исключеніе отмѣчено только *rožostvô* рождество, которое естественно объясняется вліяніемъ церковнаго произношенія; чужому вліянію можно приписать, можетъ быть, и числительное *sto*; о «*pařitô*» пальто не стоитъ и говорить.

Въ род. падежѣ мѣстоименій опять находимъ при удареніи -*ô*: *kovô* кого, *tovô*, *śovô*.

Но и въ глагольной флексіи находимъ *ô* подъ такими звуковыми условіями, что объясненіе его происхожденія изъ положенія въ «закрытомъ» слогѣ нужно считать исключеннымъ. Многочисленные примѣры въ § 22 показываютъ, какъ рядъ глаголовъ различныхъ классовъ, если удареніе въ наст. времени отодвигается отъ окончанія (ср. типъ *ношѹ: нѹсишѹ* и под.) и падаетъ при томъ на слогъ съ гласною *o*, имѣетъ эту въ видѣ *ô*. Указывая на списки глаголовъ въ § 22, могу довольствоваться нѣ-

1) Ср. далѣе длинныя прилагательныя формы въ родѣ *řosnôjô, mołodôjô, parnôjô mołokô*.

сколькими примѣрами: *tonú: tôneš, kolú: kôlôš, goúú; gôúiš, xožú: xôdîš, smottú: smôtrîš*, «*ne stôit*» не стоитъ, *xłoroú: xłorôceš* и т. д. Гдѣ гласная о подъ тѣми же звуковыми условіями стоитъ на мѣстѣ стараго ъ, напротивъ, какъ обыкновенно при этой этимологической подкладкѣ, не имѣемъ перехода въ ô; напр. *torcú: tórceš*. Но и тамъ, гдѣ имѣемъ старое о, можно указать случаи, гдѣ переходъ въ ô или не произошелъ или же опять утраченъ; напр. *mogú: môžeš*¹⁾. Поэтому и не можемъ здѣсь, какъ при выше названныхъ случаяхъ изъ флексіи, говорить о твердой «категоріи».

Я указалъ сперва на случаи, гдѣ ô въ открытомъ слогѣ, какъ принадлежащее флексійной системѣ, не возбуждаетъ искушенія объяснить его какою нибудь аналогіей изъ окружающихъ формъ съ закрытымъ слогомъ. А разъ этимъ образомъ установлено, что ô могло развиваться самостоятельно внѣ «закрытаго» слога, можемъ безъ опасности пользоваться еще и отдѣльно стоящими случаями этого же качества для дальнѣйшаго подтвержденія нашего наблюденія. Привожу рядъ такихъ случаевъ. *sôbe*, напр. «о *sôbe*» про себя: *bôle* болѣе, но ср. *dôle*. Вѣроятно сюда можно отнести *pô-* въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, ср. выше; здѣсь впрочемъ случаи съ «закрытымъ» слогомъ, именно при помощи слѣдующаго согласнаго сочетанія, не вполне исключены. *đéva-nôsto* (а ср. *-nôstoĭ*, чужаго происхожденія?). *vôsem* восемь, ср. *ośmí*. *Grigôreĭ. pôilo. stôilo. xrakôfina* (Их. *xarkôfina*, харкотиня). О томъ, что и раньше упомянутыя слова вродѣ *vôla, oxôta* вѣроятнѣе принадлежать сюда, я уже коснулся выше.

III. Перейдемъ наконецъ къ «полногласнымъ» словамъ. Слова *gôvnoĭ* ровный и *gôzgi* род. *gôzok*, розги, стоятъ въ моемъ матеріалѣ особнякомъ и не даютъ по этому повода къ замѣчаніямъ. А гдѣ имѣемъ «полногласіе» внутри слова, можно объ отношеніи о:ô сейчасъ же возстановить простое правило, что *передъ г, l ô*

1) И это, хотя ô могло бы имѣть подпору въ ô «закрытаго» слога въ прош. *môk* могъ.

вовсе не встрѣчается. Значить: bólože bórodu xvóros хворость, Их. xólodno, dórogo gólot голодь, góloven' голавль, gólovu górot kólokoło kórop mólot (mołodój) rólosy stórony stóroš сторожъ, vólos žólor¹⁾. Одно только исключение отъ этого правила отмѣчено, а объясненіе его просто. Мы видѣли только что подъ П, какъ рядъ глаголовъ при отодвиженіи ударенія представляетъ мѣну о:ô, напр. хоў: хôdîš; такъ и въ роў: рôlôš (полоть); а подъ вліяніемъ категоріи возникло ô и въ причастіи isprôloto, отмѣченное впрочемъ только въ единичномъ случаѣ.—Значить, ô существуетъ только въ слогѣ *постъ* г, л.

Что касается ô въ этомъ слогѣ, то его существованіе можно для большинства случаевъ параллелизировать съ извѣстными намъ уже для другихъ слоговъ чертами. Формы вродѣ ot mogôzu можно, напр., объяснить на основаніи «закрытости» слога въ им. падежѣ, mogôs морозъ; ср. всѣ имѣющіяся формы этого вида: kogôl', gogôx, rogôm и далѣе муж. р. прош. времени во-лôk, моlôцъ мололъ, накоlôцъ. Изъ послѣднихъ можно бы объяснить ô и въ женскомъ р., напр. моlôla²⁾, и такимъ же образомъ, изъ краткой формы мужскаго рода, можно объяснить ô длинныхъ формъ вродѣ nézdogôvoj, xogôšova ródu. Въ неопр. kołôt, rogôt, моlôt закрытость слога неоспорима. ô словъ женскаго и средняго родовъ какъ bołoto vorôna kogôva dogôga, род. dogôgi, ср. еще моlôka, можно связать съ формой род. множ. ч.: kogôf dorôk storôn (storoná) gołôf (gołová)³⁾ połôs (połosá) skovorôt (skovorodá, мн. skóvorody). Ср. съ этимъ еще ô передъ уменьшительнымъ к, напр. въ kogôtka, gołôfka, dorôška дорожка. И та же самая точка зрѣнія, объясненіе происхожденія ô изъ слоговъ, которые нынѣ «закрыты», идетъ хорошо и къ словамъ какъ роlôtňanoj полотняный, gołôdnoj, хоlôdnoj, моlôšnoj молочный.

1) Подобное сочетаніе еще въ ólovo; ср. однакожъ Torbiörnsson, Li-
quidametathese I, стр. 65.

2) Форму rogôla, при rogôla, нужно повидимому считать младшей.

3) Ср. прилаг. «toystogolôvaja gýba».

Но какъ въ другихъ звуковыхъ сочетаніяхъ, такъ и здѣсь встрѣчаются случаи, гдѣ объясненіе $\acute{o}$ съ названной точки зрѣнія трудно. Такъ при упомянутой подѣ II мѣнѣ ударенія въ глаголахъ: $po\acute{lo}š\acute{c}\acute{u}$ — $po\acute{lo}š\acute{c}\acute{o}š$, $bo\acute{g}o\acute{n}\acute{u}$ — $bo\acute{g}o\acute{n}\acute{a}t$ и др.; далѣе въ отдѣльных словахъ какъ $smog\acute{o}d\acute{i}na$, $xog\acute{o}m\acute{i}na$; ср. еще примѣры какъ $kog\acute{o}se$, $mo\acute{l}\acute{o}že$, гдѣ впрочемъ связь съ формами, имѣющими о въ закрытомъ слогѣ, не вполне прервана.

При обзорѣннн всего матеріала выходитъ вообще, что правило насчетъ отношенія $\acute{o}$: $\acute{o}$ въ полногласныхъ сочетаніяхъ принимаетъ особую форму: какъ о *передъ* г, і неспособно перейти въ $\acute{o}$, такъ о *послѣ* г, і неотступно является въ видѣ $\acute{o}$, какъ только этотъ слогъ носитъ удареніе. Могу указать только на два исключенія: $do\acute{r}\acute{o}gi$ и $vo\acute{l}\acute{o}šja$ (род. пад. собирательнаго: $vn\acute{o}go\ vo\acute{l}\acute{o}šja$; ср. $v\acute{o}los$), которыя не стѣсняюсь объяснить какъ плодъ чужого произношенія, показывающаго свое вліяніе въ говорѣ и въ другихъ случаяхъ.

Какъ же объяснить разницу, выходящую такимъ образомъ для двухъ гласныхъ о полногласныхъ словъ? Придерживаясь пока точки зрѣнія «закрытаго слога», мы съ нея легко понимаемъ, что о *передъ* г, і не переходитъ никогда въ $\acute{o}$: это всегда открытый слогъ. Но объ $\acute{o}$ послѣ плавныхъ не можемъ, по выше изложенному, утверждать, чтобы оно стояло всегда въ закрытомъ слогѣ или же въ близкой связи съ формой, гдѣ слогъ закрытъ и откуда $\acute{o}$ могло бы переходить путемъ аналогіи; нужно для этого, какъ и для другихъ звуковыхъ сочетаній, согласиться, что $\acute{o}$ могло утвердиться и въ открытомъ слогѣ, а въ такомъ случаѣ выше названная точка зрѣнія для объясненія не подходитъ.

Есть, конечно, возможность, считать отношеніе $\acute{o}$: $\acute{o}$ полногласныхъ сочетаній результатомъ расторженія старой и образованія новой «группы» въ нарѣчій¹⁾: частое появленіе $og\acute{o}$, $o\acute{l}\acute{o}$ тамъ, гдѣ второй слогъ былъ не только ударяемъ, но и закрытъ, отторгалось для лингвистическаго сознанія отъ собственнаго

1) См. Paul, Princ. der Sprachgeschichte, 3. Aufl., Kap. V и Kap. X.

своего основнаго условія, а именно закрытости слога, и стало для говорящихъ принадлежностью самого звуковаго сочетанія *огó, оѡ́*, такъ что это во всѣхъ положеніяхъ принимало видъ *огó, оѡ́*.

Для меня, между тѣмъ, правдоподобіе другое объясненіе, а именно, что стоящіе по обѣимъ сторонамъ плавнаго полногласнаго сочетанія звуки *о* имѣли *различное качество*, именно тѣ качества, которыя нужно вообще считать основаніемъ существующей еще въ говорѣ разницы *ó:ô*. Если можно принять эту точку зрѣнія насчетъ полногласныхъ формъ, и если съ этимъ сопоставимъ прочій матеріалъ по гласной «*о*», въ томъ числѣ и несомнѣнныя параллельныя черты между *ó* нашего нарѣчія и «*ō*» малорусскаго и другихъ славянскихъ языковъ, то получимъ этимъ путемъ не безцѣнные заключенія о старшемъ славянскомъ вокализмѣ и удареніи. Не лежитъ, однакожъ, въ моей задачѣ, какъ аналитика, продолжить здѣсь дальше изслѣдованіе объ этомъ.

— Остается, за то, говорить о произношеніи гласной «*ô*». Уже раньше отмѣчено, что въ немъ встрѣчаются нѣсколько чертъ, параллельныхъ съ тѣмъ, что мы видѣли насчетъ гласной «*ê*».

Избранный какъ общее обозначеніе разныхъ оттѣнковъ единого, съ исторической точки зрѣнія, звука знакъ «*ô*» употребляется, какъ извѣстно, въ прежнихъ моихъ работахъ для закрытой, напряженной гласной *o*; ср. Свитовое *mid-back-narrow-ground*, Сиверсовое *gerundet mittel velar, gespannt* (нѣм. *so*, франц. *seau*). Такая гласная артикуляція, повидимому, правильно и составляетъ «ядро» упоминаемыхъ здѣсь слоговъ, съ «*ô*»; наблюдалось достаточное количество случаевъ, въ которыхъ гласную слога слѣдовало опредѣлять именно какъ такую артикуляцію, довольно однообразную съ начала до конца. Но такъ же часто, если и не чаще, наблюдалось, что и Паньковскому и Ихалицкому говору какъ будто трудно удержать однообразную артикуляцію. Гласный элементъ поэтому, совершенно какъ при «*ê*», превратился въ нѣсколько переходящихъ другъ въ друга оттѣн-

ковъ, въ болѣе или менѣе ясный дифтонгъ, о которомъ и здѣсь, какъ неотступное правило, можно установить только то, что болѣе закрытая его часть лежитъ въ началѣ, а болѣе открытая въ концѣ, никогда не обратно. Далѣе видимъ здѣсь, какъ при «ê», что на вопросъ, какую часть считать «слоговой», а какую «неслоговой», отвѣтъ можно давать для каждого отдѣльнаго случая, много для извѣстной категоріи, между тѣмъ какъ общаго правила для всѣхъ случаевъ оказалось невозможнымъ отыскать.

Какъ объ «ê», такъ и объ «ô» нужно сказать, что—хоть относительно—твердую норму произношенія имѣемъ, повидимому, въ открытомъ концѣ слова. Первую, слоговую часть слога составляло здѣсь обыкновенно дѣйствительное, напряженное ô, къ которому присоединяется неслоговая гласная, опредѣляемая мною какъ открытое o. Получаемъ такимъ образомъ, въ условно точной транскрипціи, «odnôq», «ronôq», «cônôq», «gnozdôq», «c'ôôôq» и под., что отмѣчено въ многочисленныхъ случаяхъ; сравнивь съ ними, тѣ немногіе примѣры, въ которыхъ обозначеніе анализируемаго сочетанія оказалось инымъ («xogošôq» при «-šôq», «tôr-ôq», Их. «c'ešotôq» при «-tôq» и «-tô» съ однообразнымъ до конца ô, Их. «oknôq» при «-nôq», Их. «kol'esúq»), нужно считать исключеніями. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что изъ Их. отмѣчено, въ утвердительной и рассказывающей рѣчи, «tôq», а въ вопросительной «tôôq»; ср. «cônôq» и «c'evôq»; подобный случай внутри слова представляетъ «Tôôma» и «Túôôma», въ противоположность къ вопросительному и сомнѣвающемуся «Tôôôma». Объ этомъ явленіи указываю на сказанное въ § 3. — Неслоговая часть сочетанія «-ôq» нерѣдко такъ слабо развита, что звучитъ скорѣе какъ слабый призывъ¹⁾; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ

1) Можно было бы предположить, чтобъ такой «off-glide», т. е. переходный гласный звукъ ослабленнаго качества, являлся и послѣ другихъ заднихъ гласныхъ, напр. въ формахъ какъ gnozdá, gnozdú, и такимъ образомъ не зависѣлъ отъ самой гласной, но отъ другихъ условий, напр. отъ положенія ударенія на открытомъ концѣ слова. Подчеркиваю по этому, что нашелъ его только при -ô.

тогда переходилъ въ то «ъ», что извѣстно намъ изъ § 2, какъ ирраціональное отгѣненіе полного о въ слогахъ послѣ ударенія.

Внутри слова, все равно въ «открытомъ» ли или въ «закрытомъ» слогѣ, при (болѣе рѣдкой?) формѣ съ выдержаннымъ до конца, однообразнымъ ô, можно привести рядъ примѣровъ, высказывающихъ то же самое произношеніе, какъ обыкновенное для открытаго конечнаго слога: «Ontôon», «potyłôok» потолокъ, «bôôłše», «šônokôôrs», «na šônokôôrsé», «kôôot», «gotôôf», «na sxôôtku», «rogôôm»; Их. «kôôloš» «rogôôła» «mołôôła»; и т. д. А кромѣ этого рядъ записей обнаруживаетъ форму, рѣдкую въ открытомъ концѣ слова, а именно -до-; такое произношеніе наблюдалось часто въ тѣхъ же формахъ, гдѣ встрѣчалось также «ô» или (однообразное) «ô»: «rogôôm» (ср. выше), «bołôôto» («-łôto»), «kôôł», «guôôńiš», «vołôôk» («-łôk», волôкъ), «prôôsit» («-ôś-»), «dôôbroj» («dô-»), «ot robôôty», Их. «u łôôtki» («łôtki»), Их. «potyłôôk» (ср. в.), Их. «tvarôôk», и др. Когда въ единичномъ случаѣ вмѣсто џ этого сочетанія отмѣчено ô («svoïôôm»), при томъ съ прибавленіемъ, что «ô близко къ џ», то не стѣсняюсь привлечь и этотъ случай къ описываемому ряду. Больше вниманія заслуживаютъ тѣ нѣсколько примѣровъ, относящихся къ первымъ днямъ моихъ наблюденій, при которыхъ я о двухъ гласныхъ отгѣнкахъ ô + о въ томъ же самомъ слогѣ (а именно въ формахъ на sxôôdaх, на sxôôtku) отмѣтилъ, что трудно рѣшить, слѣдуетъ ли считать элементъ ô или элементъ о «слоговой частью» дифтонга.

Для объясненія разнаго развитія того же самаго, въ историческомъ отношеніи, звука внутри слова, нужно пожалуй считаться съ факторами разнаго рода. Небезвѣроятно, во-первыхъ, что вліяютъ окружающіе звуки. Я отмѣтилъ, что въ окончаніи -ôf, все равно въ какомъ употребленіи (ср. род. множ. godôf, прилаг. gotôf), чаще обыкновеннаго слышится однообразная гласная ô, безъ открытаго отгѣнка въ концѣ. Близко тогда то заключеніе, что причина — въ закрывающемъ слогѣ губномъ звукѣ, мѣшающемъ до извѣстной степени открытію гласной; хотя и не всегда, ср. выше примѣръ «gotôôf», далѣе напр. «łubôôf». —

Далѣе, нужно имѣть въ виду мѣну во внутреннемъ распредѣленіи тона и силы слога, связанную съ качествомъ предложенія (разсказъ, вопросъ и т. д.); несомнѣнные примѣры ея дѣйствія приведены выше по поводу открытаго конца слова, а также для закрытаго слога (ср. слово *Tô'tma*). Для иностранца не всегда такъ легко рѣшить, особенно при отдѣльно стоящихъ словахъ и формахъ, высказано ли какое нибудь слово, о которомъ идетъ рѣчь, напр. вопросительно или утвердительно въ то мгновеніе, когда оно является на губахъ туземца—это навѣрно каждый діалектологъ знаетъ по опыту.

Прим. Эта сторона тѣмъ болѣе запутывается, если соображаться еще и съ движеніемъ тона, выходящимъ естественно по «собственнымъ тонамъ» разныхъ гласныхъ. Такъ у *i* высшій «собственный тонъ» нежели у *é*, а у этого опять высшій нежели у *e*; поэтому, сочетаніе *ié*, *ie* или *ée*, все равно какая его часть слоговая, хотя бы голосовыя связки выдержали одинъ и тотъ же тонъ черезъ все сочетаніе, вмѣщаетъ въ себѣ условія выступать для слуха какъ нисходящее по тону; для этихъ сочетаеій (§ 4), между тѣмъ, не имѣю въ этомъ направленіи точныхъ наблюденій. Обратнo, у *o* высшій «собственный тонъ», чѣмъ у *ô* и *u*; поэтому сочетаніе *ôo* или *uo*, все равно какая его часть слоговая, хотя голосовыя связки выдерживаютъ тотъ же самый тонъ съ начала до конца, носятъ въ себѣ условія выступать для слушающаго какъ восходящее по тону, а тогда вѣроятно легко и получаетъ восходящій тонъ въ артикуляціи голосовыхъ связкахъ. Въ Паньковскомъ говорѣ обыкновенный типъ этихъ сочетаній повидимому дѣйствительно и былъ съ восходящимъ тономъ; напр., слово *kôt* котъ именно анализировано какъ «*kîôôt*», съ ровно, безъ перерыва, восходящимъ, на небольшой интервалъ, тономъ; то же самое отмѣчено въ прош. «*tôôs*» ростъ. Ихалицкая старушка между тѣмъ, повидимому, чаще пользовалась обрат-

нымъ движеніемъ тона, нисходящимъ, иногда на довольно значительный интервалъ. Значить, отмѣченные у меня не-многіе факты, позволяющіе разсуждать объ этомъ вопросѣ, къ сожалѣнію далеко недостаточны для надежныхъ заключеній. Вообще, я только во время обработки матеріала обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, считаю однакожъ не лишнимъ указать на него, рекомендуя его вниманію, а можетъ быть и полнѣйшей разработкѣ другихъ.

Хотя такимъ образомъ можно указать на разные факторы, имѣющіе, можетъ быть, вліяніе на развитіе разныхъ типовъ въ произношеніи «ô», а чтобы найти болѣе твердую точку зрѣнія для обсужденія всего явленія, нужно опять обратиться къ параллелизаціи съ развитіемъ «ê». Обыкновенное въ открытомъ концѣ «-ôq» вполне соответствуетъ «-êq»; за то главные типы произношенія внутри слова, съ одной стороны «-îq-» и «-jê-», съ другой стороны «-ôq-» и «-цô-», не вполне параллельны; для полной соответственности требовалось бы «-îq-» и «-цô-». Для перваго изъ этихъ, îq, можно пожалуй указать на пару примѣровъ изъ Их.: «Túqtma» (ср. выше) и род. множ. «súqsen» сосенъ; къ тому изъ Паньк. «Bestoŭkúqvaŭa» ¹⁾; но хотя бы они были правильно поняты, во всякомъ случаѣ они слишкомъ немногочисленны, чтобы строить что нибудь на нихъ; а для произношенія «цô» могу привести лишь единственный случай, отмѣченный въ началѣ моихъ наблюдений, прилагательное «kцôp'eŭ» конній. Значить, полного согласія съ типами произношенія въ «ê» мы не находимъ; приведенные случаи только по тому имѣютъ интересъ, что еще ярче показываютъ намъ многообразность существующаго произношенія. А такъ какъ разные типы не разграничились по видимымъ правиламъ, а напротивъ — и главные и болѣе случайные типы — повидимому мѣшались безъ ясныхъ правилъ, то можемъ, какъ и при «ê», предполагать, что стоимъ передъ

1) Впрочемъ, съ прибавкой, «не ôq ли».

начатой но еще не оконченной перемѣной въ произношеніи, передъ распаденіемъ, результаты котораго не имѣются еще въ окончательной, яркой формѣ.

Физиологической подкладки неоконченнаго еще развитія нужно, повидимому, искать подобнымъ путемъ, какъ при ё. О гласной «ô» въ чистомъ видѣ, безъ дифтонгизированія, т. е. какъ дѣйствительной «mid-back-naгgow», я не могу сказать тоже самое что объ ё, а именно чтобъ она дѣлала на меня впечатлѣніе особой для нея узкости или напряженія; по моему она въ сущности тождественна напр. съ нѣм. ô въ «so»; ср. таблицу у Сиверса. За то важно отмѣтить одну черту *проводящей ô лабиализаціи*. Изъ ряда наблюдений и отмѣтокъ выходитъ, что предшествующая ô согласная — вѣроятно всегда, по крайней мѣрѣ очень часто — лабиализируется сильнѣе, чѣмъ гласная ô, что она имѣетъ, можно сказать, «и'овую» лабиализацію говора. А какъ между палатализованною къ і согласною и слѣдующимъ ё легко развивается переходный гласный элементъ і, такъ, при описанной сильнѣйшей степени лабиализаціи согласной, между этой и слѣдующимъ ô легко развивается переходный гласный звукъ (glide) u, который дѣйствительно отмѣченъ въ рядѣ случаевъ; ср. выше упомянутое «kôôô» котъ; прилаг. «kôôô'ej»; а въ концѣ слова форму какъ «nasažonçôô» насажено.

Далѣе знаемъ — что особенно ясно показывается въ открытомъ концѣ слова — какъ ô имѣетъ склонность развивать въ послѣдней своей части болѣе открытый оттѣнокъ (-ôô). Этотъ призвукъ, совершенно какъ при ё, не прибавляется, конечно, какъ удлинёніе, а удѣляется изъ имѣющейся гласной массы. Такимъ образомъ, закрытый элементъ ô, который нужно, конечно, считать здѣсь болѣе первоначальнымъ, легко теряетъ свое вполнѣ преобладающее положеніе въ слогѣ. Гласная масса слога переходитъ въ сочетаніе, которое можно писать «iôô»; въ немъ безконечный рядъ гласныхъ оттѣнковъ переходятъ другъ въ друга, безъ разграниченій, и только вновь приходящіе моменты, вродѣ экспираціонныхъ, тонныхъ и количественныхъ отношеній внутри этой

гласной массы, группируютъ ее для говорящаго и для слушающаго въ звуковыя картины вродѣ самыхъ обыкновенныхъ для говора типовъ *ô* и *do*. Указываю на сказанное въ предшествующемъ параграфѣ о «*iêe*», что дѣлаетъ дальнѣйшее разъясненіе лишнимъ.

Какъ при *ê*, такъ и при *ô* наблюдатель невольно ставить себѣ вопросъ, не имѣемъ ли здѣсь дѣло съ «двухъ-напорнымъ» (*zweigipflig*) удареніемъ; это тѣмъ болѣе, что при *ô* въ томъ случаѣ можно бы думать о сохраненіи черты, которую исторически можно съ основаніемъ предположить хоть для старшей ступени развитія¹⁾. При «*ê*» я долженъ сознаться въ неспособности рѣшить, есть ли слѣды такого «циркумфлекса» или нѣтъ; и *ô* не вполне рѣшило моихъ сомнѣній²⁾; однако мои наблюденія указываютъ для него довольно опредѣленно на удареніе однонапорное.

§ 6. Гласныя безголосныя. Свить, въ своей статьѣ о русскомъ (московскомъ) произношеніи³⁾, указываетъ, что гласная въ концѣ слова, послѣ безголосной согласной, перѣдко теряетъ голость; напр. въ *руки*, *старушку*. И въ описываемомъ говорѣ отмѣчены такіе случаи, впрочемъ немногіе. Но говоръ не согласуется съ ограниченіемъ явленія у Свита къ гласнымъ высокаго (*high*) образованія. Находимъ безголосныя гласныя и средняго образованія. Ср. напр. — обозначаю безголосность подставленнымъ *v* — *kîzet^v* лѣзете, *dônyšk^v* доньшко, *boétš^v* бояться. Случай

1) Именно, *ô*, какъ мы видѣли, до извѣстной степени вѣроятно того же самаго происхожденія, что малорусское «*ô*»; происхожденіе это связывается съ исчезновеніемъ *ъ* и *ь*, вслѣдствіе чего «открытые» слоги переходятъ въ «закрытые». А это слитіе двухъ слоговъ въ одинъ по всей вѣроятности сопровождалось не только извѣстнымъ удлиненіемъ гласной, но и двухъ-напорнымъ (или же «двухъ-тоннымъ») удареніемъ, слѣды котораго имѣемъ вѣроятно въ распаденіи собственно однородной гласной въ извѣстныя дифтонгическія сочетанія.

2) Особенно Ихалицкое произношеніе, съ упомянутымъ выше, въ примѣчаніи, нисходящимъ тоннымъ движеніемъ.

3) Russian Pronunciation, Transactions of the Philological Society 1877—79, см. стр. 552.

потери голоса отмѣченъ даже при ударяемости гласной: f-polkъ въ полку.

Объ этомъ явленіи, кромѣ замѣтки Свита, указываю на § 10 своего «Die Dialekte des südlichsten Serbiens» въ «Schriften der Balkancommission», Wien 1903; явленіе въ этихъ нарѣчіяхъ имѣетъ болѣе широкую форму и часто наблюдается и послѣ согласныхъ съ голосомъ, но, за то, повидимому, никогда не подь удареніемъ; въ описываемомъ, сѣверновеликорусскомъ, говорѣ самое явленіе, поэтому, и слѣдуетъ обсудить нѣсколько иначе.

§ 7. О согласныхъ. Согласныя долгія. Описываемый говоръ не представляетъ въ артикуляціи согласныхъ крупныхъ принципиальныхъ различій отъ образованнаго русскаго языка. Употребляемые знаки поэтому и не требуютъ много объясненій.

Объ отношеніи $\dot{d}:\dot{j}$ говоритъ § 10. «v» нормально — чисто губно-зубное; слѣды активнаго участія верхней губы при его образованіи были рѣдки и вѣроятно только случайны; далѣе объ этомъ въ § 11. Шипящія слогласныя подвергаются анализу въ § 8. О группировкѣ палатализированныхъ согласныхъ въ отношеніи къ «твердымъ» и связанныхъ съ тѣмъ вопросамъ говорю при явленіяхъ палатализаціи въ § 12.

Кромѣ «мягкаго», дорсально образованнаго $\dot{I}$, сходнаго съ извѣстнымъ мягкимъ $\dot{L}$ образованнаго русскаго, въ говорѣ имѣется и хорошо извѣстный вообще изъ великорусскаго, сильно открытый, съ присоединенной еще и гортанною артикуляціей звукъ « $\dot{I}$ ». При его образованіи передняя часть языка сжимается въ длинную, узкую форму, касающуюся переднихъ частей нѣба (луночной выпуклости или же самой передней части твердаго неба) только кончикомъ своимъ¹⁾. Область соприкосновенія очень мала, при узкости и тугости языка; за то характерныя для

1) Этимъ образомъ, т. е. «коронально», загороживаніе звука происходитъ по моему обыкновенно; хотя можно образовать « $\dot{I}$ » того же самаго акустическаго дѣйствія и при загороживаніи спинкой языка выше по небу.

звука *l* открытія по боковымъ краямъ языка — большія, такъ что выдыханіе проходитъ по нимъ свободно, безъ слѣдовъ «трениа», и не получая отпечатокъ того особаго резонанса, который свойственъ болѣе закрытымъ видамъ *l*. Поэтому и задняя часть языка своей артикуляціей можетъ прибавить этому открытому *l* чистый оттѣнокъ любой изъ заднихъ гласныхъ (ср. Сиверсъ, 5 изд., 320); обыкновенно она по моему артикулируетъ какъ при гласной задняго ряда средней, т. е. соотвѣтствуя звуку *o*; можетъ однако быть, что эта задняя гласная въ *l* нерѣдко лежитъ и выше, въ области гласныхъ *u*. Такая артикуляція заднихъ частей языка объясняетъ, почему къ *l* такъ легко прибавляется и употребленіе губъ, которое обыкновенно сопровождается упомянутыя гласныя. А такъ какъ самый звукъ «*l*», при отсутствіи или же слабости характернаго *l*-оваго резонанса въ открытомъ его образованіи, легко исчезаетъ вполне для уха, то переходъ *l* въ *o* или *u* легко понятенъ и часто наблюдается. Такъ и въ описываемомъ говорѣ, о чемъ въ § 9.

— И долгія согласныя перѣдки въ говорѣ. Гдѣ онѣ стоятъ между двумя слогами, ихъ нужно считать «геминатами» (Сиверсъ 5 изд. 556 сл.): распадаются съ одною половиною на каждый слогъ; точка слабѣйшаго выдыханія лежитъ внутри самой согласной. Что удлиненіе этакихъ согласныхъ при длительныхъ (напр. «*š*») удлиняетъ самый шумъ, а при мгновенныхъ (напр. «*t*») паузу передъ взрывомъ, разумѣется безъ дальнѣйшихъ разясненій.

Долгота согласныхъ построена здѣсь всюду на слитіи двухъ элементовъ, которые или уже раньше тождественны (*n* + *n*, *s* + *s* и под.) или же сперва подвергаются уподобленію.

Случаи перваго рода видимъ, напр., при *n*, *n̄*: *polôtñāpōj*, *ošōpōj* осенній, *ñesāāpō* печально, *nōci tumāñyūđ* туманныя, *dvu-gríyūpōj* (или -*eñōj*, ср. § 13), *okañāpōj*, *p̄lēmēñik* племянникъ, *kōñej* *dóxtur*¹⁾; при *k*: *kāmñu* къ камню, *kupcām* къ купцамъ;

1) Но ср. Их. *okōñisa* съ обыкновеннымъ *n̄*.

при $\underline{ž}$: 2. ед. ч. $\underline{žoš}$, 2. мн. $\underline{žetó}$ и пр., ср. 1. ед. $\underline{žgu}$ жгу; при $\underline{s}$: $\underline{saía}$ ссала, $\underline{šykát}$, ср. $\underline{skat}$, наст. $\underline{sku}$ и т. д.; при $\underline{t}$: $\underline{oťeγ}$ днѣй отъ тѣхъ дней.

Случаи возникновенія долгихъ согласныхъ черезъ уподобленіе многочисленны; частью уподобляются глухія и звонкія согласныя одного образованія; а частью уподобляется и самое образованіе. Такъ какъ правила уподобленій какъ нельзя лучше освѣщаются именно развитіемъ долгихъ согласныхъ, то собираю здѣсь рядъ разныхъ случаевъ, такъ что возвращеніе къ этому предмету дѣлается лишнимъ (о другихъ явленіяхъ принадлежащихъ ученію о комбинаціи звуковъ ср. въ § 15).

$z+s$ даетъ $\underline{s}$: Их. $\underline{išvínćú}$:

$t+d$ » $\underline{d}$: $\underline{ođuc}$ отдулъ, $\underline{étodurák}$,

« $\underline{tebē dēla nēdonás}$ » нѣтъ до...

$\underline{tōd'én}$ тотъ день, съ двумя удареніями.

$g+k$ » $\underline{k}$: $\underline{lókoi}$ легкій, $\underline{vospalénje lókix}$ («от $\underline{sólnyška}$ »).

$k+g$ » $\underline{g}$: $\underline{gōré}$ къ горѣ.

$d+t$ » $\underline{t}$: $\underline{sétudá}$ сядь туда; первая часть согласной теряетъ свою палатальность, ср. § 12 и § 15.

Сопоставимъ съ этими еще и случаи какъ $\underline{zdělom}$ съ дѣломъ, $\underline{gdušē}$ къ душѣ и т. д., и судьбу звонкихъ въ концѣ слова: $\underline{drof}$ дровъ, $\underline{davpó-uš}$, $\underline{got}$ годъ, $\underline{pluk}$ плугъ¹⁾ и под.; видимъ тогда, что законы развитія въ этомъ отношеніи тѣ же самыя, что въ образованномъ русскомъ языкѣ.

Далѣе находимъ:

$\bar{v}$ изъ $b+v$: $\underline{ovarít}$ обварить, $\underline{ov'incét}$ обвѣнчать.

$\bar{m}$ » $b+m$: $\underline{oťanút}$, не $\underline{oťanuvaj}$.

$\underline{ž}$ » $s+ž$: $\underline{žonój-to}$ съ женою.

$\underline{š}$ » $s(z)+š$: $\underline{rožyubú}$ росшибу.

$\underline{s}$ » $\underline{š}+s$: $\underline{bois'e}$ боишься, $\underline{kľeńós'e}$ клянешься, $\underline{orojás'ō}$ опояшься и т. д., постоянно.

1) Называется также « $\underline{uľúk}$ ».

Ср. $\check{s}$ въ $\check{s}it\bar{a}m$ считаемъ, единственный отмѣченный случай этого звука въ моихъ запискахъ; $\check{c}'$ (ср. « $\check{c}$ » образованнаго русскаго) въ $\check{c}'o\check{s}$, $\check{c}'ot$ и т. д., отъ $tka\check{t}$ ткать.

Примѣры $Y\check{o}k\check{o}j$ легкой и $\check{g}o\check{t}\check{e}$ къ горѣ показали, что $k \rightarrow k$ или $g \rightarrow k$, а также $k \rightarrow g$ даютъ другой результатъ, чѣмъ въ языкѣ образованнаго русскаго. Въ противоположность слѣдуетъ отмѣтить, что $k \rightarrow x$ не уподобляются; въ выраженіи « $k\ x\check{r}\check{e}\check{s}\check{i}\check{a}pam$ » къ крестьянамъ k и x сохраняютъ свои артикуляціи, а не сливаются въ долгое x .

Отдѣльно нужно ставить $\check{s}$ въ « $do\check{s}$ » дождь, род. $do\check{z}d\check{z}\check{a}$ (о сочетаніи $\check{z}d\check{z}$ ср. § 8). Это $\check{s}$ явно склоняется къ потерѣ долготы; иногда произношеніе звучало почти чисто « $do\check{s}$ ».

§ 8. Согласныя «шипящія». Старые $ч$ и $ц$ въ говорѣ совпали въ одинъ звукъ, передаваемый $\check{c}$. Его собственно не слѣдуетъ ставить подъ «шипящія», а скорѣе подъ «свистящія». Именно, оканчивающій его звукъ нормально тождественъ съ палатальнымъ, дорсально образованнымъ $\check{s}$; первая его часть, конечно, дорсально образованное t . Между тѣмъ, переходъ отъ s черезъ $\check{s}$ къ переднему $\check{s}$ (« $\check{s}$ »), какъ извѣстно, не прерывается ясно дѣлящею, физиологическою границей; $\check{s}$ въ своемъ образованіи стоитъ уже на границѣ ряда $\check{s}$; его можно отгѣнить то ближе къ собственнымъ звукамъ s (c), то ближе къ звукамъ $\check{s}$ (« $\check{s}$ »), а это и объясняетъ, почему наблюдатель легко колеблется при рѣшеніи, слѣдуетъ ли опредѣлить согласное сочетаніе, въ которомъ совпали $ч$ и $ц$, особенно мягкимъ « $\check{c}$ » или же скорѣе какъ $\check{c}$; для описываемаго говора я, какъ сказано, считаю послѣднее правильнымъ¹⁾. Примѣры съ $\check{c}$ встрѣчаются всюду въ описаніи такъ часто, что ихъ не нужно здѣсь приводить.

Насчетъ пониманія возникающаго въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ 3 л. ед. и множ. чиселъ возвратныхъ глаголовъ

1) Особенно удобно для опредѣленія — положеніе передъ i ($ogurci$, $potokci$ помочь и под.), если сравнить съ $\check{s}$ въ томъ же положеніи.

согласнаго сочетанія (дерутся, боятся и под.), я сильно колебался во все время моихъ наблюденій. Часто, повидимому, то *t*, которымъ начинается сочетаніе, образовано не дорсально, не мягко, по крайней мѣрѣ не съ полно развитою дорсальностью; въ такихъ случаяхъ обозначеніе «*ts*» лучше передаетъ характеръ сочетанія (*dörútsö* дерутся; транскрипція передаетъ медленное произношеніе; обѣ -*ö*: -*e* ср. § 13; *bojátsé* боятся, гдѣ впрочемъ вполне развитое *á* по § 13 какъ будто указываетъ, что слѣдуетъ «мягкая» согласная). Между тѣмъ, и тамъ гдѣ слышалось такое *t*, которое по образованію какъ будто не соглашалось съ слѣдующимъ *š*, нельзя было постоянно находить слогораздѣленіе между *t* и *š*, что бы весьма упростило дѣло. Слогъ передъ сочетаніемъ кончался «*schwach geschnitten*», какъ выражается Сиверсъ (см. 589 сл.), т. е. при уже ослабленной силѣ выдыханія въ гласной, а звукъ *t*, если и не постоянно, то пожалуй чаще переходилъ къ слѣдующему слогу. Понятно, что согласное сочетаніе тогда легко сливается и переходитъ въ обыкновенное *ś*; какъ таковое я и часто склонялся передавать его. Стою въ этомъ вопросѣ безъ полнаго, окончательнаго рѣшенія; то же самое нужно сказать и о извѣстныхъ числительныхъ формахъ, вроде «двадцать» и под.

Существуетъ въ говорѣ повидимому и сочетаніе корональнаго *t* съ слѣдующимъ *š* (объ этомъ звукѣ ниже), различное отъ (твердаго) «*č*». Такое сочетаніе отмѣчено въ Их. *młátšöj* младшій (обѣ *ö* ср. ниже, и къ тому § 13); въ этой формѣ мнѣ иногда казалось, что а имѣетъ качество «*scharf geschnitten*», ср. выше; но во всякомъ случаѣ, это не было постоянное произношеніе, а въ другихъ словахъ съ подобнымъ согласнымъ сочетаніемъ, *łútše* (или *łútšə*, ср. ниже о *š*) лучше, *łútšöj*, *kabátšyk* гласная передъ *t* не отличалась отъ обыкновеннаго, «*schwach geschnitten*», произношенія гласныхъ, съ обыкновеннымъ ихъ по § 3 извѣстнымъ удлиненіемъ подъ удареніемъ. — И въ этомъ сочетаніи *t*, конечно, подпадаетъ подъ вліяніе слѣдующей артикуляціи; именно, сильно оттянутый въ *š* конецъ языка заставляеть артикуляцію *t*

оттянуться назадъ отъ зубовъ; образованіе его, поэтому, становится альвеолярнымъ или даже церебральнымъ: *t*; ср. то же самое развитіе въ сочетаніяхъ «*štš*», «*ždž*», о которыхъ ниже. А это приближеніе артикуляціи *t* къ артикуляціи *š*, конечно, нѣсколько стираетъ границу между сочетаніемъ *t* + *š* и «твердымъ» *š*.

Вниманіа заслуживаетъ еще развитіе *ś* передъ *n*: *potsvíšník* подсвѣчникъ. Какъ видно, элементъ *t* здѣсь потерянъ, ср. часто въ образованномъ русскомъ; остающійся шипящій элементъ тогда отходитъ къ заднимъ образованіямъ, ср. ниже о *š*, *ž*; хотя подъ вліяніемъ мягкаго *ń*, его артикуляція идетъ нѣсколько впередъ отъ обыкновеннаго¹⁾.

Перейдемъ къ шипящимъ *š* и *ž*. Насчетъ природы образованія этихъ звуковъ, о которомъ какъ извѣстно мнѣнія до сихъ поръ не вполне ясны, надѣюсь высказаться подробнѣе при другомъ случаѣ. Исходя отъ изложенія датскаго фонетика Йесперсенъ (*Otto Jespersen, Fonetik, Копенгагенъ 1897—99, 207 сл.*), здѣсь только замѣчу, что московское произношеніе знаетъ, какъ извѣстно, переднія, «мягкія» шипящія въ *щ*, заднія, «твердыя», въ *ш*, *ж*. Шипящія *š*, *ž* описываемаго говора принадлежатъ также къ заднимъ («твердымъ»), что весьма ясно слышно.

Такое заднее положеніе языка легко дѣйствуетъ и на окружающіе звуки. Такъ, уже выше упомянуто, какъ предшествующее *t*, напр. въ *kabátšyk*, склоняется къ церебральной артикуляціи (*t*). То же самое отмѣчено для *d* послѣ *ž* въ формахъ глагола *ždu*, *жду*. Особенно интересны формы, гдѣ послѣ этого *d* слѣдуетъ *e* или *i*, передъ которыми палатализація, съ своей стороны, старается вызвать дорсально образованное *d*. Въ такихъ случаяхъ два артикуляціонныхъ принципа явно борются: оттягиваніе *d* въ *č* затрудняетъ дорсальное образованіе; послѣднее становится слабымъ и развивается только около самаго конца языка; оно звучало по этому очень неполно, хотя о его существо-

1) Ср. передвиженіе *ш* въ образованномъ русскомъ, напр. въ «здѣшній».

ваніи можно было убѣдиться по существующему слабому переходному звуку къ слѣдующему о (ср. § 12, о палатализаци): «žďoš» ждешь. А въ повелительномъ наклоненіи дѣйствіе ž протравляется сквозь этотъ отгѣнокъ звука d и на слѣдующую гласную, которая оттягивается отъ i назадъ въ область среднихъ (palato-gutturale) гласныхъ, какъ и i непосредственно послѣ š, ž; получилось такимъ образомъ «žďý», мн. «žďýte», со слабой палатализацией въ церебральномъ ḍ.

Непосредственно послѣ š, ž находимъ только у, т. е. гласную среднего ряда, вмѣсто стараго i. Въ § 1 я указалъ, что такое у въ твердомъ слогѣ принадлежитъ къ заднимъ отгѣнкамъ этой гласной; отмѣченные единичные случаи передняго отгѣнка у въ этомъ положеніи, напр. повел. ržу (ржи, ржать), мнѣ остаются необъяснимыми¹⁾. у послѣ š и ž весьма частое явленіе; напр. повел. rokažú, vážú, ližу и др.; zarašýli зарѣшили и мн. др. О движеніи звука въ слогахъ неударяемыхъ указываю на сказанное въ § 2 по поводу примѣра vyšyto вышито. — Въ связи съ этимъ явленіемъ стоитъ обратить вниманіе на дат. мѣст. слова dušá, душа, гдѣ аналогія, раньше или позже, ввела представителя стараго ě; о нормальномъ произношеніи этого въ ударяемомъ слогѣ, а особенно въ открытомъ концѣ слова, указываю на § 4. Послѣ š выпло здѣсь результатомъ произношеніе, которое ближе всего можно передавать «dušýě» — какъ ни объяснить переходныя ступени, черезъ посредство -ěě ли или черезъ -iě; см. опять § 4. Ср. напротивъ ту же самую форму слова ofśá овца: «ofśiě» или, м. б., лучше всего «-śěě».

И на слѣдующее е, š и ž имѣютъ вѣроятно оттягивающее немного назадъ вліяніе. Однако, болѣе сильный слѣдъ оставляетъ здѣсь другое свойство артикуляціи этихъ шипящихъ, а именно сопровождающее ихъ употребленіе губъ. Касательно степени этой лабиализаціи, я пробовалъ составить себѣ понятіе по

1) Позволительно, можетъ быть, думать объ аналогичномъ дѣйствіи со стороны обыкновеннаго окончанія этой же формы, -i.

мощью наблюденія надъ звуками š, ž въ положеніи передъ лабиализованными гласными. Удобный случай былъ примѣръ какъ řešóta рѣшета; можно было въ немъ отмѣтить, какъ степень лабиализаціи ослаблялась немного, т. е. губы чуть чуть открывались при переходѣ отъ š къ слѣдующему о; значить, звуку š свойственна повидимому сильнѣйшая лабиализація, чѣмъ гласной о¹). Съ другой стороны, мнѣ казалось, будто лабиализація ударяемаго и (у) сильнѣе š, хотя объ этомъ нужно высказаться съ осторожностью; вѣдь рѣчь идетъ о слабыхъ отступленіяхъ, не поддающихся постоянно точному рѣшенію. Свойственная звукамъ š и ž лабиализація дѣйствуетъ до извѣстной степени и на другія гласныя, не только на е; слѣдъ ея замѣчается, такимъ образомъ, и въ слѣдующемъ за š, ž звукѣ у; но она не вызываетъ въ немъ акустическаго впечатлѣнія новой гласной, различной отъ первоначальной у. Лишь на е лабиализація названныхъ шипящихъ дѣйствуетъ болѣе сильнымъ образомъ. Подъ вліяніемъ ея е приближается къ «ö», гласной передняго ряда средней (ср. е), съ лабиализаціей. Такое приближеніе, но безъ полного перехода, отмѣчено, напр., въ žeksí жечь, въ двухъ послѣднихъ слогахъ слова tažélše, тяжелѣе. Гласная понятно остается ненапряженной (wide), ср. характеръ самага е. Болѣе полный переходъ видимъ уже въ первой части гласной числительнаго шесть, точная передача котораго дала бы приблизительно «šöśš»; ср. соответствующее собирательное, которое звучало скорѣе «šöéstero», гдѣ лабиализація дѣйствуетъ опять на первую, а въ этомъ случаѣ слабѣйшую (и кратчайшую) часть. Случай полного перехода въ ударяемомъ слогѣ видимъ вѣроятно въ род. мн. «vožďžój» (vožďžá возжа), гдѣ врядъ ли возможно объяснить ö изъ о.

Въ слогахъ послѣ ударяемаго, ослабленныхъ вообще по артикуляціи, какъ мы припоминаемъ изъ § 2, лабиализирующее дѣйствіе š, ž на е нерѣдко дѣлается почти что незамѣтнымъ. Въ такомъ положеніи я часто склонялся писать скорѣе «-šə», «-žə»,

1) Ср. однакожъ замѣтки о лабиализаціи въ § 14.

обозначая перевернутымъ е не столько лабиализованную, сколько оттянутую назадъ, въ средній рядъ, ослабленную гласную артикуляцію, которую можно сравнить съ неударяемымъ нѣмецкимъ е, напр., въ Gabe.

Воротясь къ раньше описаннымъ оттѣнкамъ, приближающимся къ «ö», я получилъ вообще впечатлѣніе, что, чѣмъ яснѣе произношеніе, тѣмъ менѣе выступала, повидимому, лабиализація. Поэтому, если и можемъ объяснить безъ затрудненія неударяемое ö, какъ въ «šöždešát» шестьдесятъ, изъ сопровождающей š лабиализаціи, и хотя форма вродѣ выше названнаго voždžój заставляетъ пользоваться тѣмъ же объясненіемъ, за то изслѣдователь въ формахъ какъ «žöjé» склоняется невольно искать объясненія ö инымъ путемъ, изъ о, явленіе, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Прим. При упомянутомъ выше произношеніи слова шесть, особое вниманіе возбуждаетъ слово шесть («коль»). Оно отмѣчено въ формѣ «šyys», гдѣ первая (сильнѣйшая) часть имѣла напряженное, какъ обыкновенно, у (ср. § 1), а вторая ненапряженное, приближающееся сильно къ «ъ», см. § 2. Можетъ быть, судя по одной отмѣткѣ, надо понимать форму какъ «ššys», съ двунапорнымъ удареніемъ (ср. особенно въ § 10). Не умѣю объяснить себѣ этотъ случай, представляющій какъ будто стяженіе или же результатъ старшаго i или f.

— Уже выше мы касались бѣгло вопроса о гласной о въ положеніи послѣ š, ž. Я отмѣтилъ, что, судя по извѣстнымъ наблюденіямъ, имѣемъ извѣстное основаніе заключить, что степень лабиализаціи š, ž сама собой сильнѣе лабиализаціи свойственной гласной о. Но, и въ сочетаніи šo, žo нерѣдко наблюдается произношеніе «ö»; напр. mlátšöj. Что такое произношеніе не объясняется вліяніемъ лабиализаціи, свойственной š, ž, это разумѣется по вышесказанному само собой. Сопоставляя взаимное отношеніе артикуляцій, скорѣе приходимъ къ заключенію, что

это явленіе нужно связать съ упомянутыми въ § 13 фактами: движеніе гласныхъ задняго ряда впередъ, въ болѣе палатальную артикуляцію, подъ вліяніемъ предшествующей передненёбной согласной, особенно сильное тамъ, гдѣ и за гласною слѣдуетъ согласная подобнаго, передняго образованія. Указываю на названный параграфъ.

— Остается еще сказать объ артикуляціи «щ»; ср. Программу для собиранія и т. д. § 123. Находимъ въ описываемомъ говорѣ какъ представителя «щ» сочетаніе, отдѣльныя части котораго — во-первыхъ *š* (задняго образованія, см. выше), потомъ супрадентальное, или можетъ быть лучше церебральное *t*, къ которому опять присоединяется (заднее) *š*; значить «*š* + *t* + *š*», что можно передать «*štš*» — или далѣе, болѣе удобно для транскрипціи, *šč*. Образованное такимъ образомъ звуковое сочетаніе, съ голосовою параллелью *ždž*, въ артикуляціонномъ отношеніи соединяется вполне съ упомянутой выше категоріей *š, ž*; послѣ него находимъ *y*, не *i*: *ščyрат* щипать и пр.; ему свойственна та же самая лабиализація, ср. транскрипціи вродѣ «*ščöerki*», щепки; упомянутый выше, не вполне ясный переходъ *o* въ *ö* послѣ *š, ž* выступаетъ и здѣсь, ср. вѣроятно 2. л. ед. *rošöšöš* отъ *rošokát*.

Эти звуковыя сочетанія между тѣмъ часто, слѣдуетъ даже, можетъ быть, сказать правильно, подвергаются редукціи, которая является въ двухъ видахъ. Первый видъ состоитъ въ томъ, что редуцируется вторая шипящая, которая остается какъ сокращенный, переходный звукъ. Это отмѣчено во многихъ случаяхъ; напр. — обозначаю редуцированную шипящую уменьшеннымъ знакомъ — «*eštšö*» еще (ср. при томъ *eščé-by*), «*doñíštšö*», «*proštšú*» прощу, повел. «*roištšý*» поищи, 2. ед. «*xlóštšoš*» (хлестать), «*tóuštšö*» толще; такъ, при полномъ *ščö*, что, иногда и «*štšö*»; въ неударяемомъ положеніи притомъ чистое *što*¹⁾. О послѣдней

1) Въ Их. или ясное *ščö*, безъ редукціи, или «*š'ö*» или, наконецъ, «*štö-žö*». Последнія формы, какъ видимъ, своею мягкостью и связаннымъ съ нею переднимъ образованіемъ звука *t* различаются существенно отъ вышеназванныхъ.

формѣ не знаю, считать ли ее параллелью старшаго происхожденія или же дальнѣйшимъ развитіемъ упоминаемой редукціи, съ полнымъ отпаденіемъ шипящей. Я склоненъ придерживаться перваго объясненія; хотя изрѣдка редукція достигаетъ такой степени, что склонялся писать просто «šť» (напр. въ prošťájte, и не только въ Паньковѣ, но и у крестьянъ всей окрестности Шуйскаго), но за полное, рѣшительное исчезновеніе редуцированного š однакожъ не осмѣливаюсь ручаться. Какъ примѣры соотвѣтствующей редукціи ѣ укажу на «voždžá» возжа, множ. ч. «vóždžu», «nježdžát» уѣзжать, «roždžáj» поѣзжай. — Небезынтересно добавить, насчетъ раздѣленія слоговъ, между которыми стоитъ сочетаніе šč, ždž (ср. въ § 3 и прим. въ § 15), что по моимъ наблюденіямъ первое š, ž примыкало обыкновенно къ предшествующему слогу; иначе однако въ «točšťě» толще, гдѣ слабѣйшая точка выдыханія была между ч и š: toč-šče.

Второй видъ редукціи поражаетъ t, d внутри этихъ сочетаній. Говоръ выказывалъ въ этомъ видѣ редукціи разныя степени развитія: t, d остаются въ полномъ образованіи—t, d начинаютъ исчезать, запираніе еще имѣется, но въ неполномъ видѣ (у меня [t], [d])—t, d уже исчезли какъ самостоятельныя артикуляціи, но какъ слѣдъ запиранія остается нѣсколько болѣе узко образованное š, ž между двумя исконными—а наконецъ можетъ исчезать и это суженіе, причемъ только особый напоръ выдыханія во второмъ š, ž этихъ сочетаній, т. е. слогораздѣленіе внутри долгой согласной (ср. § 7), мѣшаетъ полному слитію двухъ однородныхъ шипящихъ въ одну. Между этимъ видомъ редукціи и раньше упомянутымъ нѣтъ границы. Встрѣчаемъ и тотъ и другой въ одномъ и томъ же словѣ. Такъ, при названномъ «domíšťo» видимъ также «domíšť[t]šo»; далѣе напр. «prošť[t]šáju», «opuš[t]šáju» опускалъ, «jéž[d]žu», «obryž[d]žu» при «obryždžu» отъ brýzgať. Какъ сказано, запираніе внутри сочетанія можетъ исчезать совершенно, такъ что остаются только два однородныхъ шипящихъ, послѣдняя съ особымъ напоромъ выдыханія; такимъ образомъ, между двумя слогами, выходятъ дѣйствительныя «gemi-

nata», удвоенныя согласныя, о природѣ которыхъ была уже рѣчь въ § 7, по поводу «долгихъ» согласныхъ другого происхожденія; напр. 3. ед. «utaš-šyt», «kládbiš-še», «véš-šu» вещи. Но и въ началѣ слова видимъ такое двойное š, напр. въ «š-šúki» шуки. А если второй напоръ выдыханія исчезаетъ, что легко случается, напр., въ концѣ слова: «véš» вещь, то остается, какъ видно изъ послѣдней передачи, долгое š (ž). Можно ли помощью сокращенія этихъ собственно долгихъ длительныхъ объяснить формы какъ «loš» лещъ и «továřiš» товарищъ? И объясняетъ ли намъ то же явленіе š формы «vooršy» вообще?¹⁾

§ 9. Отношеніе ĭ:ц. Объ артикуляціи звука ĭ и физиологической причинѣ его перехода въ ц указываю на § 7. Такой переходъ наблюдается въ описываемомъ говорѣ, въ концѣ слога послѣ гласной. Напр. оп мац онъ малъ, но опá маlá, мѣц мѣлъ, бѣц бѣла и такъ конечно вообще въ прош. вр., Их. рѣрец пенель; внутри слова напр. odná mólíní[i]e, молнія (объ -е см. § 13). Между тѣмъ, ц вовсе не встрѣчается постоянно въ упомянутомъ положеніи. Насколько говоръ раньше имѣлъ его правильно, что очень возможно, мы теперь не въ состояніи рѣшить; а въ настоящее время видимъ полную смѣсь ĭ съ ц. При выше названной формѣ для «молнія» видимъ также mólíníjā, ср. произношеніе образованнаго русскаго; при ucíuce (-šö) видимъ ucíšö; а въ иныхъ формахъ у меня отмѣчено и только ĭ: roĭnomóšnoj полномочный, otáĭkivat, moĭcét молчать, bēĭka, mēĭko, mēĭka, bestoĭkovaĭa, žoĭs род. žoĭsti (желчь, чужое?), kōĭ колъ (такъ и въ Паньк. и въ Их.) и др.

Такъ какъ ĭ и ц по звуку довольно близки, то конечно не исключено, что я изрѣдка отмѣтилъ ĭ вмѣсто ц «по старой привычкѣ»; но что первое дѣйствительно очень часто встрѣчается на

1) Послѣдняя гласная этого слова заставила колебаться; частью она отмѣчена какъ у, что указало бы на «вообщи», а частью какъ «ö» или «ə», что указываетъ на «ще».

мѣстѣ ожидаемаго *ц*, это безсомнѣнно. Я раньше сказалъ, что не можемъ теперь окончательно рѣшить, насколько замѣщеніе черезъ *ц* было раньше постояннымъ правиломъ. Есть однако указанія въ этомъ направленіи. Въ формѣ муж. р. прошедшаго времени, гдѣ находимъ, напр., и *црац* и *црацѣ*, *рцац* и *рцацѣ* и т. д., нужно считать *ц* младшимъ; а такъ вѣроятно и въ другихъ случаяхъ, какъ напр. *мѣцѣ* при выше назв. *мѣцѣ* и под. Я по крайней мѣрѣ остался при убѣжденіи, что возстановленіе *ц*—явленіе совсѣмъ позднее.

Объясненія можно, конечно, для многихъ случаевъ искать въ вліяніи окружающихъ формъ съ правильно сохраняемымъ *ц*; такъ, напр., въ прош. времени, или въ прилагательныхъ вродѣ *цац*—*цацѣ* и под. А у меня осталось изложенное въ § 16 впечатлѣніе, что переходъ совершается подъ вліяніемъ столичнаго и образованнаго произношенія, съ которымъ говоръ имѣетъ много и прямыхъ и косвенныхъ связей.

§ 10. Отношеніе *ц:цѣ*; [*цѣ*] и испаденіе *ц* между гласными. Объ артикуляціонномъ отношеніи между длительной согласной *ц* и употребляемой какъ согласная гласною *и*, «*цѣ*», могу указать на то, что раньше писалъ, особенно на Сборникъ статей, посвящ. Ф. Фортунатову, 1902, стр. 134 сл. Между ясно различными конечными точками лежитъ безконечный рядъ вариантовъ, такъ что нельзя говорить о дѣйствительной границѣ. Что понимать какъ «*цѣ*», а что какъ «*цѣ*», поэтому легко переходить къ субъективному рѣшенію, если нарѣчіе не развило отдѣльных другъ отъ друга, сознательныхъ категорій. А этого нѣтъ въ описываемомъ говорѣ, какъ и во всѣхъ тѣхъ славянскихъ говорахъ, надъ которыми до сихъ поръ сдѣлалъ наблюденія.

Что безсомнѣнная длительная согласная *цѣ*, съ ясно слышимымъ свойственнымъ ей «трениемъ» выдыханія, встрѣчается въ говорѣ, я устанавливалъ не разъ. Такъ, чтобы привести нѣсколько примѣровъ, въ формахъ ихъ, имъ часто слышалось «*цѣхъ*», «*цѣмъ*»; тоже самое послѣ предлога, напр. «*s-цѣмъ*» съ нимъ,

«k-jim», ср. съ другой стороны «k-ǰōmú» къ нему. Далѣе, напр., въ глагольной формѣ (u)-jǰdōt (-ǰet) уѣдетъ, передъ *i* узкимъ, ср. § 1. Часто слышится, по всей окрестности, «tojǰ» мои. Передъ *i*, особенно передъ ударяемымъ, которое по § 1 нужно вообще характеризовать какъ напряженное, мы и склонны ожидать произношенія *j*; именно, чтобы получить впечатлѣніе *j* или *ǰ* передъ гласною, нужно, чтобы передъ нею имѣлась артикуляція болѣе узкая чѣмъ артикуляція самой гласной; а артикуляція, болѣе узкая чѣмъ напряженное *i*, уже сама собою обуславливаетъ положеніе языка, особенно удобное чтобы вызывать собственное *j* «трѣніе» выдыханія. Такое объясненіе по крайней мѣрѣ очень привлекательно при разсмотрѣніи отношенія jǰdōš ѣдешъ: jǰdu ѣду. Однако, и въ положеніи передъ *i* не встрѣчаемъ постоянного *j*. Такъ, въ упомянутыхъ мѣстоименныхъ формахъ часто приходилось передавать произношеніе «ǰich», «ǰim»¹⁾.

А если нарѣчіе колеблется даже передъ ударяемымъ *i*, то, весьма естественно, еще менѣе можемъ ждать постоянного *j* въ другихъ положеніяхъ. И въ такихъ встрѣчается *j*; но слѣдовъ опредѣленнаго правила я не нашелъ, и приходится вѣроятно заключить, что зависитъ чаще всего отъ энергіи артикуляціи или выдыханія, какой выходитъ результатъ, *j* или *ǰ*. Такъ, отъ трехъ параллельно спрягаемыхъ глаголовъ lit, vit, rit, я отмѣтилъ 1. л. ед. ч. какъ «lǰu», «vǰu» — но «rǰu»; «ель» передано то «ǰel», то «jel». А къ формамъ, относительно которыхъ наблюдатель не колебался, добавляются случаи, при которыхъ изслѣдователь не знаетъ, что собственно предпочитать; такіе отмѣчены, напр., въ имени «ǰogóǰej» («ближе, пожалуй, j-»), въ прилагательномъ óǰǰo осье, въ вин. svínǰú и др.

Между тѣмъ, не трудно было установить, что безусловно

1) Когда объ «имя» нарочно отмѣчено, что произносится «ǰimó», безъ *j*, но такъ, что передъ *i* слышится слабое суженіе въ артикуляціи языка, то это явленіе вѣроятно правильнѣе связывается со сказаннымъ о словѣ «этотъ» въ § 15.

чаще говоръ употреблялъ вообще *ĭ*, безъ упомянутого согласнаго «трения»; этотъ знакъ поэтому и слѣдуетъ, по типографическимъ соображеніямъ, провести въ дальнѣйшемъ описаніи, указывая на данное въ настоящемъ параграфѣ объясненіе. Особенно ясно выступаетъ «гласный» характеръ артикуляціи въ положеніи послѣ согласной, въ словахъ какъ *rodĭázok*, родъ рыбы; произношеніе здѣсь сильно манило писать «*rodĭázok*», но отсутствіе особаго выдыхательнаго «напора» указало, что гласную артикуляцію *i* не слѣдуетъ считать особымъ слогомъ.

Прим. Такимъ же образомъ и мн. ч. *сїі*, чьи, производить впечатлѣніе «*сїі*». А еще далѣе это развитіе повидимому ведетъ, напр., въ имени *Óĭja* Ольга; оно звучитъ какъ «*Óĭĭja*», но такъ, что краткая гласная *i* между *ĭ* и *ĭ*, насколько я могъ установить, произносится подъ тѣмъ же напоромъ выдыханія какъ предыдущій слогъ. Вполнѣ рѣшительно, однако, не смѣю утверждать послѣднее; но что во всякомъ случаѣ нельзя говорить о постоянномъ новообразованіи слога при подобныхъ условіяхъ, это доказываетъ, напр., *odĕńje*, одонье, гдѣ *ĭ* отмѣчено за *ń* рѣшительно безъ переходной гласной *i*.

Не безъ интереса при опредѣленіи характера звука *ĭ* далѣе и положеніе его въ концѣ слова послѣ *i*, напр. въ именахъ *olekśi[ĭ]*, *timof'í[ĭ]*, *ondrí[ĭ]*: въ нихъ существующее при образованіи гласной *i* отверстіе между языкомъ и нѣбомъ не сдузилось послѣ *i* для новой, самостоятельной артикуляціи; выдыханіе продолжалось при томъ же самомъ положеніи артикулирующихъ частей, т. е. *ĭ* выражалось въ извѣстномъ удлиненіи гласной *i*, во время котораго выдыханіе, а съ нимъ и голосъ умирали; получалось приблизительно «*ondrí*» и под. Подобное явленіе наблюдаемъ при -ц[ц], см. § 11.

— Особаго разсмотрѣнія заслуживаетъ судьба *ĭ* между двумя гласными, такъ какъ нашъ говоръ здѣсь уже удалился сильно

отъ общеславянскаго положенія вещей, не развивши однако еще вполне послѣдовательныхъ результатовъ; степень развитія, до которой дошелъ говоръ, хорошо извѣстна и изъ другихъ нарѣчій Сѣверновеликорусскаго. Что значить собственно «междугласное *i* (*j*)», я уже разсмотрѣлъ въ упомянутой выше статейкѣ въ Фортунатовскомъ Сборникѣ. Чтобы достигнуть впечатлѣнія того, что называется популярно «*i*» между гласными, какъ тамъ указано, не нужно всегда, чтобы дѣйствительно существовала артикуляція *i*. Что первоначальное «*i*» напротивъ между двумя гласными часто выражается гораздо болѣе открытыми артикуляціями, это часто наблюдается въ описываемомъ говорѣ. Между двумя *a*, напр. въ срав. степ. *skoŕáda* скорѣе, въ жен. р. *sméŕaŕa* (*sméŕoŕi* смѣлый) и др., обозначеніе «-аа», повидимому, было бы вообще такъ же, если даже и не болѣе уместно. А и въ другихъ положеніяхъ, напр. въ формахъ наст. вр. *znáju*, *znájöt*, артикуляцію между двумя гласными часто слѣдуетъ характеризовать скорѣе какъ *e*; она поэтому и выступаетъ слабо въ отношеніи къ окружающимъ гласнымъ. Ср. далѣе напр. «*stoeát*» стоять, «*goŕúsaŕa séga*» горячая сѣра.

Этой редукціей въ степени закрытости гласной, употребляемой какъ согласная, вѣроятно и объясняется часто встрѣчающееся полное выпаденіе старшаго *i* между двумя гласными, изъ которыхъ ни та ни другая — *i*. Говоръ выказываетъ разные ступени этого развитія, которое наблюдается по всей окрестности Шуйскаго. Видимъ, напр., *zájes* заяцъ, гдѣ *i* еще имѣется, въ болѣе узкомъ или, чаще, въ болѣе открытомъ оттѣнкѣ; но при томъ и *záes*, гдѣ передъ *e* не имѣемъ болѣе той болѣе узкой артикуляціи, которая обозначала бы собою «*i*». Также, напр., *silnéja* и *-néa* сильнѣе; *boŕélis* и *boélis* боялись. Такія двойныя формы можемъ, не вызывая недоразумѣнія, отмѣчать тѣмъ же знакомъ [*i*], который употребляется и для иной цѣли (см. выше); напр. *tŕetjá[i]*а третья, *kaŕá[i]*а, *bo[i]élis*. Въ такихъ случаяхъ болѣе естественный и скорѣйшій темпъ выбрасываетъ «*i*»; элементъ *i* выступаетъ при болѣе медленной рѣчи, а въ формѣ, какъ

упомянутое только что «boǰéǵís», надо было признать его искусственнымъ, такъ какъ онъ выступалъ только при произношеніи слогъ за слогомъ. Еще яснѣе отражалась эта «искусственность», когда при особенно медленномъ, отчетливомъ произношеніи можно было слышать даже «bu-vá-jat» бываетъ: именно, послѣднее а обязано своимъ происхожденіемъ самому выпаденію первоначальнаго *i*; а несмотря на это нововведенное *i* оставляетъ его въ покоѣ.

Какъ увидимъ въ § 13 насчетъ отношенія 'o:'ö:'e, то произношеніе, которое выступаетъ при особенно медленномъ темпѣ, когда выговариваютъ слогъ за слогъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что слышится при скоромъ темпѣ, нужно признать какъ бы искусственно архаизирующимъ; но въ обоихъ случаяхъ оно имѣетъ, конечно, подпору въ реальной подкладкѣ, въ существующемъ лингвистическомъ принципѣ, такъ что выраженіе «искусственный» прощу не понимать въ какомъ либо особенномъ смыслѣ.

Нѣсколько иначе нужно, конечно, обсуждать то отношеніе въ говорѣ, что, напр., при *daǵú*, *daǵóš* находимъ *daetó* (наст. вр. глаг. давать), при *stoǵú* — *stoét* (стою — стоять); *roǵú*, *roǵóš*, *roǵút*, но 2 мн. *roetó*; *báǵu* — *báeš* (рѣже *báǵóš*); мн. *hožéeva* (hožéin хозяинъ), но род. *hožéǵof*; ср. далѣе *rtíca kakáa* (какая) съ *hogóǵinu kakúǵu*. Условія различія легко видны; не находимъ, напр., **moú* вм. *moǵú* или **daóš* вм. *daǵóš*; передъ гласными *u* и *o* *i* не выпадаетъ. Передъ *u* отмѣчено только одно исключеніе, и то передъ отгнкомъ *ú* (см. § 13), или лучше между двумя *ú*: *śínú[i]ú* синюю; иногда и въ *klúǵút* клюютъ *i* становилось слабымъ, такъ что форма склонялась къ *-úút*; но обыкновенно *i* здѣсь выступало ясно. Передъ полнымъ *o* я не имѣю примѣра потери *i*; но интересно въ этой связи, что по мѣрѣ того, какъ *o*, по § 13, приближалось подъ извѣстными условіями черезъ *ö* къ *e*, ослабѣвалась и артикуляція *i* передъ нимъ, а при полномъ переходѣ въ *e* и вовсе выпадала. Ср. выше *báǵóš*: *báeš* (баешь); далѣе, напр., «on vǵadǵ[i]öt zémǵu» онъ владѣетъ землей, а при скорѣйшемъ темпѣ и *vǵadǵet*; *zdéǵa[i]öm*. При слѣдую-

щемъ а, і можетъ исчезать, но только если а безъ ударенія: stojáцъ, а не *stoáцъ. Передъ е можно сказать, что і не только можетъ свободно исчезать, но въ практикѣ и вообще исчезаетъ.

Когда первоначальное междугласное і (j) уже исчезало, столкновение двухъ гласныхъ вызываетъ отчасти дальнѣйшія перемѣны; нашъ говоръ выказываетъ въ этомъ отношеніи разныя ступени развитія. Отчасти гласныя остаются безъ перемѣны, какъ два полныхъ слога, съ разными «напорами» выдыханія. Такъ въ извѣстныхъ случаяхъ, упомянутыхъ выше; далѣе напр. *ńeśáaño* нечаянно, *zaboráńivaeš*, *pńíca kakáa*, *teréetse* (-ce? см. § 8) теряется, *ńe uméet*, *řeřelezáem*, *buváet* бываетъ, *ostavíleet* оставляетъ, *ńe znáem*. Послѣ а, е легко уподобляется въ а: *buváat*, *vysyláat* и под. — Далѣе, двѣ тождественныхъ гласныхъ могутъ сливаться въ одинъ слогъ. Получается тогда, конечно, собственно долгота. Если эта не носитъ ударенія слова, то она отчасти сохраняется: *tolkóveńkā* толковенькая (см. § 12), *tvořínā žemlá* («*tvořilo* — земля, гдѣ домъ построенъ»), *porobótāš*¹⁾ поработаешь; но она можетъ и исчезать, такъ что трудно было ее подмѣтить (это отмѣчено напр. въ *zaboráńivāš*, ср. выше), или даже совершенно (напр. *robótat*¹⁾ при -*tađöt*). Если же первая изъ гласныхъ ударяема, то вторая сама собою подчиняется ей по силѣ выдыханія, такъ что переходъ отъ двухъ слоговъ съ отдѣльными, самостоятельными выдыхательными напорами въ одинъ слогъ, съ долгою гласною подъ «дву-напорнымъ» (*zwei-gipflig*) удареніемъ, не опредѣляется ясной границей; рѣшеніе, имѣемъ ли то или другое, въ сущности субъективное: чѣмъ сильнѣе второй напоръ въ отношеніи къ первому, тѣмъ ближе подходимъ къ двумъ самостоятельнымъ слогамъ, и обратно. Случаи, въ которыхъ двѣ гласныхъ оставались еще отдѣльными слогами, указаны выше. Какъ односложное, долгое и двунапорное а отмѣчено, напр., въ «*ńe znām*», «*vysylāt*», «*buvāt*» («а по *robôte*

1) Навѣрное описка вм. — *bōtaš*, ср. § 5; эти формы отмѣчены въ началѣ наблюдений, когда вопросъ о: ъ миѣ оставался еще неяснымъ.

ráužna, buvât f-tří časá; a úžna buvât vōšem časôf i v-d'évet časôf). Первая часть этого ударенія не только сильнѣе второй по выдыханію, но и выше ея по тону. — Между тѣмъ, второй напоръ («zweiter Gipfel») этого ударенія, повидимому, склоняется къ ослабленію; въ такомъ случаѣ произношеніе часто сильно напоминало сербское ъ, нерѣдко по моему становилось просто тождественнымъ съ нимъ, такъ чтобы можно было писать «eto buvât», «my šitâm» считаемъ, «zad'ovât» при -vâet, задѣваетъ и под. Движеніе тона въ такихъ случаяхъ совершенно параллельно съ сербскимъ, т. е. довольно ровно падающее. Существуетъ ли еще, въ вообще падающемъ по силѣ выдыханію, вторая «верхушка», второй, слабѣйшій напоръ, не осмѣливаюсь рѣшить общимъ правиломъ, такъ какъ самъ колебался; въ иныхъ случаяхъ второй напоръ по моему совершенно исчезаетъ, такъ что выдыханіе представляетъ непрерывное *decrecendo*; а въ другихъ не смѣю этого утверждать. Но, и это согласуется съ наблюденіями надъ сербскимъ ъ, если, напр., съ результатами экспериментальной фонетики у Gauthiot (*Étude sur les intonations serbes, Mémoires de la Soc. de Ling. de Paris, t. XI, p. 336 sv.*) сравнить замѣтки наблюдательнаго сербскаго уроженца Решетара въ *Archiv f. slav. Phil. XXIV* стр. 251 сл., по которымъ дву-напорное произношеніе сербскаго ъ едва-ли можно считать постояннымъ правиломъ, «особенно не при спокойной, не громкой рѣчи.»¹⁾ — Если же второй напоръ выдыханія вполнѣ исчезаетъ, единственнымъ слѣдомъ слитія двухъ гласныхъ остается извѣстная долгота. Можемъ наконецъ добавить, что въ единичныхъ случаяхъ и эта долгота исчезаетъ, несмотря на положеніе подъ удареніемъ; въ бѣглой рѣчи отмѣчено, напр., «ne znám, kakóĭ...», съ такимъ же

1) Я, конечно, не осмѣливаюсь считать свое ухо достойнымъ соперникомъ съ регистрирующими аппаратами Rousselot. Однакожь можно скромнымъ образомъ, безъ обиды никому, примкнуть къ высказанному Решетаромъ мнѣнію; оно согласуется съ моими наблюденіями. Небезынтересно при томъ, что и такой тонкій наблюдатель, какъ мой землякъ Стормъ, какъ будто отмѣтилъ только одну выдыхательную верхушку. Во всякомъ случаѣ считаю пока рискованнымъ строить слишкомъ много на результатахъ Gauthiot.

произношеніемъ какъ, напр., «дамъ», при «znām», о которомъ выше.

Изъ обсужденія междугласнаго *ī* (*j*) я исключилъ пока случаи, гдѣ гласныя, между которыми имѣется «*j*», одна или обѣ—*i*. Именно, какъ указано подробно въ вышеназванной статейкѣ Фортунатовскаго Сборника, имѣемъ въ такихъ случаяхъ въ фонетическомъ отношеніи частью дѣло съ другими явленіями, чѣмъ когда «*j*» стоитъ между гласными не *i*.

Такъ, въ сочетаніи «*ija*», *ī* можетъ обозначать собою особенное суженіе, уже стоящаго передъ нимъ *i*; но впечатлѣніе «*j*» получается и безъ такого суженія, если слабѣйшая точка выдыханія лежитъ передъ окончаніемъ *i*-овой артикуляціи, такъ что частица *i* отрывается къ слѣдующему слогу. Последнее нужно считать нормой того «*j*», которое выступаетъ въ названномъ положеніи въ описываемомъ говорѣ, напр. въ *głuxíjō* глухіе, *stánu śíjet*.. сѣять, *gñijūt* гніють и мн. др. Незначительное передвиженіе въ выдыханіи, т. е. перемѣщеніе слоговой границы, здѣсь ведетъ отъ, напр., «*śíjet*» къ «*śíet*», безъ «*j*». Всюду можно было слышать и то и другое произношеніе бокъ о бокъ, а можно потому и колебаться, слѣдуетъ ли писать съ или безъ «*j*». Такіе двойные или сомнительные случаи, для которыхъ невозможно установить опредѣляющихъ границъ, обозначаются помощью [*j*]: *Kí[j]of*, *on vładī[j]ōt źémľu* владѣть землей, *rośí[j]ena* посѣяна и т. д. Мѣстоположеніе ударенія на второй изъ гласныхъ, повидимому, не развиваетъ другихъ или болѣе твердыхъ правилъ; видимъ *smíajúse* смѣялся при неопр. *smíjétsé* (-cé? см. § 8), *gñijūt* при *gñi[j]ót* гніеть¹⁾.

Если же вторая изъ гласныхъ—*i*, то существованіе «*j*» (*j*) между гласными, повидимому, нужно считать рѣдкимъ явленіемъ

1) За то можно спросить, не вліяетъ ли качество второй гласной на существованіе или несуществованіе «*j*». По краткому моему знакомству съ говоромъ, я во всякомъ случаѣ считалъ бы слогораздѣленіе въ родѣ **gñi-ut* или **śi-u*, безъ «*j*» какъ будто неестественнымъ, между тѣмъ какъ *smí-ajúse*, *gñi-ót* по выше сказанному даются весьма естественно. Ср. обѣ *j* въ положеніи между гласными не *i*.

Обыкновенно видимъ, напр., *stoiš* стоишь, *dvoix*, *dvoim*, *doiť*, *poiť*, *strôit*, *he stôit* не стоить; *pojú*, но *poroiš*, *dvoit* — *výdvoit*, *udváivat*, *moi*, *moix*. Однако, существуетъ и произношеніе съ яснымъ *ĭ* (*j*); уже выше указано на *mojí*, которое при *moi* нетрудно было выхватить въ спокойной, болѣе медленной рѣчи изъ произношенія окружающихъ Шуйское деревень; ср. далѣе форму какъ *obôji* обои. Въ такомъ положеніи рѣчи идетъ, конечно, только объ *ĭ* (*j*), образованномъ дѣйствительнымъ артикуляціоннымъ сгуженіемъ; иначе не могли бы его здѣсь объяснить. И въ такомъ положеніи можно найти двойныя формы какъ *rodoiĭa* подоила при *-ĭĭa*; въ транскрипціи это указано черезъ *-[ĭ]ĭa*; такъ и *mo[i]im*.

Прим. 2. Въ этой связи могу указать на форму *šecás* сейчасъ, при болѣе рѣдкомъ *šeĭcás*.

§ 11. Согласная *v* въ отношеніи къ *w* и *ц*; знакъ [ц]. Артикуляція чистой губно-губной длительной «*w*», какъ извѣстно, ясно различается отъ употребляемой какъ согласная гласной *u* («*ц*»). Однакожъ, и между ними трудно возстановить рѣзкую физиологическую границу. Переходъ посредствуется безъ яснаго перерыва или прыжка.

Далѣе, чистая губно-губная длительная «*w*» ясно различается по артикуляціи отъ чистой губно-зубной длительной «*v*», при которой свойственное длительнымъ «трение» выдыханія производится между нижней губой и верхними зубами, безъ активнаго участія верхней губы. Однако, и здѣсь нельзя сказать, чтобы переходъ *w* > *v* или обратно произошелъ непременно яснымъ «прыжкомъ» въ фонетическомъ отношеніи; участие со стороны верхней губы имѣетъ возможность отгѣняться до безконечнаго.

Итакъ, конечныя точки этого звукового ряда, *v* — (*w*) — *ц*, нетрудно различать другъ отъ друга ни для какого наблюдателя; а иначе съ тѣмъ рядомъ отгѣнковъ, который лежитъ между

этими точками въ непрерываемой артикуляціонной цѣпи, но который для описываемаго говора менѣе важенъ.

Именно, въ Паньковскомъ говорѣ, какъ и насколько я наблюдалъ, въ окружающихъ, встрѣчаемъ, съ одной стороны развитое изъ *ɨ* въ концѣ слога ясное *ɥ* (ср. § 9), а съ другой стороны ясную губно-зубную длительную согласную *v*, переходящую при потерѣ голоса въ также безсомнѣнное губно-зубное *f*.

Попадались однако случаи губной длительной, въ которыхъ я или колебался, не содѣйствуетъ ли верхняя губа активнымъ образомъ, или же узнавалъ дѣйствительное «w». Они немногочисленны. Они притомъ отмѣчены при обыкновенномъ *v* (напр. «sowóɥ» и sowóɥ, совой, «dégewo» и -vo, nézwánoɥ и -wa- и др.), такъ что не можемъ говорить о грамматическомъ правилѣ. Не смотря на это считаю не лишнимъ рассмотреть это явленіе. Отмѣтимъ, во первыхъ, что передъ звуками *e* и *i* въ моемъ матеріалѣ встрѣчаемъ только *v*, часто съ особымъ подчеркиваніемъ его чисто губно-зубнаго характера: ovdoóvɥ, -véɥa, vdoóvɥ, síver s'éverъ и мн. др.; единственное замѣченное исключеніе — пов. «zowí» при zoví. Передъ *a* склонность къ употребленію верхней губы уже иногда выступала («nézwánoɥ», «vdowá», «kogowáɥ», «sowá»), однако чаще въ слабой степени, такъ что наблюдатель оставался въ сомнѣніи, писать ли лучше *v* или *w* (такъ, напр., въ íva, čerkvám, čerkváx, travá, род. dóbrova, xudóva и др.). Но чаще всего, повидимому, и при томъ въ самой развитой формѣ склонность выступала передъ гласными *o*, *u* и *y* (rozgowóɥ, sowú — sowú — sowóɥ, vdowú — vdowóɥ, zowút и др.).

Последняя черта дѣлаетъ вѣроятнымъ, что склонность къ развитію *w* стоитъ въ связи съ извѣстной лабиализаціей, переданной отъ слѣдующей гласной; что дѣйствуетъ такимъ образомъ и *y* (ы), согласовалось бы съ мнѣніями, высказанными Свитомъ о московскомъ, ср. его выше названную статью, стр. 550, въ отдѣлѣ «Rounding». Но это объясненіе одно недостаточно; оно бы не объясняло, что попадаетъ «w», полное или приближительное, и передъ *a*; при томъ, въ случаѣ какъ dvóɥ дворъ, при

отчетливомъ произношеніи¹⁾ можно было наблюдать, что лабиализація, даже сильная степень ея, можетъ переходить на *v*, не измѣняя его въ *w*, т. е. не уничтожая свойственное настоящему *v* «трение» выдыханія «губно-зубное». Добавимъ еще, что въ началѣ слова встрѣчалось постоянно ясное *v*, все равно передъ какою гласною.

Наблюденія мои притомъ выставляютъ другой моментъ какъ главный при переходѣ *v* въ *w*: переходъ повидимому связанъ съ вообще болѣе слабымъ или лѣнивымъ произношеніемъ и артикуляціей. При отчетливомъ выговорѣ онъ вовсе не встрѣчался, или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко, такъ что невозможно говорить о «склонности». Въ менѣе отчетливомъ произношеніи склонность развивалась, и находила тогда, можетъ быть, естественную подпору въ лабиализаціи, существующей повидимому передъ извѣстными гласными говора.

— Звукъ *ɕ* въ нашемъ говорѣ встрѣчается только въ концѣ слога. Особый интересъ имѣетъ *ɕ* въ концѣ слова послѣ гласной *u*. «*ɕ*» здѣсь, какъ и *-i* послѣ *i*, можетъ выступать въ двухъ видахъ. Или оно имѣетъ артикуляцію, нѣсколько уже предшествующаго *u*, т. е. обозначаетъ собой самостоятельную, новую артикуляцію; или же оно обозначаетъ собой только продолженіе имѣющейся ужъ въ предшествующемъ *u* артикуляціи, т. е. придаетъ этому *u* извѣстное удлинненіе. Первое отмѣчено, напр., въ *dośuɕ* дочуль, *taɕuɕ*; второе, напр., въ *žabnu[ɕ]*, *rogiɕnu[ɕ]*, *rodviɕnu[ɕ]*. Последнее произношеніе, повидимому, легче развивается въ слогѣ неударяемомъ; однако форма какъ *du[ɕ]* дуль, при *duɕ*, показываетъ, что такая артикуляція не чужда и ударяемому положенію. Повторяю, что *ɕ*, исчезая какъ самостоятельная артикуляція, придавало предшествующему *u* извѣстную долготу; вмѣсто «*du[ɕ]*» поэтому было бы можно писать и «*dū*», съ однопорной, по силѣ падающей долготой; а первое обозначеніе по моему практичнѣе.

1) Насчетъ лабиализаціи *ɕ* и связанныхъ съ ней разсужденій см. § 5 и § 14.

§ 12. Моменты къ палатализаци. О разномъ видоизмѣненіи разныхъ согласныхъ артикуляцій подѣ влияніемъ палатализаци, можно указать на разныя работы; см. Sievers, *Phonetik*, 5. Ausg. P. 185 сл.; русскимъ легко доступно разсмотрѣніе Богородицкаго въ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку, Казань 1901, стр. 40 сл. Согласныя «мягкія» по своему отношенію къ соотвѣствующимъ «твердымъ» распадаются на группы. Въ одной, палатальная артикуляція языка можетъ присоединяться къ артикуляціи, сохраняемой въ остальномъ неизмѣненной (губныя); въ другой, артикуляція языка измѣнена отъ соотвѣствующей «твердой» (ср. напр. н: нь; это «зубныя» въ болѣе широкомъ смыслѣ слова); а въ третьей, наконецъ, образъ артикуляціи остается вообще неизмѣненнымъ отъ артикуляціи «твердыхъ», но мѣсто артикуляціи дѣлается болѣе переднимъ (гортанныя).

Разныя палатализованныя согласныя описываемаго говора не даютъ впрочемъ повода ко многимъ замѣчаніямъ, если сравнить ихъ съ произношеніемъ образованнаго (сѣвернаго) русскаго. О слышномъ обыкновенно между *t*, *d* и слѣдующей гласной переходномъ звукѣ (Сиверсъ, назв. кн., стр. 188), напр. въ *vezetó* везете, а также въ сочетаніи *-ti-* и др., отмѣтимъ, что онъ выступаетъ ясно, какъ упоминаемый Сиверсомъ характерный звукъ «*chi*» (*χ*), а съ голосомъ слѣдовательно какъ *j*; за то не замѣчается того развитія этого переходнаго звука въ согласную свистящую, которое такъ извѣстно изъ южныхъ и западныхъ русскихъ нарѣчій. — О палатальныхъ гортанныхъ, напр. *k* въ *tólkó* (-ке) только, можно отмѣтить, что мѣсто закрытія во всѣхъ положеніяхъ тоже самое, что наблюдаемъ передъ *i*; это выходитъ особенно ясно при наблюденіи надъ *k* съ слѣдующимъ *e*: и въ такомъ положеніи слышится переходный звукъ «*i*» отъ *k* къ слѣдующей гласной. При гортанныхъ можно, такимъ образомъ, говорить о «*i*овой палатализаци».

За то, если изучать степень палатализаци по высотѣ спинки языка, нужно сказать, что говоръ не проявляетъ «*i*овой палата-

лизациі». Такъ какъ это обстоятельство довольно интересно и при томъ заключаетъ въ себѣ разницу отъ того Великорусскаго, которое опишу въ слѣдующей работѣ, то немного болѣе широкое изложеніе этого вопроса не будетъ бесполезнымъ. Исходной точки для опредѣляющихъ наблюденій можно искать въ упомянутой уже принципиальной разницѣ между отдѣльными группами палатализованныхъ согласныхъ. При «губныхъ» палатализация присоединяется къ имѣющейся уже въ твердыхъ губныхъ артикуляціи губъ (или нижней губы), какъ особое прибавленіе: передній языкъ, который при «ра», «ба» и под. занимаетъ внутри губной то же самое низкое положеніе, какъ при слѣдующемъ а, при «фа», «фо», «фа» и под. поднимается сводомъ въ направленіе къ переднему нёбу. Но степень этого приближенія къ переднему нёбу можетъ, конечно, быть очень различна; ее удобнѣе всего изучать, прислушиваясь къ переходному звуку отъ палатализованной согласной къ слѣдующей гласной. Въ сочетаніяхъ какъ *pi bi mi fi vi* нашъ говоръ не имѣетъ особаго переходнаго звука между согласной и *i*; изъ этого заключаемъ, что положеніе передняго языка во время губнаго запиранія, при открытіи этого а далѣе во время произношенія *i* остается практически неизмѣняемымъ; артикуляція языка внутри согласной вполне адаптирована къ слѣдующему *i*; выражая это условно помощью коэффициента надъ губною, получимъ, напр., «*ri*», «*mi*» и т. д. А если перейдемъ къ тѣмъ же согласнымъ передъ *e*, которое нужно вообще, по § 1, въ нашемъ говорѣ считать во всякихъ положеніяхъ ненапряженнымъ («открытымъ») *e*, лишь съ слабыми оттѣненіями, то видимъ здѣсь тоже самое. И *pe*, *be*, *me* и т. д. не имѣютъ переходнаго гласнаго звука (въ родѣ минимальнаго *i* или же закрытаго *e*) отъ согласной къ открытому *e*¹⁾;

1) По крайней мѣрѣ въ ровной, свободной рѣчи; въ ударяемомъ слогѣ, при особой вычekanенности рѣчи, случалось, что ухо колебалось не множно, не занимаетъ ли языкъ въ губной согласной немножко высшее положеніе, чѣмъ въ слѣдующемъ *e*; однако, рѣшительно подтвердить этого не удалось мнѣ ни въ какомъ случаѣ.

поэтому опять заключаемъ, что положеніе языка во время губнаго запиранія, при открытіи этого и далѣе во время гласной е остается неизмѣненнымъ («*ре*», «*те*» и под.). Значить, и здѣсь нужно довольствоваться собственно выраженіемъ, что согласная «адаптирована» къ слѣдующей гласной. Будемъ ли здѣсь говорить о «палатализованномъ» произношеніи губныхъ или нѣтъ, зависитъ поэтому до извѣстной степени отъ личнаго усмотрѣнія: и въ сочетаніяхъ ра, та и т. д. артикуляція языка адаптируется внутри губной согласной къ слѣдующей гласной («*ра*», «*та*» и т. д.), но не считаемъ это явленіе достойнымъ особаго названія. Другое дѣло, когда въ нашемъ говорѣ гласная, слѣдующая за «мягкою» губною согласной, артикулируется съ болѣе низкимъ положеніемъ передняго языка, чѣмъ въ открытомъ е, т. е. при ä, а, о и др.; въ такомъ случаѣ выступаетъ по открытіи губнаго запиранія тотъ передненёбный переходный гласный звукъ, который доказываетъ, что современно съ артикуляціей губъ передній языкъ занимаетъ высшее положеніе, чѣмъ свойственное слѣдующей гласной, и при помощи котораго ухо прежде всего различаетъ, напр., «*ра*» отъ «*ра*»; тогда и стоимъ передъ не только «адаптированной» но и «палатализованной», въ узкомъ смыслѣ слова, согласной.

Изъ сказаннаго понимаемъ, что для губныхъ согласныхъ нашего говора, по отношенію къ высотѣ передняго языка, можно говорить не объ «і'овой», а объ «е'овой» палатализаціи, или если кто предпочитаетъ, о «степени открытаго е» для ихъ палатализаціи. Иногда это и выходило яснымъ образомъ для слуха. Напр., въ прош. іюц (мель, кор. мет-) или въ 3. мн. *boğút* бѣгутъ, ухо прямо могло хватить, какъ языкъ внутри *ín*, *í* артикулировалъ е, такъ что переходный звукъ послѣ нихъ, развитый иногда до очень яснаго гласнаго отгѣнка, звучалъ какъ дѣйствительное, краткое е, т. е., въ грубой передачѣ приблизительно «*теоц*», «*beoğút*» («*теоц*», если обозначать при томъ и внутреннюю адапцію согласной).—Въ единичныхъ случаяхъ это наблюденіе можно было распространять и черезъ границу губ-

ныхъ; отмѣчу, что въ словѣ *toréř* теперь, гдѣ *ř* сохраняетъ голосъ до самаго своего конца, послѣ *ř* голосъ умираетъ въ коротенькомъ, но ясномъ гласномъ звукѣ — не *i*, но открытомъ *e*; въ грубой передачѣ «*toréřę*» или под.; ср. ниже, объ отношеніи артикуляціи *ř* къ *g*.

Изложенное наблюденіе надъ палатализацией губныхъ заставляетъ невольно спросить: какъ тогда писать, *ři* или *ři*, *ře* или *re* и т. д.? «*koréřka*» или «*koréřka*» «*béřek*» или «*béřek*», «*beréř*» или «*beréř*» (ср. *börü* беру), «*sořovéj*» или «*sořovéj*», «*débet*», или «*débet*» лебедь, «*mélňica*» или «*mélňica*», «*pétlā*» или «*pétlā*», «*rogíbeř*» или «*rogíbeř*», и т. д.? Отвѣчу только, указывая на выше сказанное насчетъ «аданціи» и «палатализаціи» въ узкомъ смыслѣ слова, что выборъ долженъ зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія; недостатки и непослѣдовательность сопровождаютъ и тотъ и другой способъ передачи; за то новые знаки причинили бы и типографіи и читателю новыя трудности по, въ сущности, хорошо извѣстному и по крайней мѣрѣ легко понимаемому предмету. Почему я удержалъ знакъ палатализаціи, т. е. пишу *ři*, *ře*, *ři*, *ře* и т. д., выясняется изъ дальнѣйшаго изложенія.

Если прослѣдить вопросъ о гласномъ переходномъ звукѣ отъ согласной къ слѣдующей гласной далѣе, то и при *g* и *l* находимъ то же самое правило, какъ при губныхъ (ср. выше примѣръ *toréř*): *g* переходитъ прямо въ слѣдующее *e*, напр. въ *dřemlú*, *dřemleř*, почему и здѣсь можно было бы обходиться безъ обозначенія «палатализованнаго» *g*; а и при *ř* не слышался передъ *e*, напр. въ *řose* послѣ, *kléřeř*, неопр. *glédít* глядѣть, *Vařířej* и под., характерный переходный звукъ, «*off-glide*», который такъ ясно наблюдается при этихъ же палатализованныхъ согласныхъ, напр., передъ *a*. Можно добавить, что отсутствіе его отмѣчено послѣ *g* еще и передъ *ü* (ср. § 13): *křúćók*, а послѣ *l* и передъ *ö*: *klöřčü* клещи, *řlöřčüoj* плѣшивый¹⁾; послѣд-

1) Напротивъ, если первый слогъ выговаривался съ *o*, ср. § 13, переходный звукъ выступалъ ясно.

нее легко понятно, такъ какъ ъ вѣдь имѣеть ту же самую артикуляцію языка, какъ е, ср. § 8 и § 13. — Само собою разумѣется, что при г и л не можемъ объяснить обсуждаемое явленіе вполне, какъ при губныхъ. Они не имѣютъ, какъ эти, отдѣленное отъ прочей артикуляціи положеніе передняго языка, которое можно регулировать независимо, вполне про себя. Въ г, л при палатализации перемѣняется, какъ извѣстно, имѣющаяся артикуляція передняго языка, а именно, за переднимъ концомъ языка, который при непалатализованныхъ видахъ даетъ намъ характеристическую артикуляцію г, л¹⁾, еще поясъ передняго языка поднимается выпуклымъ сводомъ въ направленіе къ переднему нѣбу. Что при этомъ движеніи первоначальная артикуляція конечной части языка нѣсколько мѣняется (при г въ отношеніи къ г передвигается нѣсколько впередъ, при л поясъ записания какъ будто увеличивается), можемъ оставить въ сторонѣ; а намъ важно, что «степень» палатализации здѣсь повидимому опредѣляется величиною («широтою») и большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ нѣбу упомянутаго добавочнаго выпуклаго свода²⁾. Отсутствіе переходнаго звука i'оваго характера къ слѣдующему е поэтому — достаточный указатель; напр., объ l изъ этого можно заключить, не приближается ли оно въ такомъ случаѣ сильно къ извѣстнымъ (напр. нѣмецкимъ) «среднимъ» типамъ l? А вотъ это именно и оказалось безсомнѣннымъ для моего слуха.

Слѣды этого же явленія можемъ преслѣдовать еще дальше. Мы видѣли, что согласная г, по тому образу, какимъ она подвергается палатализации, хотя и не совпадаетъ вполне съ группой губныхъ (см. выше), но примыкаетъ къ ней: палатализация состоитъ, главнымъ образомъ, въ добавкѣ къ уже имѣющейся артикуляціи еще новой. Такъ и понимаетъ Sweet дѣло въ

1) Оставимъ при томъ въ сторонѣ положеніе задняго языка въ l ср. § 7.

2) Можно непосредственно проверять это особенно въ l; чѣмъ большая часть спинки языка прикладывается къ нѣбу, чѣмъ меньше «открытымъ» оно такимъ образомъ становится, тѣмъ болѣе «палатализовано» оно звучитъ съ все высшимъ своимъ собственнымъ тономъ. Ср. къ этому Sievers, l. c. 314.

раньше упомянутомъ эскизѣ московскаго произношенія въ Transactions и т. д., см. стр. 548. Съ г уравниетъ англійскій наблюдатель также s, z. Хотя, по моему, слѣдуетъ сильнѣе, чѣмъ это дѣлаетъ Свигъ, подчеркнуть его указаніе, что въ этихъ согласныхъ, кромѣ добавки новой артикуляціи, палатализація и передвигаетъ уже существующую, въ соответствующихъ твердыхъ типахъ, нѣсколько впередъ; именно, эта черта приближаетъ упоминаемыхъ мягкихъ согласныхъ въ артикуляціонномъ отношеніи къ группѣ «зубныхъ» (см. выше). Однако, наблюденіе опытнаго изслѣдователя позволяетъ во всякомъ случаѣ заключить, что то выраженіе, которое находитъ себѣ «палатализація» въ этихъ согласныхъ, стоитъ еще на границѣ того, что видимъ при мягкихъ губныхъ: добавки новой, вполне самостоятельной артикуляціи. Въ связи съ этимъ интересно отмѣтить, что въ с передъ е, напр. въ sérkof, а особенно въ неударяемомъ слогѣ¹⁾, напр. творит. rŕícej, dvónáset двѣнадцать, выпуклое положеніе передняго языка, которое отличается ſ отъ s, напр. образованное русское «ся» отъ «са», и которое поэтому и различаетъ с отъ ś, иногда бывало такъ слабо развито, что не было слышно никакого гласнаго переходнаго звука, болѣе узкаго чѣмъ е, почему опять во многихъ случаяхъ являлось искушеніе считать «с» настолько же «твердымъ» сколько «мягкимъ»²⁾. Тоже самое видимъ въ глагольномъ окончаніи возвратномъ. При отчетливомъ, медленномъ произношеніи гласною окончанія выступаетъ -о, а при болѣе скоромъ это -о, по § 13, подъ вліяніемъ предшествующей палатализованной согласной, развивается часто, черезъ -ö, въ -е. А между тѣмъ какъ въ формахъ какъ boitsó (боится; о вопросѣ «t + ś» или «с» ср. § 8) гласный передненѣбный переходный звукъ между ś и o выступалъ ясно, онъ за то совершенно исче-

1) Ср., что неударяемое е, по § 2, немножко закрытѣе ударяемаго?

2) Послѣ ударенія, въ концѣ слова, напр. въ mizíies, я отмѣтилъ очень слабую палатализацію, однако такъ, что никто не сомнѣвался бы, что она существуетъ. Не зависитъ ли слабость ея отъ низкаго положенія передняго языка, отъ того, что степень ея равняется гласной е, а не i?

залъ, когда конечная гласная достигала ступени -е, напр. *ta-gájutše*, неопр. *tagátše* тягаться; п самая дорсальная выпуклость, которая вообще отличается *ś* отъ *s*, была очевидно такъ слабо развита, что нерѣдко, или даже вообще можно было съ не меньшимъ правомъ писать «-tse», ср. въ кирил. обозначеніи «тсэ» или «цэ». — Слѣдуетъ добавить, что при *ś* безъ предшествующаго звука *t*, напр. въ *śeředá*, *bíser*, а также при *ž* я не наблюдалъ соотвѣтствующей потери или ослабленія того особаго дорсальнаго положенія языка, которое различаетъ ихъ отъ *s*, *z*; оно въ нихъ всегда бывало легко замѣтнымъ, такъ какъ оно, даже при слабомъ развитіи, придаетъ этимъ звукамъ извѣстный легкій оттѣнокъ переднихъ звуковъ *š* (ср. § 8).

Въ спорадическихъ случаяхъ описываемая низкая степень палатализаціи повидимому можетъ приводить къ потерѣ самой палатализаціи передъ е даже въ звукѣ *ń*, не смотря на то, что послѣдній казался бы принципиально защищеннымъ особой своей, различной отъ *n*, артикуляціей. Я отмѣчалъ слово *ńe*, не, въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. въ предложеніи какъ «*řtíci ńe kór-ńát*», произнесеннымъ съ такъ слабой палатализаціей, что русскій склонялся бы писать «нэ»; а такимъ же образомъ онъ долженъ былъ бы передать какъ «бѣльнэ» развитую изъ больно черезъ *bóľno*, -ńѣ форму *bóľne*. Въ *podetó* пойдете я отмѣтилъ, что и при *ď* выше упомянутый, подобный *j* («голосовое *χ*»), переходный звукъ передъ е могъ становиться слабымъ, въ связи съ менѣе сильнымъ развитіемъ свойственной мягкому *ď* дорсальной артикуляціи языка; однако, полного перехода въ коронально образованное (твердое) *d* я не наблюдалъ.

— Теперь интересно подойти къ обсуждаемому явленію съ другой стороны, а именно обратить вниманіе на произношеніе согласныхъ передъ формами мѣстоименія «этотъ». Здѣсь вѣдь не можетъ быть рѣчи о «потерѣ» прежней палатализаціи; а спрашивается, выказываетъ ли произношеніе здѣсь то же самое, что въ выше упомянутыхъ сочетаніяхъ? О произношеніи «этотъ» въ абсолютномъ началѣ ср. § 15. Въ сочетаніи съ словомъ «вонъ» я

отмѣтилъ примѣръ «votéta žoǵót», вонъ эта жретъ; но я долженъ на всякій случай высказать какъ возможность, что примѣръ собственно соответствуетъ «вонъ и эта...»; ср. t слова vôt, которое въ сочетаніи votéta, вотъ эта, оказалось положительно непалатализованнымъ. Но особый интересъ представляли сочетанія какъ «объ этомъ» или «съ этимъ». Изъ ихъ произношенія получается, такъ сказать, отрицательное доказательство, что въ выше обсуждаемыхъ сочетаніяхъ съ е, напр. soǵovéj, méǵníca и т. д., согласную передъ е нужно считать относительно палатализованной; именно, въ «ob-étom» и под. было ясно слышно, что въ b спинка языка не поднималась такъ высоко къ переднему нёбу, какъ въ слѣдующемъ е; она скорѣе выдерживала то же самое положеніе, какъ въ предшествующемъ о; послѣ b даже слышался еще гласный переходный звукъ отъ болѣе открытаго къ болѣе закрытому положенію языка, слабый призвукъ о, въ грубой передачѣ приблизительно «obǵ étom».

Уже такое наблюденіе оправдываетъ проведенное употребленіе знака палатализаціи при губныхъ и г, также передъ гласными е и і. А при другихъ согласныхъ отмѣченные передъ е случаи слабѣйшей или даже отсутствующей палатализаціи нужно считать не полной системой, а лишь слѣдами, которые однако заслуживаютъ подробнаго разбора и вниманія со стороны изслѣдователя.

— Въ предварительномъ докладѣ я намекнулъ, между тѣмъ, на то, что въ описываемомъ говорѣ можно извѣстнымъ образомъ говорить о двухъ степеняхъ палатализаціи. Мы видѣли, какъ тѣ согласныя, въ которыхъ спинка языка при палатализаціи способна, вполне или до извѣстной степени, регулировать разстояніе отъ нёба, т. е. прежде всего губныя, не только передъ і, но и передъ е артикулируютъ съ разстояніемъ, адаптированнымъ къ слѣдующей гласной. Ожидаемъ поэтому того же самаго передъ гласными, лежащими между этими границами. Такую гласную говоръ, по § 4, развилъ изъ стараго ѣ въ удаляемомъ слогѣ передъ твердою согласною. Оказывается, между

тѣмъ, что въ губныхъ, г и л спинка языка передъ этимъ *ê* имѣетъ высоту не только этого напряженнаго *ê*, но гласной *i*. Это сейчасъ отличаетъ сочетанія *ré*, *bê* и т. д. отъ сочетаній *re*, *be* и т. д., даже не считаясь съ разнымъ произношеніемъ гласныхъ. Въ сочетаніяхъ *ré*, *bê* и т. д. выступаетъ въ отверстіи между взрывомъ согласной и слѣдующимъ *ê* переходный гласный звукъ характера *i*, какъ будто *i* особой краткости; такъ, напр., въ *věšu* вѣшу, *śoŋovək*, *gúki* бѣлудѣ, а далѣе, напр., и въ *xlér* хлѣбъ. Лишь послѣ *m*, въ парѣ случаевъ, я сомнѣвался насчетъ существованія этого переходнаго звука, и занимаетъ ли спинка языка въ согласной высшее положеніе, чѣмъ въ слѣдующемъ *ê* (такъ въ *ŋoká šumêŋa* и въ церковномъ *ŋisómêŋ*); при *g* я колебался въ единичномъ случаѣ: *goŋeŋ* горѣлъ. Но оставимъ эти немногіе сомнительные случаи въ сторонѣ; какъ правило выходить, пользуясь коэффициентами, что наравнѣ съ выше описаннымъ рядомъ: *ri*, *mi* и т. д., *re*, *me* и т. д. *ra*, *ma* и т. д., къ чему присоединяется вѣроятно и *ŋe*, *ŋe* — находимъ другой рядъ: *ré*, *vê*, *ŋê* и т. д.

Объясненія особой, высшей степени палатализаціи передъ *ê* (изъ стараго *ŋ*) можно конечно искать разными путями. Обстоятельное разсужденіе объ этой сторонѣ вопроса дано въ § 4.

— Передъ тѣмъ какъ оставить описаніе самихъ палатализованныхъ согласныхъ, слѣдуетъ добавить, что губныя въ концѣ слова всюду потеряли палатализацію. Говорятъ напр., *brof* бровь мн. *bróvi*, *šem* семь, *ser* мн. *seri* (цѣпь; объ *e* см. § 4), *krof* род. *króvi* кровь; также *lubôf* *lubóvi*. Въ повел. *izgotôf* изготѣвь, конецъ звучитъ вполнѣ какъ въ прилаг. *gotôf* готѣвь; ср. также мн. *izgotôftê* (-tö) изготѣвьте, гдѣ, значить, палатализація *t* осталась безъ вліянія на *f*. *serkof* съ род. *serkvy* вѣроятно получило твердыя окончанія подъ вліяніемъ отвердѣнія конечной губной. Ср. еще примѣръ какъ *kaŋar* корабль. — Палатализованныя артикуляція далѣе теряется, если послѣ *t*, *d* слѣдуютъ *t*, *d*. Такъ, сочетаніе «хохотать-то» звучитъ *xoxotaŋo*; ср. *he košita*, не косить-то, и др. Въ «but dör», будь добръ, видимъ,

что *t* теряет палатальность, хотя и не подвергается голосовому уподобленію къ слѣдующему *d*.— Что при этакихъ сочетаніяхъ свойственный палат. *t*, *d* призвукъ «*χ*» («*j*»)¹⁾ исчезаетъ, зависитъ конечно отъ того, что «взрывъ» не можетъ состояться, по причинѣ характера слѣдующаго звука; ср. явленія, упомянутыя въ § 15. Но это само собою не достаточно, чтобы объяснить полную потерю свойственнаго *t*, *d* дорсального положенія языка; эта послѣдняя сторона скорѣе принадлежитъ къ явленіямъ «уподобленія по звуку» («*Geräuschassimilation*»), разные примѣры котораго уже приведены въ § 7.

— При изслѣдованіи, насколько и какъ далеко палатализация вникаетъ въ группу согласныхъ, опять оказывается удобнымъ имѣть въ виду выше упомянутую группировку согласныхъ по тому образу, которымъ отражается палатализация въ ихъ артикуляціи: зубныя (въ болѣе широкомъ смыслѣ) — губныя — гортанныя. Такое раздѣленіе рационально и здѣсь.

Палатализация «зубной», въ настоящей жизни говора, постоянно переходитъ и на предшествующую «зубную»: *ždiš* здѣсь *ždělaju* *ješli* *rošli* росли *šněk* *sněgъ* *kužnéc* *čérněnkōj* черненькій *pětlā*²⁾ *pōšle* послѣ *dražnú* *kartína* *smýšlit* *žřit* зрѣть, *sožřela* *ugášnet* (-*nöt*), ср. *ne gášni* гасни, *protěrlí* протерли *úmerlí* *lišť* лѣзть *nóžji* ноздри *plótňiki*³⁾ *dvórník* *kožzína*. Тоже самое наблюдаемъ передъ *č*: *šérco* *oguřci* *toňcovát* танцовать *otvíňcu* отвинчу *sónče* *f'itáněija* квитанція. — Безсомнѣнныхъ исключеній я бы не могъ привести. Въ противоположность къ *nešlí* *vežlí*, *z mňě* казалось непалатализованнымъ въ *požzli* ползли; можетъ быть, что это имѣетъ связь съ артикуляціей предшествующаго *ž*, гражданское право котораго, впрочемъ, само по § 9

1) См. въ началѣ настоящаго параграфа.

2) Въ *t* спинка языка занимаетъ свойственное мягкому *t* дорсальное положеніе; но взрывъ не состоитъ, или скорѣе дѣлается «латеральнымъ» (Сиверсъ 462 сл.); обыкновенно сопровождающій *t* звукъ «*χ*» поэтому исчезаетъ. См. § 15.

3) Взрывъ *t* здѣсь носовой; ср. Сиверсъ 465 сл. См. § 15.

и § 16 оспори́мо въ звуковыхъ законахъ говора. Въ *třású* тряску я колебался насчетъ *t*, склонялся однакожь считать его мягкимъ. Больше достойны вниманія, впрочемъ, нѣкоторыя сочетанія съ двойной согласной, *st*, передъ *g*, а именно примѣры *střilét* стрѣлять *střícá* встрѣча, ср. *střícú* встрѣтилъ, *střígla*, ср. *otstřík* отстригъ. Я не въ состоянїи рѣшить свое сомнѣніе насчетъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, *s* не развилось въ полное *š*, которое вообще легко различается отъ твердаго; скорѣе всего оно оставалось чистымъ *s*; а о согласной *t* между этимъ *s* и слѣдующимъ *ř* не смѣю высказаться. Въ подобномъ сомнѣнїи я остался насчетъ *d* въ *Ondří[i]* Андрей, ср. еще *Ondřeef* (-*ěf*, см. § 10); *n* было здѣсь безсомнѣнно безъ палатализаціи. — Можно добавить, что звукъ *š* передъ *ň*, въ примѣрѣ какъ *grěšník* передвигается немножечко впередъ, но не переходитъ въ совершенно мягкое «*š*» (ср. § 8).

Далѣе, зубная правильно палатализируется передъ мягкой губной. Напр., *švírěpoř* свирѣпый, *on šmířótsö*, *šměc* смѣлъ, ср. *ne šmíř*, *švět švětla živř* звѣрь *izvóska* известка *žvozdá*, р. мн. *žvès*, *šmírnöj*, ср. *pošmírnějö*, *švítá* свита (свить) *šmécú šmécóš* (motát метать), *špěta švoц* свель *izbíř* избилъ *izbirát šmilá[i]* а смѣлѣ *dvě dvěři dvonáčet četvórtöj kóřinat*, ср. *kóřmít*, *dvinut řvoš* рвешь *Matvíř*¹⁾. Ср. еще чужое *kaňf'ěty* конфеты. По правилу видимъ *špř*, *špřš* спишь, и далѣе *špřu* (ср. ниже). *č* въ сочетанїяхъ какъ *čvötök* цвѣтокъ, *čveř* и под. не принадлежитъ, конечно, сюда, такъ какъ оно само собою «мягко». — Необъяснимое исключеніе видимъ въ *d*, вм. ожидаемаго *d'*, слова *medvíř*, медвѣдь.

Если же передъ палатализованной зубной стоитъ губная, то, повидимому, палатализація обыкновенно не переходитъ на эту; но это правило не вполнѣ безъ исключенїй и оставляетъ притомъ случаи, гдѣ не берусь рѣшить, была ли губная палатализована или нѣтъ. Съ безсомнѣнно твердой губной отмѣчено, напр., *mě v-losáx* въ лѣсахъ *přícá opteka* аптека *blíže* (-*žə*, ср. § 8) *de-*

1) Взрывъ *t* состоится нормальнымъ образомъ; ср. выше -*tř*-, -*tn*-.

févna drémľú, 2. л. drémľeš, mštit мстить¹⁾, mňoš, пов. mňi (мнать), zapřagú teplí (прош. кор. теп-) zemľá, вин. zémľu, deševle šemděšat ľaptí, род. ľaptěi. При словѣ šemděšat можно бы, конечно, возразить, что šem- можно же считать переведеннымъ изъ не сложной формы šem семь, о которой выше; но прочіе примѣры дѣлаютъ такое возраженіе лишнимъ. — И передъ с находимъ «твердую» губную, напр. въ dífónka дѣвчонка, ofcám; есть, однако, одинъ случай, въ которомъ я колебался, именно kírce крѣпче; я склонялся считать р «твердымъ». — Неяснымъ осталось далѣе f въ fšě всѣ. Передъ f я колебался перѣдко; такъ въ břešti брести («скорѣе b»), brít («скорѣе b»), šerébrena[i]a («скорѣе b»); а п передъ ѱ имѣю пару такихъ случаевъ: řícěb-ńíca («b?»), ře zěbńi не зябни («b?»), а также въ прош. ožěbli. — Рѣшительно «мягкая» губная отмѣчена только въ řzet взять, прош. řzad и т. д. — При составленіи этихъ примѣровъ я, также какъ въ другихъ группахъ, не справлялся относительно первоначальнаго ихъ вида; примѣръ какъ mňoš съ исторической точки зрѣнія не совпадаетъ съ zémľu, такъ какъ въ немъ стояло раньше ь послѣ m; но наше дѣло, главнымъ образомъ, состоитъ въ обсужденіи явленій съ точки зрѣнія нынѣ живущаго говора. За то съ этой же точки зрѣнія прямо видно, что передъ нынѣшнимъ, только что описаннымъ положеніемъ вещей господствовало другое. i, не e, изъ ř въ kírce, а также 'e, не 'o, въ zemľá zémľu и др. указываютъ на «мягкіе слоги». Спрашиваемъ поэтому невольно, не обозначаютъ ли случаи, въ которыхъ наблюдатель колеблется насчетъ характера губной, остатокъ старины подъ еще не оконченнымъ развитіемъ. Это возможно, да не вѣроятно. Скорѣе нужно объяснить описанное колебаніе такъ, что склонность палат. губныхъ къ низкому положенію передней части языка (см. выше) дѣлаетъ различіе между «мягкой» и «твердой» губными неяснымъ и поэтому мѣшаетъ рѣшенію наблюдателя. Что касается случая какъ

1) Когда это слово стояло въ началѣ предложенія, можно было слышать слабый гласный элементъ, o, передъ m; уже въ родѣ этой паразитной гласной имѣемъ ясное доказательство, что m теперь «твердо».

šr̥lu, то онъ вызываетъ по моему предположеніе, что ясная палатализация р и s основывается на близкой аналогіи другихъ формъ, напр. šp̥iš.

Гдѣ передъ палат. зубной стоитъ гортанная, наблюдатель опять часто колебался. x бесомнѣнно было палатализованнымъ въ x̥l̥ef хлѣвъ. Колеблющимся остался я насчетъ k въ k̥ros крестъ, kl̥et̥ka, насчетъ g въ gd̥e, gr̥eḡ gr̥l̥. «Твердо» k по моему было въ Olek̥s̥ij, Ok̥s̥ij̥a, k-teb̥e, voskr̥es̥eḡj̥o, Ion vołok̥n̥isto̥j, pr̥ek̥l̥i, k-ś̥aḡ k̥z̥ царю, l̥ek̥se, а также g въ mog̥l̥i. «Мягкость» слога въ историческомъ отношеніи доказывается тѣмъ, что его е не перешло въ 'o (pr̥ek̥l̥i и др.); но что въ настоящее время нужно считать гортанную «твердой», особенно ясно выходило въ случаяхъ какъ k ś-, гдѣ взрывъ k состоялся, что помогаетъ устранить всякое сомнѣніе о характерѣ согласной. Однако, и передъ ś отмѣчены случаи съ k другого качества; въ новообразованномъ неопр. зар̥ek̥s̥i запрячь k стояло какъ будто въ срединѣ между «твердымъ», т. е. заднимъ, и «мягкимъ», т. е. переднимъ (адаптированнымъ къ i) k¹); такъ вѣроятно и въ l̥ek̥s̥i, лечь, между тѣмъ какъ k въ st̥er̥ek̥s̥i стеречь по моему скорѣе было «твердо». Значить, и въ этомъ сочетаніи не успѣемъ устранить сомнѣніе.

А колебаніе оставляли и тѣ немногіе примѣры зубной передъ «мягкою» (переднею) гортанною, которые собраны у меня: f-kl̥et̥ke въ клѣткѣ (ѣ вѣроятно аналогично вм. ожидаемаго i, см. § 4?; ср. однако ниже d̥et̥ki), ūtk̥i утки, s̥aḡk̥i санки; но и въ d̥iś̥oḡnk̥i дѣвчонки; въ d̥et̥ki дѣтки t обыкновенно казалось твердымъ; а отмѣчены и случаи, въ которыхъ я колебался относительно его характера.

Губную передъ палат. гортанной я отмѣтилъ только въ двухъ случаяхъ, и въ обоихъ какъ «твердую»: d̥ef̥k̥i дѣвки, š̥č̥er̥k̥i («š̥č̥er̥k̥i», § 8). Объ обратномъ сочетаніи единственный отмѣ-

1) Что это не зависитъ отъ предшествующей гласной, видимъ изъ примѣровъ вродѣ gl̥ux̥ix, гдѣ второе x рѣшительно «твердо», т. е. образовано въ заднемъ поясѣ, какъ напр. передъ a.

ченный случай *serkvéj* не позволяет заключеній; тѣмъ болѣе что низкая степень палатализаціи передъ е мѣшала окончательному рѣшенію о качествѣ к.

Итакъ, изслѣдованіе о вниканіи палатализаціи въ группу согласныхъ оставляетъ, при безсомнѣнныхъ положительныхъ результатахъ, и много колебанія. Колебаніе и сомнѣніе, конечно, отчасти можно приписать недостаточной способности наблюдателя; въ томъ отношеніи не стѣсняюсь ставить себя на сторону Свита, который (стр. 552) «долженъ сознаться въ неспособности дать надежныя подробности», о томъ же самомъ вопросѣ. А отчасти выходитъ, что колебаніе и неясность принадлежитъ не уху наблюдателя, но самому говору.

Указывая на данное выше изложеніе, довольствуюсь, въ остальномъ описаніи, ставить знакъ палатализированія лишь надъ послѣднюю согласную группы.

— Можно въ этой связи, но какъ на исторически уже установившійся фактъ, указать, что описываемый говоръ выказываетъ согласныя, палатализованныя подъ вліяніемъ извѣстныхъ предшествующихъ имъ согласныхъ. Дѣйствующимъ факторомъ въ этомъ явленіи постоянно оказывается палатализованная зубная, *ś*, *ń* или *ŕ*; ея вліянію подверглась въ большинствѣ случаевъ гортанная; но развитіе не дало вполнѣ послѣдовательнаго правила. *ń* подъ вліяніемъ предшествующаго *ŕ* видимъ въ *bońńo* (-*ńe*), больно; но при томъ, напр., *śíńo*, а также *bońńo*; и обратное развитіе выказываетъ *kołokółna* колокольня. *ŕ* развивало *k* въ *tólkō*, *skólkō*, *stólkō* (только и т. д.; также -*ke*, ср. § 13). Но видимъ *x*, не *ś*, въ *vólxa* ольха. *ś* вызвало *k*, напр., въ *rúśkōj* (-*e*) русскій, *mérśkōj*, *śárśkōj* (*ś* въ свою очередь вѣроятно подъ вліяніемъ *ŕ*), *dvořáńśkōj* (*ś* п. вл. *ń*), *ŕudśkōj* людской, *muśkōjō*¹⁾ *plátjō*; къ этой же категоріи принадлежитъ развитіе *k* въ дат. *mužuskú*, ср. им. *mužusók* мужичокъ. Чаше всего, однако, дѣйствовало *ń* на слѣдующую гортанную. Такъ,

1) Въ послѣднихъ трехъ прилагательныхъ окончаніе м. р. слышалось постоянно съ -*ōj*, не съ -*e*, какъ будто напоминая о первоначальной «твердости»

напр., *berózyńkă* березка, *xorošénkô* (-ke), «там она (т. е. рѣка Шуя) *máleńkă*», *gańóšeńkô*, *davńóxońke* (медленно -ко, см. § 13), *bátĩńko* (-ke) батенька, *céřńeńkôj* черненькій. Стоитъ обратить вниманіе и на гласную передъ такимъ сочетаніемъ, въ параллеляхъ какъ *řísõnka* рѣсенка, *difcõnka*, *robońka* съ одной стороны, а съ другой *dúšeńkă*, *mámeńkă*, *Óleńkă*. *k* и *g* въ такомъ положеніи спорадически развиваются въ *t*, *d*; такъ, при *máleńkijă* отмѣчено *-ńtijă*; при *děńgām* *děndām*, твор. мн. отъ *děngi*¹⁾; въ первомъ примѣрѣ слышалось и произношеніе со звукомъ на границѣ *k* и *t*, такъ что трудно было рѣшить, къ какой категоріи собственно приписать его. Насчетъ этого явленія указываю на свою работу *Die Dialekte des südlichsten Serbiens* (Schr. der Balkancommission, Wien 1903), § 14, особенно стр. 43. Въ «Программахъ для собиранія и т. д.», С.П. 1900, ср. §§ 110, 140 и 145.

— Можемъ теперь перейти къ гласнымъ элементамъ передъ палатализованными согласными. Какъ извѣстно, между палатальной согласной и предшествующей гласной, особенно если эта принадлежитъ къ заднему ряду, легко развивается переходный гласный звукъ («on-glide»), напоминающій о и иногда развивающійся въ *ĩ* (напр. *at* > *aĩt* и под.). Такой переходный звукъ, однако, въ описываемомъ нарѣчьи не выступалъ съ такою ясностью, что заслуживаетъ особаго вниманія.

Изъ самихъ предшествующихъ гласныхъ, а о и у не видоизмѣняются замѣтнымъ образомъ подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной; гласная а формы *kľáľi*, при сравненіи съ *kľáľa*, поэтому не даетъ повода къ замѣчаніямъ; иначе, если, кромѣ слѣдующей, дѣйствуетъ при томъ и предшествующій палатальный звукъ; но о томъ говоритъ слѣдующій параграфъ. Гласная *i* также не мѣняется замѣтнымъ образомъ въ мягкомъ слогѣ. За то задній видъ у, являющійся по § 1 послѣ губныхъ, ясно отражаетъ вліяніе слѣдующей палатальной согласной; если срав-

1) Обратное явленіе въ *gľa*, для.

нить, напр., вуц, выль, съ мн. ч. vŭl'i или неопр. vut', то «у» послѣднихъ занимаетъ болѣе переднее положеніе во рту; равнымъ образомъ «у» формы byk'i быки, по сравненію съ ед. ч. byk, «у» неопр. b'iošyt' по сравненію съ 3. ед. ч. b'iošyt (брехать, въ значеніи врать). Направленіе этого передвиженія пужно назвать «горизонтальнымъ», конечно съ условнымъ употребленіемъ выраженія. — Остается говорить о гласной е, привлекающей въ этой связи особое вниманіе. Строй говора сильно ограничиваетъ случаи, представляющіе по этому вопросу матеріалъ. Старшее е (изъ е какъ изъ ъ) въ твердомъ слогѣ вообще перешло въ 'о; при отчетливомъ произношеніи это 'о все еще сохраняется, также въ неударяемыхъ слогахъ, а возмѣщается гласной е только при менѣе отчетливомъ выговорѣ (§ 13). Старшее ѣ, по § 4, только въ открытомъ, неударяемомъ концѣ слова развилось въ -е. Прямое сравненіе е твердаго и мягкаго слога поэтому возможно только въ весьма немногихъ случаяхъ. Для ударяемаго слога сопоставленіе формъ étot: éti сейчасъ показало, что извѣстное, напр. изъ обыкновеннаго образованнаго русскаго языка правило объ «открытомъ»: «закрытомъ» е (ср. этотъ: эти) въ нашемъ говорѣ не существуетъ; два е не выказывали никакой замѣтной разницы. Сравненіе происшедшаго изъ ѣ въ извѣстныхъ случаяхъ напряженнаго ê съ ударяемымъ е мягкаго слога (ošeńés есенясь, opóméd'ni, séd'ne сегодня, d'el', jel', koréjka) показало, что послѣднее остается безсомнѣнно «открытымъ», даже при условіяхъ, особенно благопріятствующихъ закрытому его произношенію. — Относительно неударяемыхъ слоговъ осталось общее впечатлѣніе, будто е при слѣдующей палатализациі имѣетъ оттѣнокъ большей закрытости. Не смѣю однако придавать этому впечатлѣнію никакого вѣсу. Нельзя забывать, что ненапряженное е въ неударяемомъ слогѣ по § 2 вообще склоняется къ болѣе закрытому произношенію. А сомнѣніе наблюдателя, даетъ ли собственно палатализациа вполне удовлетворяющее объясненіе наблюдаемыхъ иногда болѣе закрытыхъ оттѣнковъ, возрастаетъ подѣ впечатлѣніемъ того обстоятельства, что повидимому не только палатали-

зація, но и характеръ самой слѣдующей палатальной согласной играетъ опредѣляющую роль; такъ, отмѣчая съ одной стороны немножечко болѣе закрытый оттѣнокъ е въ повел. *ínetí*, наст. *ínetóš* и т. д. (мести) и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ примѣровъ (*ínestí* и под.), я нашелъ съ другой стороны опять ясно открытое е передъ *í* въ мн. ч. прош. *ínelí*, ср. *gnélí*, *plélí* и др. Поэтому, хотя и извѣстная слабая разница гласной е въ формахъ какъ *íevíš* (= плачешь) отъ 1. ед. *íevlú*, въ пов. *terí* отъ прош. мн. *terlí* (тепу) повидимому указывала на вліяніе палатализаціи, однако думаю, что имѣемъ полную причину быть осторожными насчетъ заключеній, тѣмъ болѣе что разница, какъ сказано, была минимальна, а выше упомянутыя наблюденія надъ ударяемыми слогами прямо противорѣчатъ такому вліянію¹⁾.

Въ сомнѣніи о качествѣ е, открыто ли оно или закрыто, напряженно ли или нѣтъ, я остался въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ слѣдующая за е согласная теперь безъ палатализаціи, но гдѣ сохраненіе гласной е, безъ перехода въ 'о, показываетъ, что согласная раньше была мягкой; это случаи съ ег передъ губной или гортанной согласной: *érvoí šerp četvérk d'érgaj* (ср. *zadér-ğivat*) *d'érka źérkało ćérkof vérx*, ср. *k vérxu, vérxom*; такъ и передъ *š* въ *véršyna, véršók*. И въ ударяемомъ слогѣ, значитъ, я при такихъ сочетаніяхъ сомнѣвался насчетъ качества е, въ Паньковскомъ какъ и въ Ихалицкомъ произношеніи. Сопоставленія съ существующимъ въ говорѣ *ê* однако привели меня къ заключенію, что и здѣсь правильнѣе считать е ненапряженнымъ, принадлежащимъ къ обыкновеннымъ е говора, хотя и оттѣненнымъ нѣсколько особо, въ направленіе къ напряженности.

1) Можно въ этой связи упомянуть, что при сравненіи 1 л. ед. ч. *b'ėėėgí* съ пов. *b'ėėėgí* мнѣ казалось, будто оба неударяемыхъ слога передвигались по качеству е параллельно, въ первомъ случаѣ съ болѣе открытымъ, во второмъ съ болѣе закрытымъ оттѣнкомъ, хотя и съ незначительнымъ различіемъ. Это могло бы какъ будто указать на «гласную гармонію», напоминающую объ одной чертѣ въ парѣ случаевъ съ гласной о, о которой въ § 14. Однако, указывая на выше сказанное, не могу придавать такому единичному примѣру никакого значенія.

§ 13. Дѣйствіе палатальныхъ согласныхъ на слѣдующія заднія гласныя; отношеніе а, и, о : ѣ, ѱ, ѳ—е. Что заднія гласныя а, и, о подъ вліяніемъ предшествующей «мягкой» согласной, і включительно, получаютъ болѣе переднюю артикуляцію, это и мало опытный изслѣдователь замѣтилъ бы сейчасъ въ описываемомъ говорѣ, — какъ и въ образованномъ русскомъ языкѣ, и вѣроятно во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ (сравните, напр., звуки и въ туда : сюда). Достаточно было для этого сопоставить, напр., два и слова дую (dújû), или конечныя гласныя морфологическаго ряда мѣсто, мѣста и т. д. съ гласными ряда полѣ, поля и т. д. (mêsto, mĕsta, mĕstu : róľo, róľa, róľu).

Такое общее и широкое начертаніе упоминаемаго явленія, однако, имѣло бы ограниченную цѣну. Это тѣмъ болѣе, что не нужно вникать глубоко въ явленіе чтобы отыскать, съ одной стороны рядъ случаевъ, въ которыхъ гласная, не смотря на предшествующую мягкую согласную, сохраняетъ въ главной своей части тотъ же самый звукъ, который имѣетъ послѣ твердой согласной (напр. kuĭú, kuĭút), — а съ другой стороны рядъ случаевъ, въ которыхъ, хотя извѣстное передвиженіе гласной замѣтно, но употребленіе знаковъ ѣ, ѱ, ѳ было бы неправильно, если сравнить съ произношеніемъ выше данныхъ примѣровъ. Первый рядъ случаевъ, конечно, не представляетъ столько трудностей для изслѣдователя. Иначе съ многочисленными случаями второго ряда. Разныя степени описываемаго движенія, вызывающія столько же оттѣнковъ гласныхъ, и при томъ случайность, которая повидимому царитъ въ распредѣленіи разныхъ оттѣнковъ, дѣлаютъ изслѣдованіе мало благодарнымъ. Однако, не считаю лишнимъ разсматривать явленіе по возможности широко¹⁾; особенно въ вопросѣ объ 'о въ отношеніи къ 'ѳ, и отсюда далѣе къ 'е, нельзя отрицать, что предметъ вмѣщаетъ

1) Свить, напр., въ своемъ эскизѣ (I. с. стр. 551), объ этомъ явленіи до-
вольствуется выраженіями «has a tendency to draw forward», «sometimes», «of-
ten» и под. Попробуемъ выяснитъ хоть главныя линіи этихъ колебаній.

въ себѣ матеріалъ для довольно интересныхъ заключеній о русскомъ вокализмѣ.

Направленіе упоминаемаго артикуляціоннаго передвиженія — совершенно ясно. Стоитъ только бросить взглядъ на конечныя точки. Артикуляція притягивается впередъ, по линіи, которую слѣдуетъ опредѣлять вообще — конечно, условнымъ образомъ, считаясь съ формой полости рта — какъ горизонтальную. И *и* и *й* — гласныя высокаго образованія, а первое принадлежитъ къ заднему, второе къ среднему ряду; *о*, *ö* и *е* всѣ среднія по высотѣ, а *о* принадлежитъ къ заднему ряду, *ö* и *е* лежатъ на границѣ или же уже внутри передняго ряда. Не углубляясь въ трудности насчетъ артикуляціоннаго положенія *а*, не затрудняемся ввести и отношеніе *а*: *ä* въ ту же самую схему. — Отмѣтимъ далѣе, что вполнѣ развитыя *ä*, *ü*, *ö* по моимъ наблюденіямъ слѣдуетъ постоянно считать «ненапряженными» (*wide*): *ä* — гласная передняго ряда низкая, ненапряженная; *ü* — лабиализованная гласная средняго ряда высокая, ненапряженная; *ö* — лабиализованная гласная передняго ряда, ненапряженная, средней высоты, нерѣдко принадлежащая вѣроятно среднему ряду («*palato-guttural*»), или же лежащая на границѣ гласныхъ этого ряда¹⁾.

Передъ тѣмъ какъ присматриваться ближе къ имѣющемуся матеріалу, можно еще указать, что подобное передвиженіе, какъ извѣстно изъ разныхъ нарѣчій, имѣло въ свое время вліяніе на судьбу первоначальнаго *е*. Стоимъ здѣсь передъ готовымъ фактомъ, законы котораго даются прямо изъ примѣровъ вродѣ *v̥zeť* взять, *v̥zéľi* взяли: *v̥zaď* взялъ; *ľágu* лягу: *ľéžōš* ляжешь; *pr̥aď* прятъ, *pr̥áľa*: *pr̥éľi* прятли, и под. Развитіе это при томъ повидимому было независимымъ отъ ударенія; ср. *tr̥asu* (или теперь лучше *tr̥ású*, *tr̥ású*): *tr̥esōš*, *tr̥esetó*; *zap̥ragú*: *zap̥režōš*, пов. *zap̥regí*; прош. *zap̥rák*: *zap̥reglí* (запрячь). Видимъ и въ этомъ явленіи исключенія отъ всѣмъ яснаго правила. Съ одной стороны, от-

1) Главное: артикуляція *ö* повидимому часто еще сохраняетъ болѣе заднее положеніе, чѣмъ вполнѣ развитое *е*.

мѣтимъ *řetačók* пятачокъ, явившееся вѣроятно подѣ влияніемъ законнаго *řet* — если не считать его дальнѣйшимъ развитіемъ существующаго также *řatačok*. Съ другой стороны, видимъ, что любопытнѣе, при упомянутомъ *vzeť* взять, однородное неопр. *pačát* начать (ср. однако прош. мн. *načeli*). Близко лежитъ въ такомъ случаѣ объясненіе, что форма *pačát* заимствована изъ языка столицъ; о существующей при ожидаемомъ *govúet* (ровнять) формѣ *govúat* прямо таки и сказалось, что она новѣе; такимъ же образомъ, къ *dědā* (дядя, ср. *děduška*) мой источникъ добавилъ: «*topér dādā*».

— Обратимся теперь къ подобнаго рода передвиженію артикуляціи, наблюдаемому въ нынѣшнемъ говорѣ. Начнемъ съ ударяемаго слога. Если кромѣ предшествующей мягкой согласной еще и послѣ гласной слѣдуетъ мягкій звукъ, то нужно повидимому считать полное развитіе *a*, *u*, *o* въ *ä*, *ü*, *ö* общимъ правиломъ (ср. московское зять, чуть, землѣй, въ моей транскрипціи «*žät*», «*čüt*», «*žemlōj*»). Такъ, напр., *bojús*, *gorúju*, пов. *gorúj*, *lúbät*, Их. *lūdi*, *bojätse* (-*še*? § 8), *orät* и мн. др. Между тѣмъ, не имѣемъ права считать это правило неотступнымъ. Напр., въ словѣ царь выступила гласная, не доходящая вполнѣ до *ä*, а только до описываемаго ниже «*ä*»: *čär*; и это, хотя тѣмъ болѣе ожидаемъ *ä*, что всѣ прочіе падежи выказываютъ форму *čär*- и слѣдовательно не представляютъ аналогіи, по которой можно бы объяснить вытѣсненіе ожидаемаго *ä* изъ именительнаго. — Если же въ ударяемомъ слогѣ имѣется мягкая согласная только передъ одной изъ упомянутыхъ гласныхъ, а не при томъ и послѣ нея, то движеніе гласной не отражается такъ сильно, хотя и тогда обыкновенно вся артикуляція ея притягивается нѣсколько впередъ (*a* въ гласныхъ *a*, *o* при томъ повидимому и немного вверхъ). Гласную *a* въ такомъ положеніи по моему можно сопоставить съ «высокимъ» французскимъ *a* въ «*madame*»; обозначаемъ ее удобно знакомъ «*ä*» (между «*a*» и «*ä*»). Такое *ä* встрѣчается, конечно, весьма часто, напр. въ 3. мн. *řevät*, *gorät*, *srät*; ср. далѣе, напр., *vážu vážeš* и т. д. (вязать), *orožášu*. Инте-

ресенъ случай какъ неопр. *orojášat*, гдѣ занимаемое ударяемымъ *á* положеніе языка переводится и на слѣдующую гласную, при которой собственно отсутствуютъ вызывающія отгѣнокъ *á* условія. Въ парѣ единичныхъ случаевъ (напр. 3. мн. *jídāt* ѣдятъ, *govofāt*) я отмѣтилъ, что ударяемое *a* названнаго положенія можетъ, какъ исключеніе, переходить черезъ границу *á*, такъ что наблюдатель колеблется, передать ли его скорѣе *á* или *ä*. — Ударяемое *o* въ упоминаемомъ положеніи представляетъ сходныя съ *a* явленія. Цѣлая артикуляція гласной передвигается впередъ (и немножечко вверхъ) въ «*ö*», которое, пожалуй — заключаю косвеннымъ образомъ, помощью діалектическихъ звуковъ своего роднаго языка — можно сопоставить приблизительно съ французскимъ отгѣнкомъ *o*, напр., въ *dot*, *botte*. Такъ, напр., *lícö*, *podömtē* (-tö) пойдемте, 2. мн. *févitö*, 2. ед. *sujöš*. Особенно цѣнный для наблюдателя былъ случай какъ 3. ед. *boďöt*, гдѣ сравненіе съ чистымъ *o* было подъ рукой; ср. съ нимъ возвратную форму *boďötše* (-še? § 8), гдѣ слѣдующее послѣ гласной мягкое сочетаніе довершаетъ переходъ въ *ö*, о чемъ выше. Отношеніе *o:ö*, однако, не всегда отражается вполне ясно. Съ одной стороны, передвиженіе, подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука, можетъ быть такимъ минимальнымъ (напр., въ *döržyš*, держишь, Их. *tótka*), что различіе отъ *o* послѣ твердой согласной почти что исчезаетъ и становится сомнительнымъ; а съ другой стороны мнѣ казалось, что въ *o* послѣ мягкаго звука иногда замѣчается слѣдъ того, что гласная въ своемъ концѣ склоняется отодвинуться назадъ въ обыкновенную артикуляцію *o*. — Последнее указываетъ на черту, выступающую ярче въ гласной «*u*» ударяемаго слога подъ вліяніемъ предшествующей (но не при томъ и слѣдующей) мягкой согласной. Хотя и при *u* отмѣчены у меня случаи, въ которыхъ приходилось считать артикуляцію гласной въ цѣльности передвинутую впередъ, въ направленіе къ выше упомянутому *ü* (напр., въ 1. ед. *srü*; а въ примѣрѣ *bo-*гойй видимъ даже полное *ü*); но обыкновеннѣе только начинающая часть этой гласной подвергается передвиженію, между тѣмъ

какъ прочія ея части представляютъ собой постепенное движеніе въ обратномъ направленіи, пока конецъ ея не достигаетъ опять артикуляціи обыкновеннаго, задняго *u*. Такимъ образомъ, въ *postel'ü* можно передать послѣднюю гласную, условно, «*ü* + *u*» или «*üu*»; такъ же, напр., въ *dośú* («eśó he dośú»), *v-gajú* и др. Особенно удобные случаи для наблюденія представляли, напр., *kuđú*, гдѣ легко слышалось, какъ второе *u* въ своемъ концѣ совпадаетъ вполне съ *u* перваго слога, обыкновеннымъ заднимъ *u*, — и, съ другой стороны, *plújú* плюю, гдѣ можно было сравнить съ яснымъ, вполне развитымъ *ü*.

Переходя къ слогамъ неударяемымъ, найдемъ, что описываемое движеніе здѣсь достигаетъ дальнѣйшаго развитія. И безъ помощи слѣдующаго послѣ гласной палатальнаго звука, предшествующій таковой въ неударяемомъ слогѣ правильно притягиваетъ названныя гласныя впередъ (и вверхъ), и притомъ добавимъ, всю гласную — не только начальную ея часть — и вообще на степень сильнѣе, чѣмъ въ ударяемомъ. а доходитъ подъ такими условіями часто до *ä* (а въ единичныхъ случаяхъ еще далѣе, до *e*), и часто до *ü* и т. д. Слѣдуетъ, однако, сейчасъ отмѣтить, что многочисленные примѣры довольно разнообразны именно по степени передвиженія. Чистое *ä* имѣю, напр., въ слогахъ послѣ ударяемаго, въ *kúfnä* кухня, *kórnät*, *borónät*, «*orát he bábjä robóta*», *prókläta*, *postélä*, *rétlä*, *xl'pca* (род. отъ *xl'ibec* хлѣбецъ); такъ и при позднѣйшей палатализаци: *řetkă* (рѣдка; любопытно, что *ě*, а не *i*, см. § 4); ср. стянутую форму жен. р. *tol'kóveñkă*, т. е. -нкая¹⁾. *e* отмѣчено въ 3 мн. *tópet* топятъ при *tóřät*, *pośi[j]ena* посяна, *próklet* при *próklät*. А какъ показываетъ этотъ послѣдній примѣръ, переходъ а въ полное *ä* въ названномъ положеніи не составляетъ вполне неотступное правило; попадаетъ и «*ä*», хотя повидимому рѣже: *šúja* (родъ травы,

1) Здѣсь же можно указать на формы *tólk'ä*, *skólk'ä*; если это не ослышка вм. -*k'ě*, то имѣемъ въ нихъ параллельныя формы къ упомянутымъ въ § 5 *tólk'ö*, *skólk'ö*.

«rostót volnó»), záftřá (при záftře; ср. záftřik); а отмѣчено даже а (подъ вліяніемъ слѣд. ц?) въ прош. bájaц, ср. мн. bájełi. — Передъ ударяемымъ слогомъ видимъ, напр., kúāíña (княгиня; последнее -а вѣроятно описка вм. -ā или -ä), śājkóm чайкомъ, k-śāíú; безъ слѣдующаго палатальнаго звука, напр., zarfāglā¹⁾; далѣ řanú, съ чистымъ а, и zarfāgú, гдѣ удобное сравненіе съ первымъ слогомъ показывало, что второе а такое же какъ первое. Значить, въ слогѣ передъ ударяемымъ а не переходитъ въ ä и ā такъ легко и полно, какъ послѣ ударяемаго; но прихотливость развитія — въ зависимости, вѣроятно, отъ случайнаго образа рѣчи, темпа и под. — выходитъ изъ примѣра какъ неопр. řanút, при только что названномъ řanú; ср. plāsāt плясать, и въ 1 ед. даже plāšú. Развитіе а въ этомъ положеніи поневолѣ заставляетъ пользоваться выраженіемъ «склонность», а не «правило». — Подобное выходитъ для перехода и > ü, послѣ палатальнаго звука, въ неударяемыхъ слогахъ. Слогъ послѣ ударяемаго повидимому всюду, или же почти постоянно, выказываетъ полный переходъ. Такъ, напр., 1 ед. torgúü, iníü, имѣю, dēlajü, žalajü желаю, zagřebajü; 3 мн. stělüt, žouti[j]üt желтѣютъ, zagñótajüt загнѣтаютъ, rozdílivajüt раздѣливаютъ, и др.; удобные случаи для сравненія съ заднимъ и предшествующаго слога представляли вин. жен. р. drugúü, zľúü и др. Особенный интересъ представляетъ примѣръ bočátüü; второе ü принадлежить описываемому здѣсь явленію, а первое навѣрное обозначаетъ собой антиципацію этого же передняго положенія гласной; объяснить его происхожденіе вліяніемъ слѣдующаго i представляется труднымъ. Передъ ударяемымъ слогомъ могу привести только пару примѣровъ съ ü: křúśók крючокъ, klüjüt, съ мягкимъ звукомъ также послѣ гласной; далѣ śudá сюда.

Особый интересъ представляетъ изслѣдованіе гласной о подъ упоминаемыми здѣсь звуковыми условіями. Какъ уже сказано въ предварительномъ отчетѣ, говоръ насчетъ этого яв-

1) Гдѣ ā къ концу звучитъ какъ чистое а.

нія находится, такъ сказать, въ отступающемъ, но еще не оконченомъ движеніи; и можно добавить, что разные говоры окрестности стоятъ на разныхъ ступеняхъ развитія.

Чтобы найти правильную исходную точку для обсужденія вопроса, нужно прежде всего обратить вниманіе на произношеніе, сохраняемое въ Паньковѣ при выговорѣ отчетливомъ, слогъ за слогъ. Я наблюдалъ, что какъ полное о, съ предшествующей палатализацией, сохраняется въ такомъ выговорѣ всякое старшее е (первоначальное е и ѣ), какъ ударяемое такъ и неударяемое, если не слѣдуетъ за нимъ палатальный звукъ; въ 'о перешло далѣе и ѣ въ твердомъ слогѣ передъ ударяемымъ. Исключенія отъ этого правила имѣемъ въ сочетаніи ег, напр. въ на *vegú*, что объясняется раньше существовавшей палатализацией г (§ 12), и во второмъ е полногласныхъ формъ какъ на *begegú*, мн. ч. *begegá*, уменьшит. *begežók* (ср. напротивъ, произношеніе *veśogá*, *lepotát* или скорѣе, какъ увидимъ ниже, *leřótát* и др.), *šeredá*, глаголъ *begegú begegút*, *stégegú*; ср. и послѣ ударенія *beřek*, не* -řok; но подъ удареніемъ: *meřóža*, мн. -řóžu.

Говоръ представляетъ, такимъ образомъ, весьма много слоговъ, содержащихъ при медленномъ произношеніи гласную о съ предшествующимъ палатализованнымъ звукомъ. Спрашивается, какую судьбу имѣетъ такое о въ скорѣйшей рѣчи, какимъ путемъ идетъ развитіе. Можно для произношенія такого о возстановить рядъ ступеней, границы которыхъ съ одной стороны — о (гласная средней высоты задняго ряда), съ другой стороны — е (гл. средн. высоты передняго ряда); какъ промежуточныя точки для опредѣленія развитія, имѣемъ выше описанныя *ô* и *ö*; отъ послѣдняго, особенно при болѣе ослабленномъ произношеніи, шагъ къ вполне делябиализованному звуку, е, не дологъ; прибавлю однако, чего я касался и выше, что это *ö*, кромѣ делябиализаціи, отличается, повидимому, отъ е еще часто и немного болѣе заднимъ образованіемъ, на границѣ гласныхъ средняго (mixed) ряда.

Разсмотримъ и распредѣлимъ теперь по возможности имѣющіеся примѣры. Относительно о ударяемаго слога могу указать на то, что сказано уже выше; добавимъ, какъ примѣры съ «о», 2 л. мн. *zovetó* зовете, *točetó* толчете; приближеніе къ *ó*, но еще не полный переходъ въ *ó* отмѣчено, напр., въ *gobónok*; но какъ будто обыкновенное *o* въ 2 ед. *plóščoš* (ср. 1 ед. *plóščú*, неопр. *plóškát*); а сохраненіе *o*, хотя и со склонностью къ *ó*, но безъ ожидаемаго, подъ вліяніемъ мягкости и послѣ гласной, развитія въ *ó*, отмѣчено, напр., въ *kleńóš'e* клянешься.

Въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ отмѣчены разные оттѣнки. *ó* встрѣчается часто: *jóžá* (jóš ежъ), *zadóržát*, *l'ovónfej* Леонтій, *d'gržý* держи, 1 ед. *d'gržú*, ср. 2 л. *d'gržyš*; *xl'óstát* хлестать, наст. *xl'óščú* *xl'óščoš* и т. д.; *plóščú*, *zagnóťájút*; *pašón* мн. *pašóný*, *svedón* — *svedóný*, *nos* — *nóslá*, *prínešón* — *prínešóná*; *vódú* веду, ср. *plótú*, *břódú*. Встрѣчаются случаи, гдѣ произношеніе приближается къ *e*, даже переходитъ въ него; такъ, при *vózla* (vos везъ) слышалось и почти что *ve-*; при *šóvódní¹⁾* *še-*, при *skřóblá* *skřeblá* (*skřóbú* кребу); ср. неопр. *česát* чесать. Но въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ такой переходъ въ Паньковѣ повидимому рѣдокъ; гораздо чаще встрѣчались оттѣнки въ направленіе къ *o*; напр. *šóvódní¹⁾*, *gróbú*, *skřóbú*, *tóplá* (муж. *top*, кор. *теп-*), *nósú*, *rókú* 3 мн. *rókút* (пеку), *vózút*, *rovezóná*, *čvóla* цвѣла; частью скорѣе всего звучало обыкновенное *o*: *otošý* (отеши, ср. *тесать*), *nosút*, *jomú* ему, *svoła* (муж. *svoц* свелъ), *plóla* плела, *břošýt* («врать»); въ *robfołá* 'o уподоблялось вполне предшествующему *o*. Такъ какъ разные гласные оттѣнки выступаютъ въ одномъ и томъ же корнѣ (*robfołá* — *břódú* — *břódú* и др.), даже въ одной и той же формѣ, то не могу указать никакого правила для ихъ проявленія. За то, какъ правило можно, какъ видимъ, выставить, что въ слогѣ, непосредственно передъ ударяемымъ, произношеніе *o*, вмѣстѣ съ передними оттѣнками *ó* и *ö*, еще рѣшительно преобладаетъ. —

1) Ждемъ -vó-, см. § 5, § 18, и къ тому § 16.

Для слоговъ передъ ударяемымъ, но дальнѣйшихъ, не отмѣчено такъ много матеріала; но по имѣющимся примѣрамъ, напр. *rō-tux'í*, можно сказать, что лабиализація склонна исчезать и оставить *e*, особенно въ болѣе скорой рѣчи.

Послѣ ударенія артикуляцію нужно, по § 2, считать вообще менѣе отчетливой; можно, поэтому, ждать, чтобы развитіе *'o*, обозначающаго собой старшую, неослабленную гласную ступеньку, въ направленіе къ *e* пошло здѣсь дальше, чѣмъ въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ. Такъ и оказывается. Хотя можно еще, при особенно медленномъ произношеніи, напр., въ мн. ч. повелительнаго глагола лягу слышать *lékto* съ полно развитымъ *o*; но такое произношеніе нужно назвать до извѣстной степени вычурнымъ, искусственнымъ; въ обыденной рѣчи форма, смотря по темпу и отчетливости, колеблется между *lékto* и *lékte*, И такъ постоянно въ повелительномъ. При болѣе довѣрчивой, скорой рѣчи *-té* (*izgotôte*) уже было обыкновенной формой; но существуетъ при томъ и *-tō*, *-to*; послѣднее отмѣчено, въ особенно медленной рѣчи, даже передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ (*he deŕitōs*, въ скоромъ темпѣ *-teš*), конечно, по аналогіи съ невозвратной формой, такъ какъ слѣдующій мягкій звукъ требуетъ собственно *e*.—Подобное колебаніе замѣчается въ формахъ наст. времени; напр., 3. ед. *kléplōt* и *-let*; любопытны здѣсь (ср. § 10, о выпаденіи *i*) отношенія какъ *imájōt*: *imáet*, *zакrójōt*: *zакróet*; ср. далѣе 2. ед. *jidōš*, *-eš* ѣдешь; 1. мн. *posrjōm* поспѣемъ; 2. мн., напр. *jidetō* и *-te*, ср. выше о повел.; и во 2. л. мн. наст. видимъ *'o*, *'ō* по аналогіи переведеннымъ въ возвратную форму: *boitōs*, ср. повел. *he bójtōs* и *-teš*.—Возвратныя формы глаголовъ постоянно колеблются между *-šō* и *-še*; напр. пов. *he bójšō*, прош. *bojácsō* и *-še*, 2. ед. наст. *boíše* и *-šō*, и т. д.; нужно, значить, здѣсь постоянно припоминать, что хотя отмѣчена, можетъ быть, лишь одна форма, а слышится, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и другая.—А то же самое проходитъ и черезъ другія формы. Напр., *dvugrívōpoj* или же *-vépoj*, съ чистымъ *e*; обыкновенно *víŕer* вѣтеръ, но въ медленной рѣчи *-for*,

-tör; rérół (о -ł см. §§ 9 и 16); tróđö и -je; «dénűska né-bóх а mílűđöt». Въ сравн. степени, напр., prośnéđö и -je. Въ причастіи прош. чистое е, напр. въ paríéděno (напрядено, второе е ясно тождественно съ первымъ), rogrűžen, -žena и др., не исключаетъ появленіе «ö» въ томъ же окончаніи. Если о, ö беретъ верхъ, какъ, повидимому, напр. въ ćotyřóch четырехъ, то это вѣроятно объясняется вліяніемъ формальной категоріи, ср. «трѣхъ»; ср. вполне неорганическій твор. pócđöđ (ночью) при скоромъ pócđej.

Можетъ быть, иной хотѣлъ бы оспорить, что имѣемъ право считать полное, дѣйствительное о, а не напр. «ö», исходной точкой этого движенія. Но видимъ точно такое же развитіе и тамъ, гдѣ о не изъ е, а первоначально, между тѣмъ какъ предшествующая палатальность возникла позже. Ср. bólűö и -ne, больно, давńóхóńko, -kő и -ke, смотря по темпу, хотя послѣдняя форма обыкновенна; bătűńke, и медленно -ko; xogośėńkő, «съ исчезающей лабиализаціей». Ср. въ муж. р. прилагательныхъ žarkőđ (жаркій), ćórsvoj (черствый): śėłskőđ, źelėńėńkőđ и -keđ, и др.

Но, хотя и Паньковскій говоръ ушелъ уже далеко въ отступающемъ своемъ движеніи отъ 'о къ 'е, особенно въ скорой рѣчи, изъ сравненія ряда отдѣльныхъ случаевъ, оказывается, что Ихалицкій говоръ ушелъ еще гораздо дальше; этого любопытнаго отношенія я касался бѣгло уже въ предварительномъ отчетѣ. Въ Ихалицѣ е, во многихъ случаяхъ, одолѣло съ виду окончательно; напр., ро-тőđemu, ср. Паньк. ро-тőđömu, rőgter¹⁾, род. мн. sőšen; такъ даже въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ: Их. koleső — Паньк. kolöső, ośevő — П. ośovő (отъ чего), řepłő, břevńő (мн. břovńa); ср. отъ стараго ř Их. řeka, řekű, źvezďa (мн. źvězdy), gńezďo (мн. gńózda) řezďók (а П. řozďók, řздокъ), ředók (а П. řodók); далѣе, напр., Их. pľetű, řesű řesűt, u řvekróvi (а ср. u řvókra), řebrő (мн. řobra);

1) М. б., впрочемъ, чужое слово; ср. обыкновеннѣе употребленное řama; однако ö говорить за приращенность.

даже *žená*¹⁾, ср. однакожь «*nášo dĕlo ěe vášo*», «*mášot rukóĵ*».

Но хотя Ихалицкій говоръ развитъ далеко на пути къ вытѣсненію 'о, однако никакъ нельзя говорить въ этомъ отношеніи о «правильности»; оказывается, что описываемое явленіе и въ этомъ говорѣ путанно. — е уже владѣетъ въ иныхъ словахъ, такъ въ большинствѣ выше приведенныхъ; иногда (напр. *řeká*) по моему источнику безъ соперника; но если видимъ, съ одной стороны, *řetúx*, *ěemóĵ*, то съ другой стоятъ *řosná*, *šloróĵ* съ яснымъ 'о; слышится не только *mógo*, *rólo*, *vĕmno*, гдѣ 'о могло поддерживаться категоріей формы, но и, напр., *řovó*, *řomú*. При томъ, въ Ихалицкомъ, какъ въ Паньковскомъ, говорѣ можно указать примѣры съ двойнымъ произношеніемъ; такъ, напр., *šeló* и *šóló* село, *vĕdró* и *řodró*, *řetýře*, а при медленной рѣчи и *šo-*; и 'о, или грапчащіе съ нимъ оттѣнки, выступаютъ часто въ положеніяхъ, гдѣ объяснить ихъ можно только помощью старшей, исчезающей традиціи; напр., 2 ед. *kóloš* колешъ. Кажется поэтому безсомнѣннымъ, что звуковая подкладка и исходная точка въ этомъ явленіи въ Ихалицѣ тождественны съ Паньковскими; оба говора развиваются по одному и тому же звуковому направленію; только ступеньки, до которыхъ дошли одинъ и другой, нѣсколько различны.

— Отдѣльные примѣры заставляютъ спросить, не дѣйствуетъ ли и предшествующая шипящая согласная, хотя сама по себѣ «твердая», такимъ же образомъ на гласныя а, и, о какъ «мягкая» согласная? Въ ударяемомъ положеніи я остановился только на единичномъ случаѣ изъ Панькова: въ неопр. *voř[d]-žátše* возжаться отмѣчено явственное «*â*»; на немъ, конечно, невозможно строить заключенія. Въ неударяемомъ положеніи могу привести для гласной а опять только мало случаевъ; въ 3 мн. *dóřžat* держать я слышалъ обыкновенное а; если сравнить его съ прош. мн. *doržálĵ*, съ а, не *â*, то я остался при впечатлѣніи, что *ž* не

1) А въ Паньк. за то и въ дат. мѣст. *žóne*.

дѣйствуетъ на а иначе, чѣмъ какая либо твердая согласная; другое впечатлѣніе оставляетъ сравн. ст. góžajä (при góžejdö); но за то здѣсь нельзя забывать возможное вліяніе, въ гармонизирующемъ направленіи, слѣдующаго, правильнаго ä. Для и отмѣчено, напр. въ žujü жуу, что передвиженія послѣ ž не замѣтно. Остается гласная о; за то при ней отмѣчено не мало примѣровъ, указывающихъ на передвиженіе. Такъ, часто во 2 л. ед.: léžöš ляжешь, plóščöš (plóškát плескать), móžöš; ср. 3. ед. móžöt, mášöt (ср. ниже), 1. мн. móžöm; а также въ другихъ формахъ, напр. d'úžöj, Их. mlátšöj младшій, pšónišnaja пшеничная, роlóžöno. Но, при томъ, напр., dóšovo, paríšom, čášok, pasažonö съ яснымъ о, «mášöt rukój», и под. Значитъ, можемъ только говорить о «склонности», границы которой остаются неясными. А и все явленіе мнѣ неясно въ фонетическомъ отношеніи. Объяснить упоминаемое здѣсь ö изъ е помощью лабиализаціи шипящихъ (ср. § 8), представляется по моему невозможнымъ. Правдоподобнѣе, можетъ быть, предположить въ неударяемомъ положеніи послѣ шипящихъ извѣстное общее ослабленіе артикуляціи гласныхъ (ср. часто «э» и въ образованномъ русскомъ, напр. въ «же»), на основаніи котораго и о могло бы приближаться къ извѣстному, трудно опредѣляемому «ö» широкаго (ненапряженнаго) образованія. Небезвѣроятно, что вліяетъ при томъ и характеръ слѣдующаго звука (čášok : mášöt); при слѣдующемъ «зубномъ» переходъ въ ö какъ будто состоитъ легче. Въ ударяемомъ слогѣ о, повидимому, оставалось послѣ шипящихъ чаще неизмѣненнымъ; напр. bolšöj, neužöli.

§ 14. Лабиализація. Предыдущій параграфъ показалъ, что ö отличается слабымъ употребленіемъ губъ, склоннымъ исчезать. Какъ употребленіе губъ слабѣе въ ö, чѣмъ въ о, такъ оно и менѣе сильно при ü, чѣмъ при и. Въ гласныхъ задняго ряда степень этой лабиализаціи соответствуетъ вообще ихъ внутренней напряженности и высотѣ; въ ö губы закрываются сильнѣе, чѣмъ въ о, а въ и опять вообще сильнѣе, чѣмъ въ ö.

Особая артикуляція этихъ лабиализованныхъ, а особенно заднихъ лабиализованныхъ гласныхъ имѣеть, конечно, вообще способность переходить и на окружающіе звуки; частью только особое положеніе губъ, а частью и внутреннее положеніе языка; и то и другое можно собрать подъ выраженіемъ «лабиализація».

На слѣдующія согласныя лабиализація въ описываемомъ говорѣ имѣеть такъ мало вліянія, что можно оставить его безъ вниманія; ср. вообще съ образованнымъ русскимъ языкомъ. Что касается до перехода и вліянія лабиализаціи лабиализованной гласной на согласныя предшествующія, то это явленіе, сколько мнѣ извѣстно, еще недостаточно освѣщено для русскаго языка. Изъ сказаннаго о немъ Свитомъ для московскаго произношенія (Russian Pronunciation, Transactions o. t. Philol. Soc. 1877—1879, стр. 550) отмѣчу:¹⁾ лабиализація, придающая извѣстнымъ предшествующимъ согласнымъ «the back-round quality of a weak english w», замѣчается прежде всего въ х, въ сочетаніяхъ хо, ху. Въ сочетаніяхъ му, мо лабиализація ясно слышна въ самой согласной. Въ сочетаніяхъ го, ко, бо, по слышится только «the off-glide», т. е. переходный звукъ отъ согласной къ гласной, подобный полу-подавленному и²⁾, такъ что непривычное (англійское) ухо склоняется слышать то «ко», то «kwo». Только гортанныя и губныя согласныя лабиализируются этимъ образомъ. И уже по своей природѣ вмѣщаетъ въ себѣ столько свойственной гласной и артикуляціи, что въ немъ и не можемъ ждать различія между «нелабиализованнымъ» и «лабиализованнымъ» видами. Кромѣ и и о также у (ы) имѣеть лабиализирующее вліяніе на упомянутыя согласныя, почему сочетанія вы, мы, бы производятъ дифтонгическое впечатлѣніе, «to a foreign ear something like ui».

Нѣтъ сомнѣнія, что за этими наблюденіями знаменитаго англійскаго фонетика скрываются явленія, заслуживающія даль-

1) Транскрибирую трудные знаки Bell.

2) Собственно, по Свиту, англ. «w».

нѣйшаго, обстоятельнаго изслѣдованія. Мои собственныя, къ сожалѣнію слишкомъ бѣглыя наблюденія надъ языкомъ образованныхъ русскихъ вполне подтверждаютъ существованіе указаннаго Свитомъ произношенія; но не смѣю пока рѣшить, съ одной стороны, очертилъ ли онъ вѣрно границы этой лабиализаціи, не является ли она, напр., иногда и при зубныхъ и принадлежитъ ли она постоянно гортаннымъ и губнымъ, — а съ другой стороны, не зависитъ ли очевидно болѣе или менѣе сильное развитіе явленія отъ діалектическаго различія¹⁾.

Въ описываемомъ сѣверновеликорусскомъ говорѣ о гласныхъ о и у можно, повидимому, сказать какъ общее правило, что предшествующая согласная антиципируетъ ихъ степень лабиализаціи, т. е. адаптируется къ ихъ артикуляціи; заключаемъ это (ср. при палатализаціи, § 12) особенно отъ отсутствія особаго гласнаго переходнаго звука между согласною и гласной; пользуясь экспонентомъ, можемъ выразить это условно картинами «*п^о*», «*п^и*» и под. Какъ далеко доходитъ эта лабиализація въ сочетаніи согласныхъ, въ полной или слабѣйшей степени, пожалуй, не всегда поддается такъ легко рѣшенію наблюдателя, такъ какъ эта добавочная артикуляція можетъ явиться въ сочетаніи постепенно; но приведу какъ интересный случай «*от^овог^иūt*», отвернуть, гдѣ лабиализація, въ полной и ясной степени, доходитъ сплошь до слогораздѣла.

Передъ *о* согласная, какъ отмѣчено уже въ § 5, склонна, повидимому, принимать сильнѣйшую степень лабиализаціи, чѣмъ свойственная гласной, а именно степень гласной *у*; можно условно обозначить это примѣрно «*д^ув^ог*» дворъ, «*к^уѳ*» котъ и под. Дальнѣйшее развитіе гласной, къ которому ведетъ это явленіе, достаточно освѣщено въ § 5.

Присвоить «лабиализацію» и согласнымъ, предшествующимъ гласной *у* (*ы*), мнѣ представляется, по разнымъ соображеніямъ,

1) Finck, въ своихъ транскрипціяхъ съ объясненіями въ Phon. Studien IX, согласуется вообще съ наблюденіями Свита, а новаго по этому вопросу не даетъ.

неудачнымъ¹⁾. Въ § 1 указано, что артикуляція самой гласной «у» зависитъ до извѣстной степени отъ окружающихъ, особенно предшествующихъ звуковъ. Это, конечно, не мѣшаетъ гласной передать, съ своей стороны, извѣстнымъ предшествующимъ согласнымъ свойственное ей положеніе языка. Въ какой степени это дѣлается, не могу пока рѣшить. А въ губныхъ согласныхъ описываемаго говора (какъ и въ языкѣ образованныхъ русскихъ) мнѣ кажется, будто антиципація свойственнаго (заднему) у(ы) положенія языка существуетъ только, такъ сказать, отчасти; во время закрытія губныхъ, задняя часть языка поднимается въ область верхнихъ гласныхъ задняго ряда и занимаетъ приблизительно положеніе ненапряженнаго и; только послѣ открытія губнаго затвора, задній языкъ довершаетъ свое движеніе отъ этого неяснаго «и» въ ясную артикуляцію «у», о которой въ § 1. Въ промежуткѣ отъ открытія губнаго затвора до достиженія языкомъ этой артикуляціи, т. е., когда съ одной стороны остались еще исчезающіе слѣды лабиализаціи, въ узкомъ значеніи слова, а съ другой задній языкъ еще не успѣлъ вычеканить артикуляцію «у», звучитъ, если не постоянно, то весьма часто переходный звукъ, глухое и, придающій иногда слогу до извѣстной степени дифтонгическій характеръ (условно «габцѹ» рабы). Свое пониманіе этого явленія, не согласующееся вполне со мнѣніемъ Свита, опираю и на томъ, что тамъ, гдѣ послѣ губной слѣдуетъ «у» ослабленнаго, поэтому болѣе низкаго образованія, напр. въ неударяемой частицѣ -бы, переходный звукъ «и» по моему выступаетъ слабо или совсѣмъ нѣтъ.

Предоставляя дальнѣйшее изслѣдованіе этого явленія — напр., и вопросъ, перемѣняется ли также положеніе губъ въ губныхъ передъ ы — самымъ русскимъ, перехожу къ вліянію лабиализаціи въ описываемомъ говорѣ на непосредственно предшествующую гласную. Единственная гласная, поддающаяся по

1) Свигъ, пользуясь терминомъ «лабиализація», спрашиваетъ, не указываетъ ли это свойство гласной ы до сихъ поръ на первоначальный, праславянский видъ ея, и. Не могу убѣдиться въ возможности такого объясненія.

моему наблюденію замѣтнымъ образомъ вліянію слѣдующей лабиализаціи, это — вообще довольно подвижное о. Передъ ц, напр. въ тоцкнѣтъ толкнуть, тоцкѣ толку, тоцс толсть и под., о звучитъ безсомнѣнно болѣе «закрытымъ», чѣмъ, напр., въ домъ. Эту закрытость слѣдуетъ очевидно прежде всего приписать сильнѣйшему закрытію губъ; вызывалась ли при томъ и перемѣна во внутренней артикуляціи, т. е. въ положеніи задней части языка, я не въ состояніи рѣшить, но склоненъ отрицать.

Прим. Въ гласной о слѣды такой лабиализаціи могутъ даже выступать внѣ границъ того слога, гдѣ имѣемъ дѣйствующую причину (и, ц, ѳ). Такъ, въ формахъ прош. вр. какъ роѳѳцъ, роѳѳѣ, коѳѳцъ, роѳѳцъ порѳѳъ, въ 3. мн. богѳѳѣтъ, неопр. коѳѳѣ, роѳѳѣ и др., въ воѳѳѣ, мн. воѳѳѣ замѣчалось, какъ нерѣдко (не могу сказать постоянно) и первое о принимало немного болѣе закрытый видъ, чѣмъ обыкновенное то, до и под. А въ прош. роѳѳѣтъ потолокъ, роѳѳѣтъ пошелъ извѣстное слабое дѣйствіе ц достигало не только ближайшаго о (см. выше), но и о въ ро-, различающагося поэтому на малость отъ ро- въ, напр., роѳѳѣтъ пособи. Такииъ же образомъ о звучало нерѣдко немножко болѣе закрытымъ передъ слогомъ съ и: па-бокѣ, ф-роѳѣ. — Не хочу я скрывать этого наблюденія и моего пониманія его, хотя рѣчь идетъ здѣсь о минимальныхъ различіяхъ, не играющихъ при томъ важной роли въ фонетикѣ говора. Особенно приведенное отношеніе роѳѳѣтъ, роѳѳѣтъ: роѳѳѣтъ позволяетъ заключить о дѣйствующей причинѣ, какъ я это сдѣлалъ. Однако, при обзорѣ примѣровъ невольно бросается въ глаза, что всѣ эти слоги, въ которыхъ я предполагаю вліяніе извѣстной «гармонизирующей» склонности — неудаемые, и при томъ имѣютъ о послѣ губной или же гортанной согласной. Поэтому и спрашивается невольно, не содѣйствуетъ ли къ болѣе закрытому произношенію и «лабиализація» предшествующихъ гортанныхъ и губныхъ въ

описанной Свитомъ формѣ¹⁾, проходившей вообще незамѣченной для моего уха?

О свойственной согласнымъ *š* и *ž* лабиализаціи и ея вліяніи на слѣдующее е можно указать на сказанное въ § 8.

§ 15. Замѣтки объ извѣстныхъ звукахъ въ концѣ и въ началѣ слова. Разныя черты при столкновеніи согласныхъ. Какъ сказано въ § 6, встрѣчаемъ иногда, въ концѣ слова, гласныя, потерявшія свою голосность. Но это не правило или обыкновенная склонность; напротивъ, не только конечныя гласныя сохраняютъ обыкновенно голосъ, но и конечныя плавныя и носовыя, если имъ предшествуетъ гласная; ср. сказанное о словѣ *toréř* въ § 12. — Иначе, если согласной упомянутаго рода предшествуетъ согласная; тогда исчезаетъ не только голосность, но вся артикуляція. Такъ получается имя Александръ въ формѣ *Ołoksán*; развилась ли эта черезъ промежуточную форму **-sánt(r)*, не можемъ болѣе рѣшить. Ср. формы какъ *osmót* род. -*tra*, *osmotř*, *dôř* добръ, жен. р. *dobrá*.

Въ концѣ слова нашъ говоръ потерялъ далѣе постоянно *t* старшаго сочетанія *st*; *s* сохраняетъ старшую палатализацию такого сочетанія. Такъ, напр., *křos* крестъ, *das* дать, *ĵes* ѣсть (новѣе *jes*), *tořs* толстѣ, *xvôs* род. *xvostá*, *zvěs* род. мн. отъ *zýozdá*, *gñês* р. мн. отъ *gñozdô*, *naizús* наизустъ, «*on sřlovís*» (т. е. словистъ, «*sřlovám* (*govorít*) *řóvok* *on*»), «*gorás* *govorít*» (гораздъ); *straś* страсть, *goś* гость, *ĵis* ѣсть. — Съ этой потерей *t* послѣ *s* въ концѣ слова связывается, конечно, и исчезновеніе его въ примѣрѣ какъ *řisřa* листьа.

Изъ начала слова отмѣчу, что гласная безъ *ĵ*-, напр. *on*, *ešćô* («*eš[t]šo*», ср. § 8), *ikřá* и др., начинается повидимому нормально тѣмъ, что называется у Сиверса «*leise gehauchter Einsatz*»;

1) Т. е., выражаясь коэффициентомъ, приблизительно «^uко», «^uто» и под.; см. выше.

т. е., она не начинается «взрывомъ», внезапнымъ разрываніемъ раньше сдвинутыхъ голосовыхъ связокъ, но такъ, что голосовыя связки сдвигаются въ положеніе звучности, когда выдыханіе уже успѣло начаться черезъ сначала открытую голосовую щель (ср. Sievers, Grundzüge и т. д., 5. изд. 382 сл., особенно 388). — Замѣчательную черту представляетъ при этомъ начальное е слова этотъ, въ абсолютномъ началѣ и медленной рѣчи; е само, по § 12, всегда не напряженно, «открыто», независимо отъ гласной слѣдующаго слога; а передъ нимъ, при упомянутыхъ условіяхъ, выступалъ обыкновенно слабый призывъ болѣе закрытаго качества, какое-то «ё»; условно можно писать, напр., «*éétot*», только съ тѣмъ, что *é* нужно представить себѣ какъ особенно краткій звукъ, сильно «редуцированный» по сравненію съ обыкновенными гласными. Объясненія этого, ни въ какомъ другомъ примѣрѣ встрѣченнаго явленія, не умѣю дать ¹⁾. При скорѣйшей рѣчи е- звучало однообразнымъ съ самого начала. Объ е- этого слова въ сочетаніи съ предшествующей согласной ср. сказанное въ § 12.

Объ упомянутой нормальной артикуляціи гласной въ началѣ слова, безъ «взрыва» въ кадыкѣ, можно было бы предположить, чтобы она вообще облегчала слитіе въ дифтонгическое сочетаніе начальной гласной съ предшествующей конечной гласной, оканчивающейся съ своей стороны, по § 3, безъ смыканія голосовыхъ связокъ. Такое слитіе, между тѣмъ, не кажется обыкновеннымъ; я не отмѣтилъ примѣровъ его, а напротивъ наблюдалъ, какъ, напр., въ «*не ишубіс*», не ушибсь, -е да и- сохраняются какъ два вполне отдѣльныхъ слога.

Прим. Слитіе конечнаго слога съ слѣдующимъ начальнымъ въ одно сочетаніе дифтонгическаго характера я наблюдалъ въ единичномъ случаѣ, именно въ выраженіи «не

1) Въ словѣ *імо*, имя, я впрочемъ далъ себѣ вопросъ, не предшествуетъ ли і нѣсколько болѣе узкая артикуляція, сближающая форму къ «*жімо*».

ржи». Начальное г слова гѣу составляетъ, если не для говорящаго, то во всякомъ случаѣ для наблюдателя особый, второстепенный слогъ, «г»; а съ предшествующимъ ѣ вышло «ѣг-ѣу», гдѣ г притянулось къ предшествующему слогу въ качествѣ согласной. Однако, такое слогораздѣленіе составляетъ исключеніе отъ обыкновеннаго правила, высказаннаго уже въ § 3, объ общей склонности къ «открытости» слоговъ. Это правило не абсолютно; напр., кромѣ упомянутаго въ § 7 слогораздѣленія внутри согласныхъ долгихъ, я отмѣтилъ случай какъ olek-sí[ɨ] (Алексѣй); но обыкновеннѣе иначе; такъ, постоянно наблюдалось дѣленіе ku-zńéc (не kuz-ńéc); отмѣчено даже, напр., tóŋ-šce (толще; о тѣхъ -е см. § 8), а не tóŋš-ce, хотя слогораздѣленіе при šc по § 8 обыкновенно лежитъ внутри этого сочетанія; и прямо противъ «ѣг-ѣу» стоитъ отмѣченное въ § 14, по вопросу о лабиализаціи, раздѣленіе «otvo-rńút», отвернуть. Поэтому и не придаю случайному наблюдению о слитіи ѣ съ слѣдующимъ г- особеннаго значенія.

Перемѣну начальной гласной имѣемъ въ извѣстномъ переходѣ і въ у послѣ твердой согласной; напр. J'xalı́ca, но s-ŋxalı́ci; s-ŋńom (s-ŋńeńom, ср. Морфологию); s-ŋkńoi; «а v-ŋńŋx-ŋkńa», а въ иныхъ икра; такъ и послѣ k: k-ŋńańovń dńi.

— Въ § 7 уже упоминалось, какъ обыкновенные въ литературномъ русскомъ языкѣ законы о голосности и безголосности согласныхъ, въ паузѣ и въ сочетаніяхъ, наблюдаются и въ описываемомъ говорѣ: ŋeŋx, céŋkof оставляютъ г голоснымъ; но ассимиляцію къ безголосности слѣдующей согласной видимъ, напр., въ t на мѣстѣ старшаго d слова řetko řědko, и мн. др.; обратное уподобленіе является, напр., въ «kag zdńıaŋ» какъ сдумаль, pášŋx: pášŋŋ dńeŋj, řež gńot и под.

Примѣръ pášŋŋ- показалъ намъ длительное ŋ, происшедшее подъ вліяніемъ уподобленія изъ x. Оно встрѣчается еще и между гласными, въ извѣстныхъ изъ литературнаго языка слу-

чаяхъ какъ *bóγu*, *k'lenús bóγom*, *boγátoĭ*, *boγátsvo* (съ потерей второго *t*). А далѣе оно развилось передъ слѣдующимъ *d*: *koγdá*, *ńekoγda*. Подобное развитіе *k* видимъ передъ *t* въ чужомъ словѣ *dóxtur* и въ мѣстоименіи *xto*; но съ другой стороны имѣемъ *kóktĭ* когти, тв. *koktám*; ср. *k-tĕm dnám*. Значить, развитіе не возстановило всюду одно и то же. О слитіи *k + k*, *g + k* и под. см. § 7.

Послѣднія замѣтки уже касаются столкновенія согласныхъ. Мы стоимъ здѣсь передъ предметомъ изъ «ученія о комбинаціи звуковъ», заслуживающимъ большаго вниманія, чѣмъ то, что обыкновенно надѣляется ему. Общія принципы остаются, повидимому, тѣми же самими, которые даетъ Сиверсъ въ своихъ «Grundzüge» (ср. Богородицкій, уп. соч. стр. 46 сл.). А это не должно остановить наблюдателя въ изученіи разныхъ подробностей. Пользуюсь случаемъ, чтобы коснуться двухъ-трехъ такихъ подробностей.

Мы уже отмѣтили, по поводу палатализаціи (§ 12), какъ столкновеніе звуковъ *d* и *t* приводитъ къ произношенію съ однимъ закрытіемъ и взрывомъ; долгота собственно двухъ звуковъ сохраняется тѣмъ, что удлиняется пауза между закрытіемъ и взрывомъ; такъ получаемъ «*t̄*», «*d̄*». Палатальнымъ такой звукъ становится только тогда, если вторая часть первоначальнаго сочетанія палатализована; а если только первая часть палатальна (*t̄ + t*, *d̄ + t* и пр.), то она теряетъ дорсальную свою артикуляцію, повидимому вполне. Такъ происходитъ, напр., «*kaĭ pa-zváto*», какъ назвать то, «*ĭĭtúdá*» ѣдь туда, «*śétúdá*» сядь туда; но *ĭĭt̄e* ѣдьте, *śét̄e* сядьте и т. д. — Взрывъ согласной *t* далѣе теряется въ сочетаніи какъ «отъ чего»; но здѣсь, повидимому, теряется и возникшая первоначально при слитіи долгота (въ паузѣ); по крайней мѣрѣ мой Ихалицкій источникъ произноситъ чистое «*ośevô*»; ср. разныя замѣчанія по поводу шипящихъ въ § 8.

t передъ *ĭ* — перенимающее по § 12 палатализацію отъ послѣдняго, т. е. *t̄* — теряетъ характерный ему, напр., въ положе-

ни передъ гласными взрывъ; оно взрывается черезъ *I*, т. е. «латерально» (Сиверсъ, 462 сл.); такъ напр. въ *hêt:hêtli, rêtla* петля и под.

Подобнымъ образомъ взрывъ становится «носовымъ» (Сиверсъ 465 сл.) передъ *n*, напр. въ *plótńiki, dńa*; ср. къ этому мою статью въ Сборникъ въ честь О. Корша, стр. 275 сл. также передъ *í*, напр. въ *stříca* встреча¹⁾, пропадаетъ характерный для *t* взрывъ. Именно эти явленія часто затрудняютъ рѣшеніе вопроса о палатальности или непалатальности помощью акустическаго впечатлѣнія, такъ какъ принадлежащій характерному концу согласной «переходный звукъ» (напр., послѣ *t*, передъ гласной, звукъ «*chi*», ср. § 12) часто даетъ наблюдателю наилучшій критерій для опредѣленія самой артикуляціи согласной.

Болѣе любопытно въ этой связи, впрочемъ, сочетаніе какъ «*rêt-rudôf*» пять пудовъ. И здѣсь обыкновенный взрывъ *t* не состоится; уже раньше губы закрываются, образуя *p*, а открытіе артикуляціи *t* состоится внутри закрытаго рта; ср. къ этому замѣтки Сиверса, 5. изд., 457. И въ такомъ сочетаніи теряется всякое впечатлѣніе «палатализованнаго *t*». — Передъ другими губными, напротивъ, *t* и *d*, повидимому, сохраняютъ самостоятельный взрывъ, напр. въ *dvéři, Matvíj, d'vonáset* двѣнадцать (во всѣхъ по § 12 «мягкая» зубная). Подобнымъ образомъ взрывъ *t* состоялся передъ *k*, напр. въ *útka*, род. *útki*; потому и легко было установить въ послѣдней формѣ мягкость *t*; такъ и въ *řetka* рѣдка (ср. § 43).

Примѣръ *lôkoj* легкій показалъ намъ, въ § 7, что *k* передъ *k* развивается какъ *t* передъ *t*, о чемъ мы только что говорили. *k* передъ *t* или развивается въ *x* (ср. выше), или же остается неизмѣненнымъ; а въ такихъ случаяхъ, напр. *k-tebê*, оно сохраняетъ самостоятельный свой взрывъ. Подобнымъ образомъ оно взрывается передъ *č*, напр. въ *k-čágu* къ царю. Также передъ *l* и *n*, напр. *k-nóci* къ ночи, *k* сохраняетъ обыкновенный

1) Отмѣчена при томъ форма *fstříca*.

свой передъ гласными взрывъ, а не взрывается «латеральнымъ» или «носовымъ» образомъ; ср. выше, о *t* въ подобныхъ сочетаніяхъ.

То же самое слѣдуетъ подчеркнуть при губной взрывной согласной передъ *l*, напр. *b* въ *blíže* (-ѣ, см. § 8): *b* (твердое) взрывается передъ тѣмъ какъ языкъ занимаетъ свойственное *l* положеніе.

Прим. Стяженіе, заслуживающее вниманія, не смотря на его обособленность, отмѣчено въ словѣ «пьяница». Въ медленной рѣчи оно звучало, какъ ожидается: *рjéńíса*; по въ скорѣйшей рѣчи *рjéńса*. Между двумя однородными согласными *ń* и *с* языкъ, въ слабо ударяемомъ слогѣ, не успѣлъ отторгнуться отъ нѣба для образованія узкой гласной *i*; *ń* является теперь, со своимъ удлиненіемъ, на мѣстѣ *ńi*; выдыхательный напоръ этого слога совершенно исчезъ, и слово перешло такимъ образомъ въ двуслоговое.

§ 16. Замѣтки о развитіи описываемаго говора; старое и новое. Въ предисловіи я уже очертилъ, для правильной оцѣнки разныхъ явленій, главныя линіи, по которымъ слѣдуетъ вліяніе чужихъ ідіомовъ на описываемый говоръ. Какъ сказано тамъ, слѣды вліянія съ юга, съ московскаго произношенія, рѣдки и слабы; они, пожалуй, ограничиваются единичными случаями аканья, о которыхъ не можемъ рѣшить, получены ли они прямо или черезъ сѣверную столицу. Укажу на характерный такой случай: твор. *vaľom* воломъ; не только форма, но и самое слово *voľ* собственно чуждо говору, употребляющему для этого понятія «*сіішсopođ* бук».

Тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, по разнымъ причинамъ, указаннымъ въ предисловіи, тотъ самый сѣверновеликорусскій языкъ, къ которому принадлежитъ и описываемый говоръ. А какимъ образомъ — это понятно само собой, и уже часто указывалось въ отдѣльныхъ точкахъ Фонетики нашего описанія. Общія

черты всего сѣверновеликорусскаго, какъ напр. оканье, остаются вообще нетронутыми; особія черты говора подвергаются перемѣнѣ по направленію къ возстановившейся навѣрное уже давно, такъ сказать, «сѣверновеликорусской нормѣ».

Первая типичная черта этой ассимиляціи повидному — потеря гласной *o*; при старомъ *давнo* даже у такихъ консервативныхъ элементовъ какъ мой главный Паньковский источникъ слышалось *давнo*, и под. Что перемѣна зависитъ отъ вліянія извнѣ, выступаетъ явно. У тѣхъ, которые бывали въ Петербургѣ, *o* исчезаетъ скоро. Поэтому оно въ самомъ Шуйскомъ уже слышится по моимъ наблюденіямъ довольно рѣдко, исключая, когда говорятъ развязно, болѣе «домашнимъ» образомъ. Населеніе Шуйскаго именно отправляется въ большемъ числѣ, иные дома пожалуй поголовно, въ сѣверную столицу, на заработки¹⁾.

О прочихъ перемѣнахъ въ томъ же направленіи не могу высказаться насчетъ очереди; онѣ возникаютъ повидному всѣ рядомъ. Самаго широкаго развитія достигло, кажется, замѣщеніе звука *ц*, развитаго изъ старшаго *l* (*l*), этимъ самымъ звукомъ. Въ § 9 я уже высказался объ этомъ явленіи. Не исключена возможность, что къ возстановленію *l* содѣйствуютъ и окружающія формы того же корня въ самомъ говорѣ; когда при *мѣц* мѣтъ у моего консервативнаго Паньковского источника уже чаще употреблялось *мѣl*, то въ этомъ отчасти могутъ быть виноваты косвенные падежи, *-lц*, *-lом* и под., съ законнымъ *l*. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что переходъ отъ старѣйшей формы, какъ напр. прош. вр. *ѣац* *ссалъ*, къ новѣйшей (и сознательно новѣйшей) *ѣаl* обозначаетъ собой во многихъ случаяхъ сознательное усвоеніе чужаго произношенія; вопросъ въ томъ, не вызвано ли это какъ будто обратное движеніе цѣликомъ вліяніемъ извнѣ.

1) Вліяніе полу-образованнаго столичнаго говора понятно принимаетъ иногда, напр. у молодыхъ подрядчиковъ, карикатурныя формы, съ употребленіемъ выраженій какъ «я Вамъ скажу», «знаете что» и под. на весьма неподходящихъ и весьма многочисленныхъ мѣстахъ рѣчи.

Исключительно послѣднимъ образомъ объясняются указанные случаи вторженія новаго (и сознательно новаго) а, въ отгѣнкѣ ä (ср. литературное произношеніе), на мѣсто принадлежащаго самому говору е, напр. въ govñát при govñét, dādā при dēda; это ужъ явныя формы столичнаго и школьнаго языка.

Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ же образомъ слѣдуетъ объяснить также новѣйшее, болѣе «ученое» роjés поѣсть при старшемъ роjís, соответствующемъ развитію говора (§ 4), вѣроятно далѣе ко mñe при ko mñe ко мнѣ, а можетъ быть и 3. ед. jēs їсть при болѣе обыкновенномъ jēs (ср. однако сказанное въ § 4). Лично я и думаю, что отмѣченное при «v-odnóm-to mñste» «...mñste» обозначаетъ собой вліяніе извнѣ¹⁾; противъ этого не говорить гласный отгѣнокъ ё, который отражаетъ здѣсь по моему мнѣнію «закрытое» е образованнаго русскаго языка (ср. мѣстѣ: мѣсто). Но ё въ mñsté можно, конечно, объяснить и помощью аналогіи изъ формъ вродѣ mñsto, mñsta и под. Во всякомъ случаѣ, нужно обратить вниманіе на то, что черты, различающія нашъ говоръ отъ столичнаго произношенія на почвѣ стараго ї, удерживаются вообще очень цѣпко, вѣроятно потому что онѣ, вполне или отчасти, принадлежатъ весьма широкому кругу сѣверновеликорусскихъ нарѣчій. Прислушиваясь къ говору на улицѣ Шуйскаго, я дошелъ до заключенія, что менѣе всего подвергаются измѣненію тѣ случаи стараго ї, гдѣ оно развилось, по § 4, въ і.

Объ описанномъ въ § 13 «отступающемъ» движеніи нашего говора отъ о съ предшествующей мягкой согласной черезъ ъ въ е, нужно сказать, что оно принадлежитъ само по себѣ внутреннему развитію говора. Но нѣтъ сомнѣнія, что эта склонность въ новѣйшее время получила сильную подпору въ вліяніи извнѣ, вѣроятно особенно изъ образованнаго, «литературнаго» произношенія.

Въ связи съ отмѣченными, такъ сказать грубыми, всѣмъ сейчасъ видными чертами вліянія извнѣ, не могу обойти вопроса,

1) Не говоря уже о формѣ odnóm; ср. выше.

не преобразовались ли и болѣе тонкія, труднѣе уловимыя стороны произношенія, какъ то темпъ и интонація рѣчи, въ этихъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ того же самого теченія изъ чужихъ идіомовъ? Объ интонаціи и темпѣ я высказался въ § 3, что они, у Ихалицкой старушки какъ и около Шуйскаго, не удаляются по моимъ наблюденіямъ замѣтно отъ того, что обыкновенно слышится у образованныхъ сѣверныхъ русскихъ, стоящихъ подъ вліяніемъ столицы и высшей школы. Но это не значитъ, чтобы нарѣчіе въ упомянутомъ отношеніи и раньше совпадало съ этимъ же типомъ произношенія. Напротивъ, Ихалицкая старушка указала, что говорили тамъ въ ея дѣтство болѣе «протяжно». Я попробовалъ отыскать въ ея памяти кое-какихъ слѣдовъ того старшаго положенія дѣла, на которое она какъ будто намекала; но не удалось уловить ничего опредѣленнаго, кромѣ указанной въ прим. къ § 5 черты по интонаціи: что дифтонгическое сочетаніе, появившееся на почвѣ стараго *ô*, выговаривается у нея съ нисходящимъ тономъ, что не соответствуетъ наблюдаемому изъ Панькова произношенію.

Хотя эта черта сама по себѣ незначительна, но она вмѣстѣ съ упомянутымъ указаніемъ старушки достаточно чтобы доказать, что и по этой части существовали въ нарѣчій особенности, заслуживающія вниманія. Имѣемъ поэтому право спросить, не разошлись ли линіи раньше въ сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь, и не сгибаются ли онѣ теперь подъ вліяніемъ извнѣ?

Для окончательнаго рѣшенія этихъ вопросовъ требуется прежде всего внимательное изслѣдованіе сѣверновеликорусскихъ говоровъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей этого края—прекрасная задача для музыкально образованнаго наблюдателя. То, что сохраняется въ Ихалицѣ, можетъ быть, только въ памяти старыхъ людей (ср. выше о темпѣ) или въ маленькихъ остаткахъ (ср. интонацію *ô*), не безвѣроятно выступить въ живой, болѣе ясной формѣ, или можетъ быть какъ часть болѣе крупнаго явленія, въ болѣе отдаленной, глухой мѣстности.

II. Морфологія.

Морфологія описываемаго говора не отличается отъ обыкновеннаго сѣверновеликорусскаго типа. Безъ матеріала по морфологіи однако трудно составить себѣ ясное понятіе о говорѣ; потому считаю не лишнимъ его привести. Указывая на разные параграфы первой части можемъ довольствоваться вообще простой транскрипціей; сохраняя, напр., знаки ä, ü, ö, обозначающіе собой полное развитіе описаннаго въ § 13 движенія, оставляю безъ вниманія промежуточные между ними и обыкновенными а, (и), о оттѣнки ä, ö которые обозначаю здѣсь просто а, о.

§ 17. Существительныя. Отмѣтимъ какъ характерную, хорошо извѣстную черту номинальной флексіи, совпаденіе дательнаго и творительнаго падежей множ. числа въ формѣ перваго. Исключая это, флексія соответствуетъ, вообще, системѣ литературнаго русскаго языка.

1. Основы на -а, -ја.

Ед. ч. И. gorá

Мн. ч. И. góru

Р. gorý

Р. gôr

Д. М. gorê

Д. Т. gorám

В. góru (ná-goru pód-goru).

М. goráx

Т. goróĭ

Ср. nogá — nogí — nogê — nógu — nogóĭ; мн. nógi — nôk — nogám — nogáx. goľová : мн. góľovy — goľôf и т. д.; skovorodá : мн. skóvorody — skovorôt.

šostrá—šostřý и т. д. ударяетъ въ им. мн. šostřý, род. šestór и т. д.; такъ же žoná въ им. мн. ударяетъ žoný (žon, žonám и т. д.).

Оттянутое удареніе въ дат. ед. (Прогр. § 1) отмѣчено въ g-žíme, къ зимѣ, k-stórohe (ср. o žímě, na storohe); но только «k-žövò gołově», g-borohe, k-stíhe и т. д.

Особой формы для звательнаго пад. не найдено; кричатъ, напр., mámeňka! ¹⁾.

púlā	púli
púli	pul
púle	púlam
púlu	púlah.
púlōi.	

Въ твор. ед. при púlōi часто слышится и -lei; эту форму можно считать или собственной «мягкой», ср. моск. пулей, или же развитою изъ -ōi по § 13; такъ, отъ púca видимъ púcei и, при вычурномъ произношеніи, также -cōi.

dušā	dúšy
dušý	duš
dušē ²⁾	dušám
dúšu	dušáh.
dušōi.	

Ср. ofcá м. ofcé, мн. ч. ofcí — ovéс и т. д.

Род. мн. въ заимствованной изъ основъ на -i формѣ отмѣченъ, напр., въ voždžá возжа ³⁾: мн. voždžy—voždžéj, или «vožd-žōi» подъ вліяніемъ ž, ср. § 8.

1) Ср. «báuška» вм. батюшка.

2) О произношеніи см. § 8.

3) Къ сочетанію ždž ср. сказанное въ § 8.

řísna пѣсня въ род. мн. имѣтъ řísen; прочіе формы — «мягки».

ďéngi въ дат.-твор. мн. при ďéngam имѣтъ также -dam; ср. § 12.

2. Основы на -o, -u и -jo.

а) *Слова мужскаго рода.* Какъ въ литературномъ языкѣ, видимъ теперь въ сущности только одно склоненіе, съ извѣстнымъ различіемъ между «твердыми» и «мягкими» основами. Остатки флексіи основъ на -u, образованіе множ. числа на -a и на -ja, род. мн. ч. изъ основъ на -i и др., подобно какъ въ литературномъ языкѣ, дѣлаетъ картину этого склоненія, съ исторической точки зрѣнія, пестрою, такъ какъ традиція, какъ всѣмъ извѣстно, распредѣляетъ разныя образованія по словамъ или группамъ словъ, не соотвѣтствующимъ первоначальной группировкѣ. Примеры:

dom	domá
Р. Д. dómu	Р. domôf
Т. dómom	Д. Т. domám
М. dóme	М. domáx.

řes	řosá
Р. řesa, řesu	řosôf
Д. řesu	řosám
Т. řesom	v-řosáx.
М. v-řise, v-řosú.	

Къ род. ед. ч.: говорятъ, напр., dva řesa; но ср. řiz řosu; отъ řvét род. всегда совпадаетъ съ дат., řvétu; ср. мѣст. na řvíte. Лишь форму на -a видимъ, напр., въ mužyk — mužyká, множ. mužykí, mužykôf и т. д.; úгоц уголь — úgla; úзоц узель — úzla, гдѣ z вм. ожидаемаго ř въ им. привлекаетъ вниманіе.

Прибавимъ здѣсь же примѣры «мягкаго» типа:

čar	čarí
čará	čarěj
čarú	čarám
čaróm	čaráh.
čarě.	

kuréc — kurcá и т. д., мн. kurcí — kurcóf и т. д.; о произношеніи окончанія род. мн. см. § 5. klúc («отъ замка»), мн. klúci, въ род. имѣетъ -céi или -cóf. И въ мягкихъ основахъ встрѣчается род. ед. ч. на -и, напр. išvíńcú, изъ свинца.

Мѣстный пад. ед. ч. на -ú, послѣ предлоговъ на и въ, ср. выше v-losú, встрѣчается часто: на řugú, на mostú, v-govú (гофровъ), f-sadú, на bokú, f-pořkú, na-pořú, f-snogú (въ снѣгу), на uřlú, f-řkarú, на řerxú, v-godú, на řerégú (ср. § 13), на pořotú (на полетѣ); v-rařú.

Именительный множ. на -á, ср. выше domá, řosá, также обыкновенное явленіе; напр. řlazá, řugá, řerégá, řerogá (вечера), kuřará (kúřar кучеръ), dořturá. Но řogřöby (řogřor погребъ), řněgi отъ řněk снѣгъ; обь ё ср. § 4.

Родительный пад. мн. ч. въ краткой формѣ отмѣченъ, напр., въ «řöğs řas» шесть разъ (о формѣ числительнаго ср. § 8); řer arřyn; řaldát при řaldátot.

Именительный пад. множ. ч. въ формѣ собирательнаго встрѣчается часто, какъ и въ литературномъ языкѣ; какъ здѣсь же нужно группировать случаи по ударенію; соотвѣтственно съ послѣднимъ распредѣляется форма родительнаго пад.

1. Удареніе не на конечномъ слогѣ; какъ род. множ. употребляется тогда старый род. пад. единственнаго числа отъ собирательнаго на -ie, -ье; такимъ образомъ формы Им., Род. и вин. падежей множ. ч. теперь совпадаютъ. Напр. stuđ стуль: и. в. мн. stúřja, род. также «vřogó stúřja» много стульевъ; řur зубъ: řurbja («vřrabřáh», иначе řuby — řubóf и т. д.); řéřer: ře-

véřja; řist: řiřja (§ 15); kámeň (р. kámňa и т. д., въ мѣстномъ, съ удареніемъ на концѣ, на kamně): kańěňja; kóreň: kořěňja; řěmeň: řěměňja. Ср. еще nókot ноготь: nokótja (Их. nógot: nogótja); но řápot мн. řápti — řáptěj и т. д.

2. Удареніе на конечномъ слогѣ; родительный пад. мн. ч. тогда согласуется съ литературной формой -ей. Напр. kńes князь: kńežjá — kńežěj; druk другъ: družjá — družěj — družám, при drúgi — drúgof и пр. Такъ и въ расширенныхъ образованияхъ: brat — bráta: bratovjá, -věj, -vjam; muž — múža: mužovjá, -ověj; syn — sýna: synovjá, -ověj; kum: kumovjá; žet: žetevjá, -věj.

Какъ въ литературномъ языкѣ čort, чертъ во мн. ч. имѣетъ čerti — čertěj и т. д., sušet сосѣдъ sušídí — sušidej (или sušedof).

— Къ описанному здѣсь склоненію примыкаетъ и типъ (môj) syníško, род. syníška, дат. syníšku и т. д.

Существительныя на -инъ: xřešjénin (крестьянинъ; ср. xřeštijaínin християнинъ): мн. ч. xřešjana — xřešjan — xřešjanam; tatárin: tatára — tatár и т. д.; bárin: bára — bár; gospodín: gospodá — gospôť. Ср. xožein: xožeeva (§ 10) — xožejof. Иначе řúrín: řurovjá — řurověj.

Слова на -енокъ согласуются вполне съ литературнымъ языкомъ; напр. robónok — robónka и т. д., множ. ч. robáta — robát и т. д.; telónok: teláta — telát и пр.

6) Слова *средняго рода*. Мягкія основы заимствовали въ им.-вин. ед. ч. окончаніе твердыхъ: mófo море; подъ удареніемъ однакожъ это окончаніе различается отъ твердаго: řólô село, но řicó, řejcó яйцо; ср. § 5. Примѣры:

město	móstá
města	móstof
městu	móstám
městom	móstáx.
na mǐste.	

gńozdô — gńozdá — gńozdú — gńozdóm — gńizdě; мн. ч. gńězda — gńěs — gńězdam или gńozdám — gńězdax или gńozdáx. Когда

dělo во множ. числѣ выказываетъ dělā (р. děl) — dělām — dělāx, а не *dōlā и т. д., то это зависитъ, конечно, отъ церковнаго или школьнаго вліянія; см. § 16; такъ же, вѣроятно, произошли формы telā — telōf и т. д., отъ tēlo тѣло.

rólō	rolā
rolā	rol или rolēj
rolū	rolām
rolom	rolāx.
role.	

Такъ же mōgo: мн. mōgā, род. mōf или mōřej.

Данные примѣры уже показываютъ, какъ колеблется родительный пад. мн. ч. между старой формой и заимствованной изъ мужскаго рода. Ср. еще, напр., slōvo: slōvā — slōf, šolō: šola — šol, liśo: liśa — liś, oknō: okna — okon; но řismō: řisma — řismof при řísen (п!). Полный переходъ въ мужской родъ видимъ въ «odín jáblok», мн. -kj. — jejcó яйцо, въ род. мн. соответствуетъ литературной формѣ: jeíc.

Множественное число въ формѣ собирательнаго видимъ, напр., въ kguľō: kguľja, съ дальнѣйшей флексіей какъ въ подобныхъ словахъ мужскаго рода. — řōgō во множ. ч. обыкновенно употребляетъ форму řōguška. Ср. еще žognō, съ мн. žōgna, род. žōgnof, или же žéfūata, род. -ńat.

Развитію въ литературномъ языкѣ соответствуютъ ūcho: мн. ūšu — ušēj — ušām, ōko: мн. ócí — ocēj и пр., kolēno: kolíní — kolíněj. Но pľecó: мн. pľesa, род. pľec, и пр.

3. Основы на -i и остатки основъ на согласной.

Въ женскихъ основахъ на -i слѣдуетъ отмѣтить вторженіе окончаній дательнаго, мѣстнаго и творительнаго падежей ед. ч. изъ другихъ основъ; напр. poś, р. pōsí, д. м. pōse, тв. pōśjōj (-śjej, см. § 13); мн. pōsí — pośēj — pośām — pośāx. koś кость,

мн. *kósti* — *kostéj* и пр. Послѣ *š*, *i* принимаетъ видъ *y*: *voš*, мн. *fšy* — *fšej* и пр.

Послѣ предлоговъ *въ* и *на*, мѣстный падежъ часто имѣетъ удареніе на конечномъ слогѣ, выказывающемъ въ такомъ случаѣ гласную -*ê*: *v-nočê*, *f-rañetê* въ памяти, *na lošadê*, *v-étôj vołostê* и др.

Женскія основы на -*г* слѣдуютъ вообще основамъ на -*і*. Сохраняется однако различіе между именительнымъ и винительнымъ падежами: *dóc*, р. *dóceři*, д. м. -*ře*, т. -*řěj* (-*ej*), вин. *dóceř*; мн. *dóceři*, -*řej*, -*řám*, -*řáx*. Такъ же *mat*; въ этомъ словѣ въ настоящее время какъ вин. употребляется однако и форма *mat*.

Въ *ľubóf*, *ľubóvi* и пр. гласная *ô* привлекаетъ вниманіе; ср. § 5. Тв. *ľubóvřěj* вѣроятно описка вм. -*bô*-. Ср., съ другой гласной, *krof* кровь, *króvi*, *křóvřěj*. — *čerkof* перешло въ твердую основу, склоняющую какъ *gorá*: р. *čerkvy*, д. м. *čerkvé*, т. *čerkvoj*; мн. *čerkvy*, *čerkvám*, *čerkváx*; однако род. мн. *čerkvéj*.

— Мужское «*путь*» въ нашемъ говорѣ перешло въ женскій родъ: *odná put*, вин. «*на êtu put*»; р. д. м. въ этомъ словѣ еще совпадаютъ, насколько я слышалъ, въ формѣ *putí*; раньшій родъ сохраненъ въ твор. падежѣ: *drugím putóm*. Во множ. числѣ предпочитаютъ *dorógi* — *dorók* и т. д., отъ *dorôga*.

Въ словѣ *děň* род. имѣетъ форму *dñi* («*ot tovô dñi*») при *dña* («*třetóna dña*»); дат. «*k-tomú dñi*»; т. *dñóm*, м. *dñê*; мн. *dñi* — *dñej* — *dñam* — *dñáx*.

— Основы среднего рода на -*n*: *ímô*, р. *íña* (*ínä*), д. *íñu*, т. *íñom*, м. *íñe*; мн. *íñaná* — *íñán* и т. д. При этомъ видимъ дат. «*proímeñi*», твор. и род. «*sýmeñom Iván*, *bezýmeñi boľván*», мѣст. *obýmeñi*; но стары ли эти формы или новыя, подученныя, это не видно. Ср. *vřéímô*, -*íña*, -*íñu*, м. -*íñe*; мн. *vřeíñaná*, -*íñán*; въ твор. ед. ч. отмѣчено «*so vřeímeñom*». По этимъ примѣрамъ склоняются еще *břeímô*, *znáímô*, *pláímô*, *šíímô sěmja*, и *ťímô temja*.

Слово «*дитя*» я слышалъ въ ед. числѣ частью какъ средній родъ, *pášo dítá*, а частью въ сочетаніи *odná dítá*, о дѣвочкѣ;

оно повидимому вообще рѣдко. Во множ. числѣ отмѣчены и. dīti, р. dītēi (при болѣе частомъ, повидимому, dētki, dētok), д. т. dītām, м. dītāx. Слово стоитъ во флексійномъ отношеніи вполне про себя.

— Формы какъ čudesá р. čudēs и пр. (ед. ч. čúdo), ěbesá ěbēs и пр. (ńobo, ср. м. «на šómóm ěbe») уже своими гласными е въ твердомъ слогѣ, вм. 'о, доказываютъ чужое свое происхождение.

§ 18. Мѣстоименія; слѣды «члена».

1. Мѣстоимѣнія, не различающія родовъ.

ja	ty	
meńá	tebá	šeбá (Ср. въ возврат-
mńē	tebē	šeбē ныхъ глаголахъ
mnoĭ	tobóĭ	sobóĭ -šo, -se, -ś).

my vy

nas vas

Д. Т. nam vam.

xto kovô komú kēm kôm. ščo, što covô comú cēm com.

2. Мѣстоимѣнія, различающія роды; выбираю нѣсколько примѣровъ.

он, онô: ĭovô — ĭômú — ĭim — ĭôm

она: ĭejô, Д. М. Т. ĭôĭ

оńē, оńí: ĭix — ĭim.

Названныя формы употребляются и послѣ предлоговъ: k-ĭômú, ob ĭôm, ś-ĭôĭ (собственно к и т. д.), и под. Формы им. мн. числа повидимому не распределяются по родамъ; оńí — обыкновенно въ связи предложенія, оńē — при паузѣ.

môĭ, moĭó : moĭonó — moĭomú — mo[ĭ]ím — moĭóm; жен. р. moĭá, р. moĭôĭ или moĭiĭó, в. moĭú, д. м. т. moĭôĭ; мн. ч. moí — moíx (mo[ĭ]íx) — moím. Къ род. ед. ч. жен. р. ср. svoĭôĭ или svoĭiĭó. — Иное ударение, подобно литературному языку, видимъ въ выраженіяхъ ро mójomu и под. — naš, nášo : nášova — nášomu — nášum — nášom; жен. р. náša, р. nášoĭ или nášyĭo, в. nášu, д. м. т. nášoĭ; множ. ч. nášy — nášyx — nášum.

tôt, tó¹⁾ : tovó — tomú — tēm — tôm; ta : tōĭ или tyĭó — tu — tōĭ; мн. tē — tēx — tēm.

étot, éto : étova — étomu — étim — étom; éta : в. étu, всѣ прочіе надежи étoĭ; мн. éti — étiĭx — étim. О произношеніи е — см. § 15.

«сей» осталось только въ извѣстныхъ выраженіяхъ, какъ то sédni или sovódní, se[ĭ]cás.

ceĭ (чей), cĭo : cĭonó и т. д.; cĭa : род. имѣетъ лишь одну форму, cĭejó, д. и пр. cĭôĭ (ср. § 5); мн. cĭi (а иногда скорѣе «cĭi») — cĭiĭx и пр.

Sam, samó : samonó и пр., твор. samím; samá : р. samôĭ или samyĭó, д. м. samôĭ, вин. samoĭú. Мн. ч. sámni — samíx — samím.

ves, fso : fsonó — fsmú — fsm — fsm; fsa : р. fsôĭ, fsĭiô, в. fsu, д. и пр. fsôĭ; fsē — fsēx — fsm.

Вполнѣ какъ прилагательное склоняется kotôroĭ; при томъ отмѣчены, впрочемъ, и краткія формы: «sôĭô, kotôro...», «ta, kotôra...», вопросительно «kotôra byĭá?», и под. — Ср. еще kakôĭ, kakôĭo : kakóna и т. д.; kaká[ĭ]a : р. kakôĭ или kakíĭo и т. д.; мн. kakíĭo — kakíx; какъ видимъ, вполнѣ склоненіе прилагательныхъ; такъ же, конечно, и сочетанія вродѣ kakôĭ-to, étaka[ĭ]a и под. — Какъ относительное и вопросительное мѣстоименіе видимъ еще kôĭ, kôĭa, мн. kôĭ; ср. «áka[ĭ]a žoná», тоже самое что kakáĭa-to.

— Изъ формъ выше названнаго мѣстоименія tôt развились

1) Какъ неударяемая частица to, см. ниже. Являющаяся иногда какъ мѣстоименіе форма to очевидно чужая; см. § 16.

слѣды того, что можемъ называть «членомъ», явленіе, хорошо извѣстное изъ разныхъ сѣверновеликорусскихъ мѣстностей.

Въ формѣ им. ед. муж. рода отражается еще старшій видъ мѣстоименія; напр. *příměr-ot*, *samovár-ot*, *učitel'-ot*, «на *mýs-ot*, за *řokóĭ*». Прочіе именительные падежи ед. числа соотвѣтствуютъ ожидаемому: *žoná-ta*, *karaúlka-ta*. Именит. мн. числа интересенъ своей формой, отличной отъ самостоятельной (ударяемой) мѣстоименной формы: *góry-ti*, *uceńikí-ti*, «*krupnýĭo ka-ménja-ti*».

Исключая именительный, видимъ этотъ членъ въ соотвѣтствующей данному падежу формѣ лишь въ вин. ед. ч. женскаго рода: Их. *f-tótmu-tu*, въ Тотьму *tó*, «на *močíu-tu*», *žonú-tu*. А здѣсь уже и слышится *to*: «на *řeřelífku-to*». Послѣдняя форма въ прочихъ падежахъ является постоянной, переходивши, такимъ образомъ, въ хорошо извѣстную частицу: *žoný-to*, о *žoně-to*, *žonóĭ-to* (съ ж-); *učítěla-to*, *učítělu-to*¹⁾, *učítělem-to*; *uceńikóf-to*, *uceńikám-to*, *uceńikáx-to*; «*vodě řikí-to*»; «*vodý-to*».

И при сѣловахъ не существительныхъ находимъ иногда «членъ»; ср., напр., «*boľšyi-ti*» («die grossen»), «по *tě-ti gódy*», «*děřevá, — točstyi-ti*». Про частицу *to* это разумѣется само собой: *ón-to*, *mńě-to* и под. Въ парѣ подобныхъ сочетаній отмѣчено не *to*, а *ta*: *proglotíta* (проглотить), «*ne košíta*» (вм. *košít-ta*).

§ 19. Прилагательныя. *bočátoĭ*, ср. р. *bočátoĭo*: *bočátavo*, *-tomu*, *-tym*, *-tom*; жен. р. *bočátaĭa*, в. *-tuĭu*, всѣ прочіе падежи *-toĭ*; мн. ч. *bočátyĭo* (*-ĭe*, см. § 13), *-tyx*, *-tym*.

При удареніи окончанія частью перемѣняются видъ (ср. § 5): *złóĭ*, *złóĭo*: *złóva — złómu — złym — złóm*; *złáĭa*: *złáju — złóĭ*; *złýĭo — złyx — złym*. Также, напр., *głuxóĭ*, *głuxóva* и пр.; мн. *głux'íĭo*, *głux'íx*.

1) Одинъ разъ отмѣчено, въ дат. муж. ед. ч. *tu*, но вѣроятно это ослышка. *to* различается отъ самостоятельнаго мѣстоименія *tó*, очевидно, вслѣдствіе своей безтонности.

Въ названныхъ прилагательныхъ отмѣчена лишь одна форма родительнаго пад. ед. ч. жен. р.; но ср. выраженіе «и добруѡ жонѹ» при «и dōbroj. .»; такъ же mołodýjo; ср. слѣдующій ниже примѣръ мягкой основы.

Къ приведенной формѣ именительнаго пад. множ. ч. слѣдуетъ добавить, что у крестьянина изъ Баскакова, подъ Шуйскимъ, я слышалъ ясно и -yja. Не могу отрицать, чтобы существовала эта форма и у другихъ; но у главнаго моего источника все слышалъ -yjo. При томъ, передъ «членомъ» (ср. предшествующій параграфъ), видимъ, напр., bolšýi-ti, toustýi-ti; послѣднее, при особенно отчетливомъ произношеніи, получило выше упомянутую форму -ýjo.

śínei, ср. р. śínejo: śínova — śínomu — śínim — śínom; жен. р. śíneja: в. śínú[j]ù, р. śínej или śínijo, д. и пр. śínej; мн. ч. śínijo — śínix — śínim.

Въ им. пад. ед. ч. мужскаго рода слова útřeñej отмѣчено также, но какъ болѣе рѣдкая форма, окончаніе -ǫj; гласная о заимствована здѣсь очевидно изъ твердыхъ основъ, какъ, напр., въ литерат. «землѣй». Въ rózñǫj поздній только это окончаніе и отмѣчено.

Краткія формы прилагательныхъ не даютъ вообще повода къ замѣчаніямъ; ср. примѣры въ родѣ pōtrōv-dēñ Петровъ день, pōtrōva-dñi, pōtrōvu-dñi и пр.; óśjō gñozdō осье гнѣздо, хўже («-жѡ») óśja gñozdá и под. Къ сравненію съ формами литературнаго языка привожу нѣсколько примѣровъ: róbok, góрко, горкá, мн. góрки; ср. длинную форму горкój робкій. dólók дологъ, k'épok, lómok, lónok, nízok, rólon, tónok; slátok сладокъ, mákok мягокъ. korotók, logók. zoł; но góu къ góloj, съ ожидаемымъ переходомъ -l въ -u, см. § 9. mólot молодъ; ср. dōp добръ; но опять о въ strok, къ strógoj строгій, какъ и tous толстъ. — śílón, x'itór, vostór, umón umná; kísoł, slóbódōn (и -dēn, ср. § 13), vígōn (-fēn). Ср. еще goréс горячь.

Въ среднемъ родѣ видимъ извѣстную намъ изъ § 5 разницу между -o неударяемымъ и -o ударяемымъ; xólodno, dalóko,

ládno, móžno, órasno, tómno, trúдно, vnôgo много и др., — но bôlô, хорошô, dûžô, glybokô глубоко, gožô, lokô, šyrokô, topłô, vysokô.

Добавлю здѣсь же рядъ примѣровъ прилагательныхъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, въ различіе отъ принятаго въ литературномъ русскомъ (ср. Программу и т. д., стр. 5): gíaznôj žarkôj krupnôj lofkôj (но lóvok, см. выше) lûtôj mîodovôj prîosnôj ropkôj (при rópkoj робкій) surovôj strašnôj soňôj tosnôj tolstôj (о l:ц ср. § 9) toščôj ustałôj šatkôj jôtkôj (ѣдкій); xîen gořkôj, рѣже góřkoj. Но, напр., tópkôj, vóstroj, cósvojj черствый, и мн. др.

— О короткой формѣ сравнительной степени, ср. литературное -ѣе или -е, отмѣтимъ, что ѣ, и послѣ и подъ удареніемъ, выступаетъ въ видѣ е, чего не ожидаемъ передъ слѣдующею мягкою согласною: boγatějô, bilějô, gnîlējô и др. (§ 4). Примѣры эти показываютъ конечное, первоначальное -е въ ожидаемомъ при отчетливомъ произношеніи видѣ 'о; а такое 'о опять, по § 13, часто принимаетъ форму -е. Поэтому обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что -е сравнительной степени, когда ему не предшествуетъ ѣ, не отмѣчено мною никогда въ формѣ -'о, а только какъ -е: šýře, kogôce, kírîce крѣпче (і корня заслуживаетъ вниманія, ср. § 4); lëkce; въ немъ е корня (не 'о) указываетъ на мягкость слога, какъ и і предшествующаго слова. Далѣе, напр., dôle, bôle, mène. Послѣ ž и š это -е получаетъ (ср. § 8) приблизительно характеръ нѣмецкаго неударяемаго е, напр., въ Gabe: mołôžə, nížə, réžə, blížə, cíščə, poglàžə, stróžə, glybžə (glybókoj глубокий), xúžə, výšə, stáršə. При l въ bôlšə, dálšə отмѣтимъ твердое n въ tónšə, ménšə.

При окончаніи -ejô (-eje) находимъ часто -aja, а отсюда далѣе -a[i]a, -aa; ср. развитіе въ глаголахъ на -ать. Законно развитымъ слѣдуетъ, конечно, считать это окончаніе въ случаяхъ какъ звонца; но оно распространилось далеко, какъ самостоятельное окончаніе и является, такимъ образомъ, и тамъ, гдѣ ожидается -ejô. Видимъ, напр., bilējô volnéjô xítřejô xolodnéjô stu-

deńéjō śilńéjō serdítejō po-śńirńéjō — no umńája vostrája teplája śńilá[j]a po-líváa, polévěe, po-jedřeńáa (крѣпче, громче?). И ту и другую форму имѣемъ, напр., въ skořéjō — skořá[j]a, proćńéjō — proćńá[j]a, góžejō — góžājā (§ 13). Тоже самое положеніе дѣла наблюдалось и въ Их. и въ окружающихъ Шуйское селеніяхъ. Получилось впечатлѣніе, будто форма на -aja болѣе обиходная въ домашней рѣчи.

§ 20. Числительныя.

odń, odńō: odńovō и т. д.; odńá: р. odńōj или odńujō, в odńú, прочіе падежи odńōj; множ. ч. odńē — odńēx — odńēm; формъ съ гласной і во множ. числѣ не найдено.

dva, жен. р. dvě: dvux — dvum.

tři — třox — třom.

čotýřo — čotýřox — čotýřom.

Сочетаніе этихъ числительныхъ съ существительными и прилагательными соотвѣтствуетъ повидимому литературному русскому: dva mŭža. čolověka; dva šolá, р. dvux šox, м. dvux šoláx и пр.; dva bořátyjō šolá, dvux bořátux šox; dvě báby, dvux bar; dvě zľýjō báby. Въ женскомъ и среднемъ родахъ встрѣчается, однакожъ, въ именительномъ падежѣ и употребленіе именительнаго множ. числа. Такъ: dvě nogí или dvě nógi, dvě gorý или dvě góry, tři gorý или tři góry; čotýřo mēsta или mōstá; ср. съ прилагательнымъ: dva xorōšyjo mēsta или... mōstá.

Съ формами dva ср. óba (всегда съ род. ед. ч., málčika, šolá), ж. р. óbe. Прочіе падежи совпадаютъ для всѣхъ родовъ: obēx, obēm. Формы въ родѣ «обое» неизвѣстны; ср. сущ. obōji, р. -jof: обои на стѣнѣ.

řet. «шесть» выговаривается приблиз. «šöeš», см. § 8. šem. vōšem. děvet. děšet.

od'īnācet¹⁾. dvōnācet. trinācet. cōtyrnācet. patnācet. šosnācet. šomnācet. vosmnācet или osmnācet. dēvatnācet.

dvācet, dvācet od'īn и т. д. trīcet. sōrok. pēdesāt. šōzdesāt (ō приближается къ «ə», см. § 8; ср. выше šosnācet). šēmdesāt. vōšemdesāt. dēvanōsto.

Склонение числительныхъ отъ pēt включительно проводить -і черезъ всѣ падежи; такъ и въ творительномъ: s-pētī cōlovēkam (им. pēt cōlovēk). Въ винительномъ пад. живыхъ существъ обращаетъ на себя вниманіе употребленіе двухъ формъ: on ubīc pētī cōlovēk или pēt cōlovēk; такъ же pētī bar или pēt bar (бабъ); но, конечно, всегда (gubīc) pēt šoc, селъ. — vōsem въ косвенныхъ падежахъ звучитъ ošmī, напр. k-ošmī. — Въ сложныхъ числительныхъ видимъ, напр., pēdesāt — pētīdesetī и под., ср. литературный языкъ.

sto въ косв. падежахъ имѣетъ sta, а для дат. падежа отмѣчено при томъ и stu. Въ сочетаніи съ предлогомъ удареніе, если не постоянно, то весьма обыкновенно отходитъ на этотъ: nā-sto., ū-sta., sō-sta cōlovēkam, ó-sta и т. д. — 200: dvā-sta и dvē-stī²⁾ употребляются смѣшанно, не завися отъ рода. Под. dvux sot и т. д. trīsta. cōtyřesta. pēt sot и т. д. týseća.

Собирательныя: dvōjo, trójo; dvōjo málčikof, u dvoix m-f, g-dvoim málčikam* и пр. — četvoro. pētōro (-fero). Къ «шесть» видимъ «šōéstero», ср. § 3 и § 8. šéméro. óšméro. dēvetéro. dēsefero и т. д.; находимъ, напр., и dvācefero, trīcefero.

— pērvōj ftorōj třetěj četvórtoj pátoj šostōj šomōj ošmōj dēvátōj desátōj od'īnācatōj dvōnācatōj... dvačátōj trīcátōj soro-kovōj pētīdesátōj... dēvanóstōj sótoj. Склонение, конечно, при-

1) Въ этомъ и слѣдующихъ числительныхъ я все колебался, писать ли собственно с или «tс»; указываю на сказанное въ § 3 и § 8. Нужно помнить, что палат. t, съ дорсальной своей артикуляціей, совпадаетъ съ начальнымъ, взрывнымъ звукомъ сочетанія c; это вмѣстѣ съ неударяемостью слога затрудняетъ наблюдателю въ опредѣленіи конца слога и характера этого конца.

2) Отмѣтимъ ē, въ мягкомъ слогѣ, а не i, потому что двѣ сохраняетъ характеръ самостоятельнаго слова. Предпочитаютъ, впрочемъ, выраженіе dvē sótnī.

лагательное. Отмѣтимъ только нѣсколько формъ *třetěj*: ср. р. *třetějōjō* (-je), — *třetějōna* — *třetějōmu* — *třetějīm*; жен. р. *třetějāja* — *třetějōj* и пр. О введеніи нефонетичнаго *ō* путемъ аналогіи см. § 5. Удареніе колеблется; напр., *f-třetějom godū* при *f-třetějóm*. Изъ Их. им. п. жен. р. отмѣченъ въ формѣ *třetěja*.

Въ сочетаніяхъ съ *sam* находимъ все длинныя формы: *sám* — *třetěj*, *sám-ràtoj*, *sám-šomōj* и под.; главное удареніе падаетъ на *sam*.

Сочетанія съ *poč*, *пол*-, соотвѣтствуютъ литературнымъ: *počtorá rúda* — *počtorý ředili*; род. *počutora rúda*, тв. *počutorum rúdom* и т. д. Ср. *počrúda*, *s-počurúdom*, и под.

§ 21. Глаголы: спряженіе. Существующія формы — тѣже самыя, что въ литературномъ языкѣ. Указывая на сообщаемый ниже довольно широкій матеріалъ отдѣльныхъ глаголовъ, даю здѣсь только типы спряженія настоящаго времени.

1. Основы на первоначальномъ *o-e* послѣ согласнаго, исключая глаголы на *-nuť*. Различается два типа, смотря по положенію ударенія:

paśú paśóš paśót paśóm paśetó paśút.
búdu búdoš (-dōš) búdot búdom búdetó (-te) búdut.

2. Основы на *po-ne*; ударенія на конечномъ слогѣ, кромѣ 1. лица ед. ч., (случайно?) не отмѣчено:

ťanú ténoš..... řanut.
žábnu žábnoš и т. д.

3. Основы на первоначальномъ *jo-je* (*jō-je*) послѣ согласной; удареніе на конечномъ слогѣ, кромѣ 1 лица ед. ч., и здѣсь не отмѣчено, исключая одинъ примѣръ:

polú pólōš... pólut (pólōť полоть)
głožú głożōš... głożut (głodát)

но *orú oróš... orétó orút* (r, не ř! Неопр. *orát*).

4. Основы на jo-je послѣ гласной; въ удареніи типы совпадаютъ, въ глаголахъ производныхъ, съ 1:

dújũ dújoš (-ješ) и т. д. (dũt дуть).

pojú pojóš.... pojetó (po[i]etó, poetó) pojút (pít пѣть).

5. Основы на jo-je глаголовъ производныхъ знаютъ только неударяемые окончанія: dëlaǰũ, valëjũ валяю, ɯnĩjũ, gofũjũ и под., ср. первый типъ предыдущаго класса. Какъ особое подраздѣленіе выделяются глаголы на -aja, -jaja (нынѣ -ëju); въ нихъ наблюдаются, при выпаденіи междугласнаго j, указанные въ § 10 ассимиляціи и стяженія гласныхъ; напр., къ dëlaǰũ, во 2 л. при медленномъ, «подчеркнутомъ» произношеніи отмѣчено dëlaǰöš, а въ скорѣйшей рѣчи dëlaeš и dëlaaš; рѣже съ полнымъ стяженіемъ: dëlaš; въ § 10 уже указано, какъ такая долгота далѣе иногда склоняется къ сокращенію, такъ что скороговоркой вышло, напр., zaboránivaš, съ едва замѣтнымъ удлиненіемъ послѣдняго слога. Ср. valëjöš валяешь, а въ скорой рѣчи valëeš; valëet, т. е. приблизительно «valët», съ нисходящимъ тономъ и обыкновенно, но не постоянно и вполне ясно, съ новымъ напоромъ экспираціи во второй части гласной.

6. Основы на первоначальномъ -i; отмѣтимъ опять упомянутые въ другихъ классахъ два типа ударенія:

glažũ gledĩš gledĩt gledĩm gleditó gledát (gledĩt гладѣть);
но vížu vídĩš... vídītũ (-te) vídāt; ср. еще poxorónũ poxorónĩš...
poxorónāt.

Послѣ š, ž i конечно переходитъ въ y: slýšũ slýšyš и т. д.

7. dam, ðem — см. въ слѣдующемъ матеріалѣ отдѣльныхъ глаголовъ.

Прочія формы глагола выходятъ, какъ сказано, съ достаточною ясностью изъ матеріала слѣдующаго параграфа. Можно здѣсь о прошедшемъ времени добавить, что оно правильно выражается помощью причастія на -лѣ; формы какъ «on vúrĩřũ» встрѣчаются очевидно рѣдко. Повелительное накл. находимъ и въ

такихъ выраженiяхъ какъ напр. (клади) «i oná kladí», а пусть и она кладеть; «i oné kladíte», пусть и они...; но напр. «da kladí» я не слыхалъ.

§ 22. Отдѣльные глаголы. Раздѣленiе слѣдуетъ въ главныхъ чертахъ извѣстному «Handbuch» Лескина. Послѣ наст. времени отмѣчаются пов. наклоненiе — прош. время (причастiе на -лъ) — неопр. наклоненiе — прич. прош. страд. залога, насколько они собраны и не кажутся лишними.

I. A.

ńosú ńesoš... ńesetó ńosút. ńesí-te. ńos, ńöslá ńeslí. ńesťí. vý-ńesen; při-ńesón, při-ńesóná.

vosú vézöš и т. д. véží. vos, vözlá, vézli. véstí.

pasú. paší. pas, paslá paslí. pastí. pašón, pašöny.

polzú¹⁾. pols, polzlá. polstí (ср. polzát).

lěžu lěžeš... lězut. ńe lís, lísťe. peře-lěs, -lězla, -lězli. lísť.

gryzú... gryzetó gryzút. po-grýs, pogryzla. po-grýžen, -žena (съ ясными e!).

trású (и trásu; см. § 13) tresóš... trásút. tresí. trás, tráslá, treslí. tresťí. ros-tresónó.

vödú vedóš... vedetó vödút. vedí. s-vou, s-volá, s-velí. s-vedón, s-vedóná.

mötu metóš... mou, molá, melí. mestí. metóná, vý-metóna.

gnötú gnetóš... gnou, gnelí. gnesťí. gnetóná. Ср. zagnötájut; ńe nagnötáj.

plötú... pletí. ploü, plelí. plesťí. pletón.

brödú. po-bröü, po-bréli. bresťí.

čvetót, čvötút. čvetí. čvou, čvelí. čvestí.

rostú... rostetó rostút. rostí. rös, roslá. rostí.

bod-: byk bodót, 3 мн. bodút. ńe bodíš, ńe bodíteš. pro-böü, pro-bolá. po-bosťí.

1) O l: u см. § 7.

kladú. kladí. kľau, kľála, kľáli. s-kladěno.

padú. né u-padí. u-páu, u-pála.

kradú. u-kráu, u-krála. éta veš u-kráděna.

prádú... předětó prádút. předí. práu, přéli. na-préděno.

(grěd — очевидно только церковно; это доказывается искусственно удержаннымъ а вм. е въ выраженіи «kudá grādōš»).

šádu sédeš... séděté šádut¹⁾. šed' (ср. šétudá сядь туда), мн.

šéte. šeu, šela, šili. šist.

búdu. buť, bűte. byu, bylá, byli.

idú. idí. šou, šla, šli. ití. Ср. сочетанія: podú podōš... podí.

prídú prídōš и т. д.; prídōš, prídōt, по словамъ Степана — формы новѣйшія. pridí. výjdu výjdōš... vyšou, vyšla. Ср. еще неопр.

накл. «né хоцú utí», уйти, ototí отойти.

Добавимъ еще jědu (о гласной перваго слога см. § 4) jídōš... jédut. Пов. jít, jíte. jěxau.

gróbú grěbōš... grěbí. gróp, gróblá, grěblí. grěstí. Ср. za-grébájū.

skřóbú. skřóp, skřōblá. skřestí. skřeboná.

topú. tepí. top, toplá, tepli, tepstí. tepón.

žyvú žyvoš. žyví. žyu, žylá, žylo, žyli.

beřegú beřežōš... beřežetó beřegút²⁾. po-beřegí. beřók, beřeglá. beřekcí.

stěregú. stěrók. stěrekcí.

pokú pecōš... pecetó pokút. pekí. pok, poklá, peklí. pekčí.

voľokú voľocōš... voľokí. voľók, voľoklá. voľokcí.

toŭkú toŭcōš... toŭkí. toŭk, po-toŭklá. toŭcí.

šokú šicōš... šokút. šikí. šek, šoklá, šiklí. šikcí. išićón.

střigu střižōš... střiگی. ot-střík, střiğla. pot-střikcí (ср. otstři-gnút).

za-prágú, za-přežōš... za-přegí. za-prák, zapřaglá, zapřeglí. zapřekcí.

1) О -'eš: 'oš, -ete: -eto и под. см. § 13.

2) е, не 'о, во второмъ слогѣ полногласія; ср. въ § 13.

mogú móžoš (ср. § 13)... móžetö mógut. po-mogí. mők, moglá.
po-mokí.

lāgu léžoš... lāgut. Пов. lek, léktö (-té), lok, loglá, leglí. lekí.
mnu mňoš... mňi. maṡ (tēsto; ср. na-mínāṡ). máf. na-máto.

žmu žmos. žmi. žaṡ, žála. žat. na-žáta. — Ср. žnu žňoš. žni.
žaṡ, žála. žat. so-žáta.

na-čnú. nační. nácaṡ, načalá, načaló, náceli. načát (! ждемъ -ét!).
nácato.

vozmú vozmóš... vozmí. vzaṡ, vžalá, vželi. vžet.

Ср. еще klonús (bōyom) kleńóše... 2 мн. kleńetós. ne kleńís.
klóušó, klólaš, kleníš. pró-klat.

tru... třetó... tři. pro-tór, pro-tórļa, pro-térli. terét (ср. pro-
tírat).

u-mrú. umrí. úmör (úmer, церковно?), umorļa, úmerli. umeret.

Ср. еще plovú... plovi. ró-plyṡ, ró-plyło, ró-plyli; zá-
plyṡ и т. д. plyt. — *slyt не найдено.

I. B.

börú beřoš... beří. braṡ (ср. sóbraṡ), bralá, brałó, bráli.
brať. otó-bran.

dörú. draṡ, drałá, dráli; draušó, drałáš, drališ.

žorú žoroš... žorí. žraṡ, žralá, žrali; ср. só-žraṡ. so-žralá; prí-
žrali; na-žraušó, na-žrališ. žrat. só-žrano.

(Ср. so-gnát, so-gnáṡ, но наст. вр. so-gońú; ср. gońít).

ždu ždoš... ždaṡ, ždalá, ždáli. «žďi» произносится «žďy»,
«žďýte; обь артикуляциі d послѣ ž см. въ § 8.

vru vroš... vří. só-vraṡ, so-vralá, só-vrali (*lgať повидимому
неизвѣстно).

Ср. orú oróš... orút. ne oří. oraṡ, orała. orát «ревѣть», о
людяхъ и о коровахъ. Оно вполне одной формы съ глаголомъ
orát подъ III.

съсать: 3 ед. šot, 3 мн. šut. ši. šaṡ, šalá. šat. za-šaná.

sku skoš... sketó... ski. skaṡ, skalá, skáli. skat (ср. sykát).

tku tkoš tkot tkom tketó tkut. tki. tkaṡ, tkałá, tkáli. tkať.

Во 2. и 3. л. ед. ч. наст. вр. употребляются кромѣ приведенныхъ формъ также *čoš*, *čot*.

koñ ržot, 3. мн. *ržut*. *ñeržý* (§ 15). *ržau*, *ržáli*. *ržat*. (Собственно III. 1. В.?).

rvu. *rví*. *rvañ*, *rvaľá*, *rváľo*, *rváli*. *rvať*. *vý-rvan*.

zovú. *zoví*. *zvañ* (*pó-zvañ*), *zvaľá*, *zváľi*; ср. *ñe-zvaľi*. *ñe-zvánoĩ* *goš*.

II.

ťanú *ťénoš*... *ťanut*. *ťení*. *ťanúy* ¹⁾, *ťanúľa*. *ťanút*. *po-ťénöno* (*-ñeno*).

po-dvínu. *po-dvíñ*. *po-dvínuñ*. *dvínuť*. *po-dvíñöno*.

oñanú, *обману*, *oñáñet*... *oñanúñ*. *oñáñena*.

Къ отношенію о: ô ср. *tonú* *tôñeš*... *tônut*. *ñe toní*. *tonúñ*. *tonút*.

Краткая форма прош. времени встрѣчается часто; напр. *žábnu* (пов. *žébñi*) — *žábnu[ñ]* и т. д., но *ožár*, *ožábla*, *ožébľi*; *poğínu* — *poğínu[ñ]* или *poğíp*; *ugásñöt* — *ugás*, *ugásľa*; *stýnuť* — *kišél* *ostýñ*, *káša* *ostýľa*.

III. 1. А.

znáñu. *znañ*, *znáľa*. *znať*. *u-znáta*.

gríñu. *gríñ*. *oto-grêñ*, *-grêľa*, *gríľi*. *gríť*, *oto-grêť*.

zríñöt. *so-zrêľa*. *zríť*.

smíñu. *ñe smíñ*. *smêñ*, *smêľa*.

1. мн. *po-spíñom*. *po-spêñ*, *po-spíľi*.

3. ед. *vóñöt*. *voj*. *vuy*, *výľi*. *výt*. Ср. *móñu*, *króñu*, *róñu*; он *nóñöt*. *poñú*... *po[ñ]etó* (и просто *poetó*) *poñút*. *poj*. *réñ*, *réľa*, *ríľi*, *ríť*. *s-rêta*, *po-rêta*.

dúñu. *duñ*. *duñ*. *duť*.

Корни этого подраздѣленія на -i затрудняютъ въ наст. времени тѣмъ, что наблюдатель перѣдко остается въ сомнѣніи, со-

1) Объ -ñ см. § 11.

ставляетъ ли корень самостоятельный слогъ или нѣтъ. Напр. въ «пью», послѣ палат. *ř* слѣдуетъ *ĭ*, чаще всего именно неслоговое *ĭ* безъ фрикативнаго тренія, а иногда и скорѣе спирантъ *j* (см. § 10); но между нимъ и предшествующимъ *ř* легко какъ будто вторгается слабый слогъ съ гласной *i*, такъ что слышится то «*řĭu*», то скорѣе «*řĭĭu*». Придерживаюсь здѣсь перваго образа писанія:

řĭu řĭoš... řej. na-řĭuśó, na-řĭlís. řit. vŷ-řĭta, na-řĭtá.
bĭu. beĭ. biu, bíla. bit. iz-bíta.
vĭu. vej. víu, vílá. vít. s-vítá.
ĭu. lej. liu, lílá, líli. lit. pro-lítá.

Въ этомъ глаголѣ односложность *ĭu* мнѣ казалась несомнѣнной; за то ясный слогъ съ *i* выступалъ въ 3. ед. *gńi[ĭ]ót, mń. gńiĭút. z-gńílo. gńit.*

Въ *šyť*, шить (*šyĭ. šyĭ, šýla. vŷ-šyto*) упоминаемый краткій гласный (слоговой?) звукъ передъ *ĭ*, подъ вліяніемъ *š*, принялъ характеръ *y*, такъ что «*šĭu*» и т. д. звучало отчасти «*š(y)ĭu*» и под.

Ср. еще *o-bříu, брѣю. o-bříĭ. o-bříu. břit. vŷ-břit. —*

— s-mělú s-mélöš... moľóu, moľóla. moľót.

poľú poľöš... poľut. poľí. poľóu, poľóla. poľót. is-poľoto, vŷ-poľoto.

poľú poľöš... poľí. poľóu, poľóla. poľót.
koľú kóleš... koľí. koľóu. koľót.

Эта маленькая группа представляетъ трудности по вопросу о: *ô*. Появленіе *ô* при оттягиваніи ударенія въ наст. времени (*poľú: poľöš*) хорошо извѣстно изъ многихъ другихъ глаголовъ (напр., *tóneš* подъ II; ср. далѣе подъ III. 1. В. и подъ IV); о *koľú: kóleš* и т. д. я, поэтому, склоненъ думать, что послѣднія формы, не съ *ô*, новѣйшаго происхожденія, появившіяся напр. подъ вліяніемъ книжнаго произношенія, хотя этого, конечно, невозможно доказать. Въ «полногласныхъ» формахъ ожидаемъ, по § 5, *ô* во второмъ слогѣ какъ твердое правило; такъ дѣйствительно и есть, но съ исключеніемъ *moľóu moľóla* и пр. (при *moľót*).

Если эти формы не просто описки, то не знаю, какъ ихъ объяснить — развѣ онѣ заимствованы извнѣ, ср. § 16. Обратнo находимъ, противъ даннаго въ § 5 правила, переходъ о въ ô въ слогѣ передъ плавною полногласнаго сочетанія, въ прич. *ispôloto*; не безвѣроятно, что это ô вызвано вліяніемъ ô въ томъ же слогѣ, но не въ полногласной формѣ, а именно въ наст. времени. Обьоттѣнкѣ перваго о подѣ вліяніемъ ô слѣдующаго слога см. Прим. къ § 14.

III. 1. B. a).

bāju báš¹⁾ báet... baj. bája. báet. — Ср. «*snék tájöt*». *šiju. šij. šija. šiet (xlép). po-šijan²⁾.*
smijús (иногда *smi [i]ús*) *smijósö... smijáuse. smijétse* (-ce? § 8). —
 — *kujú kujóš... kuj. ková. kovát. s-kóvano.*
sujú. sovát. sóvano (т. е. *cc*)-.
snujú. snová. o-snovano.
klújú... klújut. klóvát.
plújú. plúj (cp. plún). plóvát. o-plóvan. — Ср. *blújú blóvát, žujú žovát.* Ср. III. 2. B.

b) *třeplú trépleš... po-třeplí. třopát. vý-třopan.*
kléplú³⁾ (kósu), klépleš... po-kleplí. klópá. klópát. po-kló-pana.
dřemlú dřémleš... dřemlí. z-dřomá. dřomát.
sýplu. sýplí. sýpat. sýpano.

Послѣ *š, ž* и пов. наклоненія, конечно, переходитъ въ *y*: *važú, vázát: važý; tošú, tosát: tošý.* Но, конечно, *mážu, mázat: po-máš; řèžu, řèzat: řèš.*

Отмѣчаю здѣсь собранные, кромѣ уже названныхъ, примѣры этого типа: *brýzgat — o-bryždžu. česát — po-čošú,* пов.

1) Обыкновенно такъ; рѣже отчетливое *bájöš* и под.

2) а склоняется къ *e* (§ 13); скорѣе произнесено слово звучить «*prošij[je]na*».

3) Вѣроятно описка вм. *kl'ep'l'ú.*

po-čošý. xľöstát — xľoščú xľoščoš, ěe xľoščý. iskát — iščú, poiščý. kápat — káplet. kazát — po-kažú. kľikat — kľícu. kľýkat (schlucksen) — robónok kľýcet. ľepötát — ľepečú ľepéčoš, ľepečí. ľizát — ľizú, ľizý. maxát — mašú. mōtát — s-mēcú s-méčoš при s-motáju. paxát — pašú pášoš, pašý. písát — pišú. plákat — plácu, ěe plác. plasát — plašú. o-pojásat — opojášu, opojáš. prátat — po-précu. pyxát — pyšú pyšoš, pyšý. rýskát — kón rýščōt. skakát — skaćú, skaćí. po-sľat (постлать) — postelú postélōš (-leš). strugát — stružú. svístát — sviščú. ščypát — za-ščyplú. týkat — týcu.

Ho ščopát — ščopáju (ľučínu); poimáju; dvígat — dvígaju; stradát — stradájut; kľevotát — kľevotáju; zdyxát — zdyxáju. Вмѣсто «брехать» находимъ brōšýt, съ наст. «étoďurák brōšýt na šebá i na ľuděj», ср. IV.

Отмѣтимъ далѣе, въ особомъ отдѣленіи, корни съ гласною о. Если такое о изъ стараго е, то оно по § 5 правильно не переходитъ въ ô; поэтому pľoskát — po-pľoščú popľoščoš и т. д.; ср. šoptát — šopćú šópceš. За то bormotát — bormoćú bormôceš и т. д.; gľodát — gľožú gľōžoš (но въ прич. о: ogľódano!); xľopotát («судиться») — xľopoćú xľorôceš; хохотát — хохоćú хохоćeš; ср. при полногласіи: poľoskát — poľoščú poľoščoš. Напротивъ, если о развилось изъ ѣ, оно остается безъ перемѣны: toptát — topćú topceš; ср. roktát — rokćú rókceš; послѣдній глаголъ значить «роптать» и вѣроятно изъ этого и переобразовано. А что ô, не ô, можетъ стоять, подъ указаннымъ условіемъ, и на мѣстѣ первоначальнаго о, доказываетъ zobát — zobľú zóblōš; насколько такой случай указываетъ на нѣчто старое, первоначальное, или же онъ потерялъ свое ô подъ позднимъ вліяніемъ извнѣ, не могу рѣшить.

Про себя стоитъ глаголъ orát («orát kosúľōj; a paxát, to bogopōj»); ogú oľōš... oľí. oľáц. Онъ совпадаетъ формально совершенно съ orát «ревѣть», ср. выше. Безъ смягченія въ 1. ед. ч. находимъ еще stonát: stonú stōnōš и т. д.

III. 2. A. Довольствуюсь парой примѣровъ.

dělaǰũ dělaǰoš и т. д., а обыкновеннѣе (§ 13) dělaeš, dělaaš (§ 10). dělaǰ. dělaǰũ. dělať. z-dělaŋo.

valěǰũ valěeš valěet... (см. § 10; отчетливо произносится valě[ǰ]oš). valěǰ. valáǰũ, valála, valěli. valět, валять.

gulěǰũ gulěet. gulět гулять. Ср. 3. ед. šíeet (п «šieť», § 10); неопр. накл. šíet сiять. Принадлежит ли сюда случайно отмѣченное xǰámleǰũ¹⁾ xǰámleeš... (ср. xromóǰ хромой)? —
— umí[ǰ]ũ. umíǰ. uměũ, umíli. umít.

imíǰũ. imít.

3 ед. žouťǰöt (скорѣе: žouť[ǰ]et). žoutělo. žouťít.

ѣ въ 3. ед. rozuměetso слѣдуетъ считать заимствованнымъ.

III. 2. B. (Ср. III. 1. B.). Примѣры: gorúǰũ. gorúǰ. gorovát. —
žimúǰũ. žimovát. — torgúǰũ. torgovát. — noćúǰũ. noćovát. — me-
žúǰũ. mežovát. iz-mežovany.

IV. A.

víru... vírát. vír. víriũ, vířila. vířit вѣрить.

věšu víšiš... víšat. pře-víšiũ. s-víšít.

leščú leštiš... ne leští. lestitъ лстить (но mšcu. ne mstí. mstitъ мстить).

učú účiš... učí. učít.

draznú drázníš... drazníũ. drazníť.

Ср. kaćú — kaťít; bužú — budít; sužú — sudít; otvíńćú — otvíntít; smýslu — smýslít; jěždžu, пов. ne jízdi, jízdit (о je- см. § 4), и др. Къ čístít видимъ прич. «čísčonoǰ byk» (волъ).

Особый интересъ представляютъ корни съ гласною о, гдѣ опять наблюдаемъ мѣну о: ô (при постоянномъ удареніи на конечномъ слогѣ, звукъ ô понятно исключенъ; напр. košú košíš... koší. košít; po-grožú grožíš... grožitъ; proščú prostíš... prostít; Ср. однако, къ po-doǰũ... podoǰát, podoila, doít — повел. накл.

1) Отъ предполагаг. xǰámleť?

dôj, какъ при подобномъ примѣрѣ слѣдующаго подраздѣленія пов. stôj стой).

При неподвижномъ удареніи на коренномъ слогѣ отмѣтимъ strôju... strôjšö. strôit.

z-gotôvlu... пов. iz-gotôf, мн. iz-gotôffe. gotôvit. z-gotôvlöno. Ср. прил. gotôf, gotôvo.

«стоять» отмѣчено случайно лишь въ 3. ед. наст. вр. «ne stôit». Другая форма, отдѣльная, но не оставляющая сомнѣнія, что принадлежитъ къ этому ряду — неопр. накл. zabôtitsö (-će). Ср. дальше rômliu, -liš (помню)... zarômliu. rômliť (но, напр. rômér померъ, и др.).

Иначе is-rórtu(!) rórtiš... is-rórtiü. rórtit. Здѣсь о происхождении изъ ъ (см. Микл. perti-), что можетъ объяснить отгѣнокъ о; впрочемъ, форма 1. ед. наст. вр. -tu, въ сравненіи, напр., съ каśú: kaťit, возбуждаетъ вопросъ, не заимствованъ ли весь глаголъ. Судя по источнику, онъ, между тѣмъ, чувствуется какъ свой. Возможно, что форма rórtu стоитъ предвѣстникомъ хорошо извѣстнаго съ другихъ краевъ развитія, которое выбрасываетъ старое «смягченіе» конечной согласной въ 1. лицѣ ед. ч., подъ давленіемъ вида корня въ прочихъ лицахъ.

Перейдемъ къ глаголамъ съ подвижнымъ удареніемъ. Первоначальное о, какъ и второе о полногласнаго сочетанія, во всѣхъ собранныхъ примѣрахъ является подъ удареніемъ въ видѣ ô:

boroúú... borônat. borônit.

xožú xôdış... xôdat. xodĩ. xodĩü. xodĩť.

po-xoroúú poxorôniş... poxorônit.

kołocú kołôtiş... kołotĩť.

łovlú łovĩş... łovĩť.

mołocú mołôtiş... mołotĩť.

noşú nôşış... noşĩť. vŷ-noşono.

proşú prôşış... proşĩť.

toplú tópiş... topĩť.

vožú vôziş... voziť.

А при первоначальномъ ъ: kormlú kórmiş... kormĩť.

IV. B. О судьбѣ стараго ѣ см. § 4.

vízu vídiš... vídāt. vídeu, vídēla, vídeli. vídeť.
 róka šumít. šumēla, šumíli.
 grom grémít. grémēlo.
 dom gorít, domá gorát. gorēu, goríli.
 glažú glediš... gledító glédāt. né gledí. gledēu, gledēla, gledíli.
 gledít.
 3. ед. víšit. víšēlo. víšit.

revlú (= plácu) revíš... reví. revēu, revíli.
 krycú... krycāt. křycí. krycáu, krycéli. krycēt кричать.
 molcú. molcí. molcáu, molcéli. molcēt.
 slýšu slýšyš... (slúšai). slýšau, slýšeli. u-slýšet.
 döržú döržyš... döržý. döržáu, döržáli. döržāt. Последнія двѣ
 формы своимъ а вмѣсто ожидаемаго е возбуждаютъ сомнѣніе, не
 стоятъ ли подъ вліяніемъ литературнаго языка.

stojú stoiš... stojāt. stôj, stôjtō. stojáu, stojéli. stoét. Иначе
 въ bojús boíše... boítōš... né bójšō, né bójtes. bojáušō, boéliš.
 boétše (ср. § 8).

Полный переходъ въ IV. A. представляетъ «смотреть»:
 šmotrú smôtříš... smôtřāt. smotří. smotříu, smotříla. smotříť.

Другое направление приняло развитіе въ хотít, прош. хотēu,
 гдѣ наст. время перешло вполне въ спряженіе основъ на jo-je:
 хоcú хоcōš(-ceš)... хоcētō хоcūt. Но въ пов. наклоненіи нахо-
 димъ еще «не хотí».

Добавимъ еще

spļu spíš... spító spat. spí. spaу, spałá, spáli. spat.
 bogú bežyš... bežytó bogút. begí. bežáu. bežāt.

V.

dam daš das dadím dadító dadút. daj. dau, dałá, dálo, dálí. dat.
 jem jēs jes (o je- : jē- см. § 4) jidím jidító jidāt. né jēs, né
 jēšte.

Приложение.

Частью для удобства читателей, а частью для пополнения даннаго описанія, прибавляются въ настоящемъ приложеніи кое-какія замѣтки къ поставленнымъ въ *Программъ для Собиранія Особенности Нар. Говоровъ* (СПБ. 1900 г.) вопросамъ. Числа соотвѣтствуютъ параграфамъ Программы. Гдѣ таковой или не вызываетъ замѣтокъ или же считается по моему уже достаточно освѣщеннымъ въ раннихъ главахъ моего описанія, просто обойду его молчаніемъ.

3. 1. okšíńja okulína ondří[ɔ] ontõn olöksán (Александръ, см. § 15), жен. р. olöksándra.

2. bátuško ivánuško (-kv°, см. § 6) dířátko, moɔ bátińko (-kõ, -ke, см. § 13). Но moɔ déduška. Далѣ moɔ dońiško, dvoríško stúpiško (по dířcõnka).

3. onbár optéka okurátno ońis ołtár; а напротивъ akušérka atamán arbús; ср. далѣ řestánt вм. арестантъ. — borán zobóta kolác kořéta korováj poláta poláti porõm. rovnét rokita. stokán tońcovát tořélka (ɔ: см. §§ 9, 16) torokán.

Въ прочихъ приведенныхъ словахъ я нашелъ лишь а, такъ kanát kanáva kałóša garmóniĵä (u -je, ср. § 13) lanpátka tabún karmán travá vospaléńje (lókix) okaĵáńoɔ paroxõt (ср. съ такими сочетаніями sumo- въ sumošetšoj сумасшедшій) krapíva rabý va-šílej páxař, ĵe pľac и т. д. — Ср. въ этой связи potylók потолокъ (§ 5). — tótka, kúmuška.

4. roz-, ros- во всѣхъ сочетаніяхъ; однако rázum, при rozúmnoj. robóta robótat (или robotát, «myšítam odńím»).

4. pľacú pľátiš; kacú kátiš; posażú posádíš (vařú vaříš и т. д.).

5. Встрѣчается смѣсь: zamorážyvát, udváivát, ustráivát; но prosrócivát, zatósyvát. Ср. далѣ zadáržyvát, zavórtyvat.

6. 1. *manáx manastýr saudát* (новѣ *saúdát*); по *továřiš* *po-*
nomái.

2. Приведенныя слова вообще имѣютъ о (такъ и *kokúška*);
однако *kaaróp tvarók patrét. mañetka, mañeta, kanfety* (ср. § 4).

3. *dóbrova худóva* и под., ср. Морфологию.

7. *odvá olóna óvdótja oprošínja. eščo* (šč: см. § 8) не имѣетъ
j-; но *još, jožá* ежъ, *jóžyk*; *jeñelján.*

robónok, мн. ч. *robáta. torér.*

Говорятъ *dónyško odénje* («и *lótki*»), но *bóbrík kusócík pósle*
(*pósle*).

8. Разные вопросы получили свое освѣщеніе въ Фонетикѣ,
особенно въ § 13. О *vérsók vérxom cérkof* и под. см. въ § 12.—
За ястребъ я слышалъ только *jestrep.*— О формѣ *bolne*, при
bólno (-nú) ср. въ § 12, добавлю, что кромѣ даннаго тамъ объ-
ясненія исчезновенія палатализации п («больнэ») можно, конечно,
и думать, чтобъ твердое п перешло по аналогіи изъ формъ какъ
šílno, ñeravílno, гдѣ п осталось нетронутымъ сосѣднимъ *l.*
Нахожу однако свое объясненіе болѣе правдоподобнымъ.— Къ ѣ
передъ ударяемымъ слогомъ ср. еще и въ § 4.

9. *čelovék šoluxá ličómér žoná ñeužolí žoníx žolězo domíščo*
(šč: § 8) *nasažonó poľožono čášok mášot napíšom nášo vášo štó-žo*
(t: § 8) *užó, on žóstok.* О сравн. степ. *góžejo* ср. § 19.— Про
себя стоитъ *žémčuk*; позднее заимствованіе? Объ о:ö послѣ š, ž
см. § 13.

10. Слово съ у на мѣстѣ е не замѣчено: *čovó óceñ máčoха*
и т. д.

11. Отмѣчено *žalat, žalaju*; но *dvugrívōnoj (-eñoj) proščájō*
(-te) *čotýřō skoréjo* (ср. § 4).

— *zapřak.* Но *goľovóška. krěska* (мн. ч.: *odné k.*). *sľovesno*
вѣроятно чисто церковное слово. Ср. *kolösó*, мн. ч. *kolósa* (ср.
впрочемъ *koláska*). *ľokojo palitó* или *paltó.*

— *izvóska* известка.

12. i (и) вм. э, е не найдено; такъ, напр., *ľebet ľel deñ mēl-*
ńica ñelžá mēná ñedíľa svátój vázát и т. д.

13. Отношеніе стараго Ё къ е подробно освѣщено, особенно въ § 4. Такъ, отвѣты на вопросы Программы въ 14 вообще лишни. Для удобнаго обзора можно прибавить и здѣсь нѣсколько примѣровъ:

1. xl'ër, gr'ëx и т. д. Также m'ëdnoj, несмотря на старшее Ъ послѣ d. — Про себя стоять řézvoj řízvyy и řer, мн. ч. řerí, ц'ëнь.

2. b'ëloj l'ëto и т. д., j'ëxat.

3. řolújũ b'ödá řvútók řovát и т. д.

4. zdís, m'it m'ëdъ, l'ín l'ëнь и т. д.

Для сочетанія -йй имѣю лишь одинъ примѣръ, rotožéj, е котораго указываетъ на заимствованіе; ср. odíjalo подъ 6.

5. m'ítít povísít víník и т. д. Отдѣльно стоять d'ëveř, вѣроятно не своя форма.

6. řídít římáná řtilét odíjalo и т. д.

Въ концѣ слова:

1. na stolě — v-bolôte, na rukê — v-míste¹⁾.

2. řebê m'né.

3. řsê řsëx řsêm.

4. dvê.

5. gdê, gdê-to. p'sle, índe.

[55. Находимъ ожидаемое о въ приведенныхъ примѣрахъ; вниманія заслуживаетъ только, подъ 2, kuvýl. (Вм. kornílec говоръ имѣеть -ñec)].

60. Произношеніе «я» достаточно освѣщено въ моемъ описаніи (ср. особенно въ § 13). Приведу какъ примѣры здѣсь ře-řáño (§ 10), řasý. řalít и řalún (!) имѣютъ а не смотря на слѣдующую мягкость. — dočká. řleménik. zá[j]ec. másleńícá.

62. Говорятъ řétxoj; по řórskoj řad'órška řof nóbo. k'íos (крестъ) по k'réstik. ot'sóla (отсель). О řoj см. Морфологию, § 18. «ейный» не употребляется (jejó dom). řeslî. řplétní. — Объ е передъ г (řerx и под.) см. въ § 12.

1) Куда ставить вооръу?

63. Въ приведенныхъ словахъ находимъ всюду ожидаемое *é*: *véška* и т. д.; такъ и *trēsnuť, brězgovat, trězroj, mēloć, vēdra* (*vodrō*); но *сер цѣнь*.

64. Всюду видимъ ожидаемый переходъ въ *'o*; отмѣтимъ однако *čerēnēnkōj, želēnēnkōj; křucók, no křucēcik*.

66. *inaće íva išcut*. Но *k-jim* (*j*-). Ср. далѣ *iván izbíc*. Обь отношеніи *j* (*j*): [*j*] см. впрочемъ § 10.

68. Я отмѣтилъ здѣсь имя *demítrij*.

70. Говорятъ *křik*, но *krycět. skřipka, šyrínka, gríp p. mn. grībôf; říga, továřiš* и т. д. *Trífan. — krylô, is korýstí.*

grafín xrakôtina (Их. *xarkôtina*) *smorôdina*.

72. *pôilo, stôilo; mîxáilo*.

73. Говорятъ *báryňa. beózyńka. rycát* (!не -*k*!). Но *gôxloj* въ значеніи нездоровый.

78. Изъ Морфологіи знаемъ, что окончаніе им. ед. муж. прилагательныхъ въ твердыхъ основахъ постоянно звучитъ -*oj*; напр. *křepkoj xolôdnoj poľôtnânoj osônoj* (осенній); ср. *pustôj*.

Въ основахъ мягкихъ этому соответствуетъ -*ej*: *xvôs ovésej, telésej tuľúr, boránej poľušúbok*. Ср. къ этому «медвѣжій», что въ перепискѣ дало бы скорѣе всего *medvězej* (въ русскихъ типахъ «-жэй»); слышалось, какъ звукъ *e* какъ будто насильственно выдвигался въ чистомъ видѣ, безъ свойственной ему обыкновенно послѣ *š, ž* лабиализаціи (§ 8); это доказываетъ силу формальной категоріи.

Съ этимъ окончаніемъ сравнимъ имена *vašílej, grígôrej, ignátej, ľovóntej*. — Но *timofí[j], jelešíj* (Елисѣй), *matvíj*; ср. къ 68 *demítrij*.

85. Отмѣчено *bólože* («*daváj, kutí, bólože ješ dēngi*»), *oboľoko*; но *stram. (ne doužnô, stoup, tógšča, bróvnô, Их. brėvnô; šerp, četvérk, četvert, naćertít)*.

87. *rot: iz rôtü, v-rotú*. Въ *potylôk* род. *potylôka*, потолокъ, ô вѣроятно указываетъ на гласную не *ъ*? См. § 5. Далѣ: *iz-rovu, v-rovú; ľop: ot ľoba; iz móxu*. Но *isná, изъ сна, izo-ľdú (ľot), na-ľdú*.

88. Говорятъ ḡḡanóḡ, съ чистымъ ḡ; ḡḡanóḡ, vdová, ḡḡóta, xḡḡ, ḡumḡnó, moxovóḡ. Ср. только слово oftórník вм. вторникъ.

89. Говорятъ pḡoná, pḡoníca и под., какъ ожидаемъ. Вмѣсто гречиха имѣютъ «ḡrécúḡa». — touḡnút, maḡnút.

90. Гласныя сохраняются отдѣленными другъ отъ друга, напр. sḡovooxóceḡ, ondḡíḡof, skoḡá[ḡ]a (см. Морф., § 19); pḡoḡrát, pḡoimát, съ полными слогами i (см. въ § 15). Ср. однако podú вм. пойду. Но ḡeizvḡsnyḡo ḡúḡi и под., безъ стяженія.

91 сл. освѣщены подробно въ § 10.

97. Говорятъ óḡḡa (Ольга), osá множ. ósy род. os, ókun, ovcá мн. óvcí, ósḡr, ókarak (!), óseḡ, ózoro, óceḡ. Но vólḡa (о́льха), vósem (восемь); особенно интересно последнее слово, въ сравненіи съ osmóḡ. См. § 5.

Безъ v- также u-: úxo, útka, úceḡ (участь).

98. v сохраняется всюду; напр. vnuk, davnó.

99. mítrofán, fódor, kartófel. na fatére, kúfnä. Но kvar-tálna[ḡ]a (т. е. prósoka).

ofonáseḡ safḡán ḡofša (лѣвша). — xvóros xvástat. — oxóta.

100. Объ отношеніи ḡ: ḡ указываю на §§ 9 и 16.

Здѣсь можно добавить, что ḡ сохраняется въ случаяхъ какъ kolokólḡa (п, не ḡ!), boḡnóḡ и под. Такъ же, съ палатализацией и слѣдующаго за ḡ k, въ skólḡkō tólḡkō stólḡkō. — Отношеніе ḡ съ ḡ: ḡ соответствуетъ вообще литературному русскому языку.

101. rožostvó, mežu-ḡim . . . , urožáj, obížát. — vozvrací dḡéḡi.

102. О kḡḡda см. § 15. Я отмѣтилъ притомъ и kḡḡdá, touḡdá; ср. fḡouḡá (всегда).

Говорятъ ḡosudár, ḡospóḡ, однако такъ, что «ḡ» слѣдуетъ скорѣе понимать какъ ḡ + ḡ, т. е. оно начинается какъ взрыв-ный а развивается въ длительный звукъ.

ḡdḡ. ḡledí-ko. Но kḡnáiḡa. ḡenerál¹⁾. (ḡoḡóreḡ. kitára).

110. Переходъ k въ k подъ вліяніемъ предшествующей

1) Ср. «ḡevóḡveḡ» вм. револьверъ.

палат. согласной представляет частое явление въ описываемомъ говорѣ, и освѣщенъ въ § 12. Въ нѣкоторыхъ примѣрахъ можно и здѣсь опредѣлить границы явленія:

hožéjka čajkóm koréjku postrôjka. — vòjškô (войско). — váńka, na četvéreńkah, odna déńga, и такъ обыкновенно послѣ ѵ. — řetkâ. — tólkô и др. Послѣ š: sáška, tótuska, какъ и ждемъ, по характеру шипящей.

g > i: áńjoł ангелъ; ólja Ольга.

Предшествующее ģ не подѣйствовало на гортанную, а и ģ само перешло въ г; см. § 12: na vérxú, dérgajũ, čerkónnoj.

112. Указываю на § 7. При ясномъ произношеніи слышалось kuzńećú; при скорѣйшей рѣчи произношеніе приближалось къ простому kuz-, вм. къ кузнецу. — k-čárú къ царю. g-déřevu. k-tebê (см. § 15). — mákoj, kókoj.

dóxtur. traxtír.

119. О совпаденіи ч и ц въ мягкое ć, и о самомъ этомъ звукѣ см. въ § 8. Тамъ же о сочетаніи t + ś, въ формахъ возвратныхъ.

120, 121, 123 и 124 находяхъ себѣ достаточное освѣщеніе и матеріаль въ § 8. Къ 124 добавимъ: говорятъ doš, род. doždžá при dož[d]žá. — dróž[d]žu дрожжи; vóž[d]žu возжи. vož[d]žátse возжаться. — Къ 123: rošybú расшибу. «вещь» имѣетъ форму vês; см. § 5. — Странна гласная у въ словѣ «štšyľ» щель.

122. końešno. prívýšno. poľnomóšnyj. pšóńišnaja. rušńik. vostošno (Их. -óšnoj). Паньк. narôšno, нарочно, въ Их. имѣло s: narôšno; въ обоихъ говорахъ находимъ s въ словѣ moľóšnoj молодой.

Въ словѣ «почта» можно было писать rôtšta или róčta, скорѣе пожалуй первое, хотя я самъ колебался. Шипящій звукъ сочетанія во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ «заднимъ» (см. § 8). Второе t приближается болѣе или менѣе къ супрадентальному (или це-ребральному?) ģ. — Въ «почти» я такимъ же образомъ колебался, писать ли лучше «poćíi» или «potsíi», см. въ началѣ § 8.

125. ovařit обварить, ovińcēt обвѣнчать. Указываю насчетъ поставленныхъ здѣсь вопросовъ особенно на § 7.

127. morôs, još ежъ, rot род. ródu, druk. — própka, lôtka, vôtka и под.

129. vnôgo, много.

131. bořátsvo, širôtsvo; по ср. udovôlstvo.

ńevêska. goš и под., ср. § 15. xorôšyjo gvožjá (ср. ед. ч. gvoš).
nózři. prázník.

(kukšyn). ráže вм. развѣ.

muškójo plátjo (ср. впрочемъ въ § 7).

xvôs, toqs и т. д.

nojáp ďekár. řot. Ср. въ § 15.

jarosláf [вм. голавль góloven].

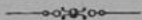
fstań, vzdôr, по stříca (при řs-).

134. stram, dostók.

137. O křof, řubóf и под. см. въ § 12.

148. Говорять kořokólna, bóřna. (kónúšna[i]a).

Христiанiя въ Норвегiи.
Февраль, 1905 г.

Содержаніе.

I. Фонетика.

	Стр.
§ 1. Обозначеніе и характеръ гласныхъ	5
§ 2. Ослабленные оттѣнки гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ; «со- стояніи безразличности» языка	10
§ 3. Къ характеру слоговъ и ударенія	17
§ 4. Судьба стараго ѣ; произношеніе гласной «е»	22
§ 5. Отношеніе гласныхъ о и ъ; произношеніе послѣдняго	32
§ 6. Гласныя безголосныя	51
§ 7. О согласныхъ говора. Согласныя долгія	52
§ 8. Согласныя «шипящія»	55
§ 9. Отношеніе і: ѵ	63
§ 10. Отношеніе j: ĭ; [ĭ] и испаденіе ĭ между гласными	64
§ 11. Согласная v въ отношеніи къ w и ц; знакъ [ц]	72
§ 12. Моменты къ патализациі	75
§ 13. Дѣйствіе палатальныхъ согласныхъ на слѣдующія заднія гласныя; отношеніе а, у, о: ä, ū, ö-е	92
§ 14. Лабіализациі	103
§ 15. Замѣтки объ извѣстныхъ звукахъ въ концѣ и въ началѣ слова. Разныя черты при столкновеніи согласныхъ	108
§ 16. Замѣтки о развитіи описываемаго говора; старое и новое	113

II. Морфологія.

§ 17. Существительныя	117
§ 18. Мѣстоимѣнія; слѣды «члена»	124
§ 19. Прилагательныя	126
§ 20. Числительныя	129
§ 21. Глаголы: спряженіе	131
§ 22. Отдѣльные глаголы	133
Приложеніе: Разныя замѣтки, собранныя по Программѣ для Собиранія Особенностей Нар. Говоровъ	143

